

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Российский государственный педагогический
университет им. А. И. Герцена»

Тишкова Виктория Алексеевна

**РЕАЛИЗАЦИЯ ИДИОМАТИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА
ТОПОНИМИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ В НЕМЕЦКОМ УЗУСЕ**

5.9.6. Языки народов зарубежных стран (германские языки)
(филологические науки)

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук,
профессор Копчук Л.Б.

Санкт-Петербург
2024

Оглавление

Введение.....	4
Глава 1. Актуальные аспекты изучения топонимов	14
1.1 Топонимика как раздел ономастики: от истоков к современному состоянию	14
1.2 Лингвокогнитивный подход в исследовании топонимической семантики	21
1.3 Лингвокультурологический подход к изучению топонимов	34
1.3.1 Лингвокультурология: основные идеи и понятия	34
1.3.2 Коды культуры. Пространственный и аксиологический коды	38
1.3.2.1 Код культуры: содержание понятия	38
1.3.2.2 Пространственный код культуры	44
1.3.2.3 Аксиологический код культуры	50
Выводы по главе 1.....	54
Глава 2. Топонимы немецкого языка в лингвокогнитивном и лингвокультурологическом аспектах изучения.....	57
2.1. Топонимическая система немецкого языка: основные черты.....	57
2.2 Семантика топонимов: природа, статус, структура	63
2.3 Интра- и экстралингвистическая обусловленность семантики топонимов	72
2.3.1 Интралингвистические факторы формирования и развития топонимической семантики	72
2.3.2 Экстралингвистическая обусловленность семантики топонимов	78
2.4 Топонимические концепты в языковой картине мира немецкого социума	89
Выводы по главе 2.....	113
Глава 3. Реализация идиоматического потенциала топонимов во фразеологии	116
3.1 Семантическая трансформация топонимов: краткая характеристика.....	116
3.2 Степень идиоматизации топонимов в составе фразеологизмов	120
3.2.1 Фразеологизмы с топокомпонентом в прямом значении	120
3.2.2 Семантическая трансформация топонимов в составе ФЕ	126
3.2.3 ФЕ с топокомпонентом, используемым в буквальном толковании	143
3.3 Топокомпоненты фразеологизмов как знаки культурного кода	151
3.3.1 Топонимы в составе фразеологизмов как знаки пространственного кода культуры	151

3.3.2 Топокомпоненты ФЕ на службе аксиологического и пространственного кодов культуры.....	157
3.3.3 Топокомпоненты ФЕ как знаки аксиологического кода культуры	162
Выводы по главе 3.....	167
Заключение	171
Список использованной литературы.....	177
Лексикографические и справочные источники	213
Текстовые источники и электронные ресурсы	218
ПРИЛОЖЕНИЕ 1	219
ФЕ с топокомпонентом в прямом значении при актуализации фоновой семантики.....	219
ПРИЛОЖЕНИЕ 2	220
ФЕ с топокомпонентом, сорезализующим идиоматическое значение при актуализации части номинативного значения /фоновой семантики	220
ПРИЛОЖЕНИЕ 3	223
ФЕ с топокомпонентом, сорезализующим идиоматическое значение при отсутствии актуализации топонимической (в том числе фоновой) семантики (связь между идиоматическим и топонимическим значением нарушена или утеряна полностью)	223
ПРИЛОЖЕНИЕ 4	224
ФЕ с топокомпонентом, реализующим значение, мотивированное внутренней формой слова	224
ПРИЛОЖЕНИЕ 5	225
ФЕ с топокомпонентом, являющиеся знаками пространственного кода культуры.....	225
ПРИЛОЖЕНИЕ 6	226
ФЕ с топокомпонентом, являющиеся знаками аксиологического и пространственного кода культуры	226
ПРИЛОЖЕНИЕ 7	229
ФЕ с топокомпонентом, являющиеся знаками аксиологического кода культуры (связь с пространственной /топологической семантикой отсутствует)	229

Введение

Диссертационное исследование посвящено изучению немецких топонимов как компонентов фразеологических выражений в аспекте реализации их идиоматического потенциала и влияния топонимической семантики на формирование идиоматического значения в целом.

Актуальность исследования обусловлена его предметом и сопряжением в нем двух ведущих подходов современной лингвистики, что предполагает понимание языковых знаков одновременно как единиц языковой системы и как средств фиксации полученных человеком знаний, т.е. продуктов мыслительно-языкового взаимодействия, реализуемого в первичных и вторичных процессах концептуализации при формировании языковой картины мира.

Решение проблем в этих сферах предполагает подход к языку как, с одной стороны, инструменту и механизму сложнейшего процесса – познания окружающего мира и хранения полученных знаний, а с другой – как к результату этого процесса. Языковые знаки рассматриваются в этой связи как средства фиксации полученных знаний, как единицы языка, семантика которых зависит и определяется когнитивными процессами получения и переработки знаний об окружающем мире. Изучение аспектов взаимовлияния языка со средой (определяемой культурными и когнитивными параметрами деятельности *homo loquens*), получивших эвристическую значимость с конца XX столетия, осуществляется сегодня на различном языковом материале.

Топонимы являют собой языковые знаки, ярко демонстрирующие данное взаимовлияние. Будучи образованными для номинации географических объектов по существующим в языке словообразовательным законам и отражая на начальном этапе функционирования своей внутренней формой характеристики объекта номинации, топонимы со временем превращаются сначала в знак целостного объекта, формируя денотативное значение, а затем – по мере приобретения объектом топонимации значимости и формирования связей с культурными смыслами, – становятся

своего рода свернутым текстом, в котором закодирована культурно-историческая ценность географического объекта.

Изучение национальной (региональной) топонимии в рамках лингвокультурологического и лингвокогнитивного подходов, актуальное в последние десятилетия XX века и в настоящее время, оправдано сущностью топонима быть знаком жизненно важных объектов пространства жизнедеятельности человека и закреплять в своей семантике знания о всех значимых для человека событиях и явлениях, связанных с географической реальностью.

Являясь результатом рационально-логического и чувственного осмысления мира, топонимы обладают огромным семантическим, в том числе образным потенциалом, который реализуется в использовании их как знаков вторичной номинации, а также в составе фразеологических единиц в качестве топокомпонентов. Исследование этого потенциала, предпринятое в настоящем исследовании, актуально в аспекте выявления, с одной стороны особенностей языкового механизма семантической трансформации, которому подвергается как сам топоним, так и включающий его в качестве компонента фразеологизм, а с другой, – взаимовлияния концептуальной и языковой семантики в процессах идиоматизации.

Актуальность исследования топонимических фразеологических единиц определяется также значимостью изучения конкретных фрагментов языковой картины мира в сознании различных народов и отражения их в языке.

Объектом исследования являются немецкие топонимы как знаки языка и культуры.

Предметом исследования является идиоматический потенциал топонимов в составе фразеологических и устойчивых словосочетаний и особенности его реализации в них.

Под идиоматическим потенциалом топокомпонентов понимается возможность топонима становиться основой метафоризации и идиоматизации

содержащего его выражения и влиять тем самым на формирование идиоматического значения.

Исследование выполнено в русле лингвокогнитивного и лингвокультурологического подходов, главным положением которых является утверждение взаимообусловленности языковой и концептуальной семантики (в терминах лингвокогнитологии) и языковой семантики и культурных смыслов (в терминах лингвокультурологии).

В соответствии с объектом и предметом исследования и принятым подходом к пониманию языка и языковой семантики **цель исследования** заключается в установлении роли топонимов как носителей национально-культурной информации в составе немецких фразеологизмов, в том числе, в процессах их идиоматизации.

Достижение поставленной цели предполагает решение следующих **задач**:

- 1) определить природу и статус топонимов с точки зрения их семантики;
- 2) выявить и проанализировать факторы (экстра- и интралингвистического уровней), определяющие объем топонимической семантики;
- 3) определить специфику топонимов как знаков культурного кода и концептов национальной картины мира;
- 4) определить роль топонимов в составе немецких фразеологизмов как культурно значимых компонентов, влияющих на формирование фразеологического значения;
- 5) проанализировать характер семантических процессов, которым подвергаются топонимы в составе фразеологических выражений;
- 6) выявить принадлежность фразеологизмов с топокомпонентом к знакам культурных кодов.

В ходе решения поставленных задач осуществлялась проверка исходной **гипотезы исследования**, согласно которой топонимический компонент в

составе ФЕ, несмотря на процессы идиоматизации, имеет тенденцию к сохранению части своей семантики, актуализируемой контекстом выражения. Это объясняется активным функционированием топонима в системе языка и реализацией всего объема его значения в речи. Сокращение интенсивности употребления и усечение семантической структуры топонима в связи с утратой некогда значимой информации ведет к утрате топонимической семантики и в структуре фразеологического значения.

Теоретико-методологический базис исследования составили существенные для цели исследования концепции и отдельные положения, разработанные в трудах ученых

- *в области топонимики и общей ономастики:* В.Д. Беленькой, Е.Л. Березович, В.Д. Бондалетова, Н.В. Васильевой, М.В. Горбаневского, В.Г. Костомарова, Е. Куриловича, А.К. Матвеева, Э.М. Мурзаева, А.П. Нерознака, В.А. Никонова, Н.В. Подольской, А.И. Попова, А.А. Реформатского, А.В. Суперанской; В.Н. Топорова;
- *в области лингвокогнитологии:* Н.Н. Болдырева, С.Г. Воркачева, А.А. Залевской, Е.С. Кубряковой, М.В. Никитина, З.Д. Поповой и И.А. Стернина, Г.Г. Слышкина, Ю.С. Степанова, М. Бирвиш (Bierwisch), Д. Буссе (Busse), Ч. Филлмора (Fillmore), Дж. Лакоффа (Lakoff), Р. Лэнккера (Langaker);
- *в области лингвокультурологии:* Н.А. Алиференко, Н.Д. Арутюновой, Е.М. Верещагина, В.И. Карасика, В.В. Красных, В.А. Масловой, С.Г. Тер-Минасовой, В.Н. Телия;
- *в области фразеологии:* А.Н. Баранова, Д.О. Добровольского, А.В. Кунина, В.М. Мокиенко, В.Н. Телия, Ю.С. Степанова;
- *в области методологии лингвистических исследований:* А.Н. Баранова, Н.А. Бесединой, Н.Н. Болдырева, В.А. Масловой, И.А. Стернина.

Материалом исследования послужили фразеологические выражения с топонимическим компонентом в количестве 160 единиц, отобранные методом

сплошной выборки из современных фразеологических и толковых словарей и справочников немецкого языка.

Анализ зафиксированных микроконтекстов употребления фразеологизмов с топонимическим компонентом проводился на материале корпусных данных Берлинско-Бранденбургской Академии наук (Цифровой словарь немецкого языка – DWDS:<http://www.dwds.de>) и онлайн-словаря диахронической фразеологии (<http://www.oldphras.net>).

Фразеологические выражения (фразеологизмы), составившие материал исследования, были отобраны согласно следующему пониманию термина. В работе принято широкое толкование фразеологизмов как устойчивых словокомплексов (в трактовке И.И. Чернышевой [Чернышева 1970]) идиоматического (с полностью или частично переосмысленной семантикой компонентов) и неидиоматического (с прямым значением компонентов) характера. Под фразеологической единицей (ФЕ) понимается устойчивое выражение, значение которого является результатом полной или частичной семантической трансформации входящих в ее состав компонентов, обеспечивающей формирование единого – идиоматического значения. Под устойчивым словокомплексом неидиоматического характера понимаются устойчивые словосочетания и предикативные конструкции, значение которых есть сумма значений входящих в их состав компонентов. Их отнесенность к фразеологическому фонду национального языка определяется их свойством воспроизводимости и устойчивости формы, обеспечивающим им статус языковой единицы.

В соответствии с целью, задачами и объектом исследования были использованы следующие общие и частные научные методы.

Основными общенаучными методами исследования в данной работе послужили *наблюдение, систематизация, обобщение и интерпретация эмпирического материала.*

Частными методами языкознания, применяемыми в ходе настоящего исследования, стали:

описательный метод как совокупность приемов обобщения и классификации языковых данных,

метод семантического анализа, позволяющий определить семантическую структуру топонимов на основе словарного значения;

метод контекстуального анализа, позволяющий выявить семантическое своеобразие топонимов на основе их употребления в современных публицистических текстах;

метод фразеологического описания, позволяющий осуществить анализ семантики исследуемых единиц;

этимологический метод, используемый для описания источников происхождения ФЕ с топонимическим компонентом;

метод лингвокультурологического анализа, посредством которого определяется роль топонима как национально-специфического компонента в составе фразеологизма.

Научная новизна исследования заключается, во-первых, в определении семантического вклада топонима в значение ФЕ и устойчивых словосочетаний; во-вторых, в рассмотрении топонимических фразеологизмов как знаков культурных кодов – пространственного и аксиологического.

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что изучение особенностей формирования семантики немецких топонимических фразеологизмов вносит вклад в дальнейшее развитие лингвокультурологического подхода к изучению языка и его единиц, в развитие топонимики в аспекте понимания семантической сущности ее единиц и фразеологии в аспекте описания механизмов фразеологизации и идиоматизации.

Практическая значимость работы состоит в возможности использования полученных результатов исследования в практике преподавания лекционных и практических занятий по германской филологии в высшей школе. Материалы исследования могут быть использованы в разработке и преподавании курсов по общему языкознанию, лексикологии,

лексикографии, лингвокультурологии, этнолингвистике, межкультурной коммуникации, в спецкурсах по лексической семантике. Материалы диссертации могут представлять также научный интерес для выполнения курсовых и дипломных работ, а также для новых диссертационных исследований. Собранный материал может быть использован в качестве источника разнообразных страноведческих сведений, знание которых важно для адекватного восприятия иноязычных текстов; для практики общения с носителями языка, необходимым условием которой является владение лексическими и ФЕ, отражающими картину мира немецкого народа и в практике перевода фразеологизмов с национально-культурной семантикой.

Рекомендации по использованию результатов диссертационного исследования. Результаты данного исследования могут быть использованы в вузах гуманитарного направления при создании спецкурсов и учебных пособий по лексикологии, лингвокультурологии, лингвострановедению немецкоязычных стран, истории немецкого языка, когнитивной семантики, межкультурной коммуникации, при написании методических пособий, дипломных и курсовых работ.

Обобщение наиболее существенных результатов проведенного исследования позволяет сформулировать и предложить к защите следующие **положения:**

1. Топонимы являются языковыми единицами ономастики, обладающими семантикой особого рода, которая определяет их функционирование в языке как первичных и вторичных языковых знаков и компонентов ФЕ. Семантическая специфика топонимов заключается в наличии семантического ядра – денотативного компонента (обобщенного представления об объекте номинации), и периферии, содержанием которой является фоновая семантика.
2. Фоновая семантика топонима представляет собой совокупность семантических элементов, фиксирующих знания носителей языка об объекте топонимации в аспекте связанных с ним культурных

- смыслов. Ее содержание определяет функциональный потенциал топонима и его реализацию в характеризующей и оценочно-эмотивной функции.
3. Используемый в качестве компонента в составе фразеологизма, топоним занимает в нем семантически ядерную позицию, проявляющуюся в его способности становиться источником метафоризации и дальнейшей идиоматизации.
 4. Идиоматический потенциал топонимов в составе немецких фразеологизмов определяется степенью сохранения их топонимического значения в составе выражения и реализуется в трех вариантах: а) топокомпонент не подвергается семантической трансформации, реализуя в составе фразеологизма некую часть своей фоновой семантики; б) топокомпонент подвергается семантической трансформации, становясь в результате основой идиоматического значения, но сохраняя при этом связь с семантическими элементами основного значения, в) топокомпонент подвергается полной семантической трансформации и не проявляет более связи с топонимическим значением.
 5. Наличие топокомпонента в составе фразеологизма обеспечивает последнему статус знака пространственного и /или аксиологического кода культуры. Немецкие фразеологизмы – знаки пространственного кода культуры – это устойчивые словосочетания и предикативные конструкции с топокомпонентом в его прямом значении. Фразеологизмы, совмещающие знаковую функцию пространственного и аксиологического кодов культуры, содержат топокомпонент как часть идиоматического значения, который актуализирует в сознании носителей языка как пространственные, так и оценочные смыслы. Немецкие фразеологизмы, являющиеся знаками исключительно аксиологического кода культуры, включают топокомпонент в обобщенно-номинативном значении или значении, мотивируемом его

внутренней формой, и выполняют в языке исключительно оценочную функцию.

Апробация материалов. Основные теоретические положения диссертации были изложены в докладах на конференции «Герценовские чтения» в РГПУ им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург, май 2005 г.) и на аспирантском семинаре кафедры германской филологии РГПУ им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург, февраль 2006 г.). По теме диссертационного исследования опубликовано 9 статей, 4 из них в журналах, которые входят в обновленный реестр ВАК РФ.

Структура диссертации определяется задачами исследования и логическими связями между ними. Диссертация включает в себя введение, три главы, заключение, список использованной литературы, список лексикографических источников и семь приложений. Содержание диссертационного исследования изложено на 178 страницах машинописного текста (общий объем 232 страницы). Библиографический список содержит 322 наименования, из них 60 – на иностранных языках.

Во *введении* дается общая характеристика проблемы исследования, определяется предмет и объект исследования, обосновывается актуальность и научная новизна выбранной темы, формулируется цель и основные задачи, определяется объект и предмет исследования, практическая и теоретическая значимость полученных результатов, описывается структура диссертационного исследования, формулируются положения, выносимые на защиту.

Первая глава диссертации «*Теоретические основы изучения топонимов*» обосновывает теоретико-методологическую базу исследования, дает краткое описание современного состояния топонимики как лингвистической дисциплины и изложение центральных положений лингвокогнитивного и лингвокультурологического подходов с акцентом на таких ключевых понятиях, как концепт, языковая картина мира, лингвокультурный код.

Вторая глава работы «Топонимы немецкого языка в лингвокогнитивном и лингвокультурологическом аспектах изучения» посвящена анализу ключевых проблем топонимики, не имеющих однозначного решения в современной лингвистической науке: определению природы, статуса и структуры значения топонимов и влиянию интра- и экстралингвистических факторов на его формирование, выявлению связи между значением топонима и семантикой одноименного концепта, между спецификой топонимической семантики и ролью топонима служить национально-маркированной единицей языка и знаком пространственного кода культуры.

В третьей главе «Топонимические фразеологизмы немецкого языка: идиоматический потенциал топонимов и его реализация» представлены результаты анализа семантики немецких фразеологизмов с топокомпонентом в аспекте влияния входящих в их состав топонимов на процесс идиоматизации и на специфику фразеологизма служить знаком лингвокультурного кода.

В заключении излагаются основные результаты исследования и намечаются перспективы дальнейшего изучения исследуемых проблем.

Глава 1. Актуальные аспекты изучения топонимов

1.1 Топонимика как раздел ономастики: от истоков к современному состоянию

Имена географических объектов составляют большой пласт лексической системы любого языка и отличаются активностью в употреблении. По словам известного топонимиста Э. М. Мурзаева, «невозможно представить себе жизнь современного общества без географических названий. <...> Они повсеместно и всегда сопровождают наше мышление с раннего детства. Все на земле имеет свой адрес.» [Мурзаев 1979:4].

Уже в глубокой древности ученые стали интересоваться происхождением имен собственных, в том числе наименований географических объектов, пытаясь дать им объяснение и понять их сущность.

Имена собственные занимают особое положение в системе языка. Они служат в первую очередь для называния единичного предмета и позволяют тем самым отличить его от других. Обширным разделом ономастиологии – науки о обозначении и номинации – является *ономастика* (греч. *onomastike* (techne) – искусство давать имена) – дисциплина, изучающая имена собственные.

Совокупность имен собственных (онимов) принято обозначать термином *онимия*. А.В. Суперанская приводит следующее определение ономастики: «Термин ономастика имеет два значения. Во-первых, им обозначается комплексная наука об именах собственных; во-вторых – сами имена собственные; в последнем значении употребляется также термин *онимия* [Суперанская 1973: 5].

Становление науки ономастики как самостоятельной дисциплины имело длительный процесс. Ономастика возникла как прикладная дисциплина на стыке географии, истории, культурологии и других наук.

Изучением имён собственных (далее ИС) занимались многие отечественные и зарубежные лингвисты. Предметом исследований

становилась специфика значения ИС (Н.Ф. Алефиренко, В.А. Никонов, А.А. Реформатский, М.Э. Рут, А.А. Уфимцева и др.); изучение региональной ономастики (Р.А. Агеева, Т.Н. Дмитриева, С.А. Попов, В.И. Супрун и др.). Функционирование ИС в художественных текстах также представляет большой интерес для ученых-лингвистов (В.Д. Беленькая, Ю.А. Карпенко и др.). ИС рассматриваются также в лингвокультурологическом аспекте (Е.Н. Верещагин, В.Г. Костомаров). ИС в составе ФЕ рассматривались на материале одного или нескольких языков (Г.П. Манушкина, О.А. Сосой и др.). В зависимости от категорий объектов ономастика подразделяется на:

- 1) *антропонимику* – раздел ономастики, изучающий антропонимы: имена людей и составляющие этих имен (личные имена, отчества, фамилии, псевдонимы, прозвища и т.д.);
- 2) *топонимику* – раздел ономастики, изучающий географические названия (топонимы);
- 3) *зоонимику* – раздел ономастики, изучающий клички животных;
- 4) *астронимику* – раздел ономастики, изучающий названия небесных тел.

Термин *топонимика* был впервые введен в употребление французским ученым Жаном-Франсуа Бладе в 1862 г., хотя термин *топонимический* был использован раньше – французским ученым Бодримоном в 1853 г.

Становление топонимики как науки имеет длительную историю. Уже в Древнем Египте делались попытки описания и квалификации топонимов. В античной науке сформировалась традиция объяснять топонимы, встречающиеся в историко-географических трудах, хотя зачастую топонимическая этимология интерпретировалась каким-либо мифологическим сюжетом и исходя из греческого языка или латыни. Среди античных трудов, известных сегодня в топонимике, значатся «История» Геродота, «Естественная история» Плиния Старшего, «География» Страбона.

Зародившаяся в античности традиция изучения топонимов в историческом и географическом аспектах развивалась в науке и дальше.

Именно постоянным интересом к географическим названиям, которые рассматривались как источник научной географической информации, обусловлено развитие топонимического направления в России, начиная с 18 века. Как известно, В.Н. Татищев, основоположник данного направления в России, считал топонимию частью географии.

И сегодня топонимика как наука находится на стыке географии, истории и языкознания. В Лингвистическом энциклопедическом словаре приводится следующее определение топонимики: «*Топонимика* (от греч. *topos* – «место» и *онома* «имя, название») – раздел ономастики, изучающий географические названия (топонимы), их функционирование, значение, происхождение, структуру, ареал распространения, развитие и современное состояние. Совокупность топонимов на какой-либо территории составляет ее *топонимию*» [ЛЭС: 515]. Таким образом, исходя из данного определения топоним – это собственное имя географического объекта (географическое название).

Основным назначением любого топонима является фиксация места географических объектов на поверхности земли. Основное значение любого географического объекта – дифференциальное.

Топонимика занимает значительное место в научном знании о языке и его единицах.

Интерес к происхождению географических названий в отечественной науке возник давно. В ранних русских летописях, в географических лексиконах уже XVIII века можно нередко встретить различные толкования географических названий. В трудах В.Т. Татищева, М.В. Ломоносова, А.П. Сумарокова содержатся попытки дать топонимам аналитическую трактовку. Среди топонимистов, внесших значительный вклад в развитие топонимики, следует назвать таких ученых как А.А. Реформатский, В.А. Никонов, Е.М. Поспелова, А.М. Селищев, А.В. Суперанская, Н.В. Подольская, О.Н. Трубачев, В.Д. Бондалетов, Л.В. Успенский и др.

В последние десятилетия особый интерес лингвистов обращен к проблемам изучения региональной топонимики. Среди ученых, внесших свой вклад в эту научную область, Т.Н. Дмитриева, А.Г. Митрошкина, Т.А. Сироткина, В.И. Супрун, Л.В. Шулунова, А.С. Щербак и др. Особое значение для становления и развития данного направления науки имеют исследования ученых-географов Э.М. Мурзаева, Е.М. Поспелова, А.И. Попова и др.

В ряду ученых, внесших существенный вклад в становление и развитие топонимики, следует назвать В.А. Никонова, который занимался исследованиями историчности топонимики, разработкой принципов топологии и классификации топонимов [Никонов, 1971, 1974, 2010, 2011]. В споре о том, к какому классу имен относятся имена собственные, В.А. Никонов относил их к группе понятийных имен, поскольку основное значение имени собственного, по его мнению, соответствует определённому денотату и обладает своим единичным понятием. В своей книге «Введение в топонимику» ученый выделяет три основные функции топонима: 1) *адресную (номинативную)*, 2) *дескриптивную* (только в случае мотивированности названия), 3) *идеологическую* (опирается на этимологическое значение, но чаще всего на посттопонимическое значение) [Никонов 1965: 62-63]. По мнению исследователя, адресная, или номинативная, функция является обязательной для географического названия.

Функциональная специфика топонимов рассматривается в работах М.В. Голомидовой, согласно которой, у топонима существуют следующие функции: 1) функция *локации* (указания на место), 2) функция *индексации* (выделения объекта из ряда однотипных объектов) и 3) функция *именования* (индивидуализирующего называния) [Голодомидова 1998: 144].

В работах Г. П. Смолицкой особое внимание уделено истории возникновения и развития топонимов, их функционированию и распространению. В центре научного интереса этого исследователя – топонимика города Москвы, а именно исследования внутригородских

объектов – улиц, площадей, микрорайонов, в которых отражена история города и его жителей. По мнению ученого, история названий улиц, проспектов, площадей, микрорайонов Москвы содержит значимую страноведческую информацию о истории самого города, страны, о развитии русской культуры, о русском языке и его истории.

Особое место в исследованиях топонимии занимают работы А. В. Суперанской. Ее научный интерес определяется изучением номинативной специфики топонимов – проникновением в самую суть явления. На основе проведенных исследований ученый выделяет характерные отличия топонимической лексики от слов общей лексики, к которым относятся:

- вторичность ономастических номинаций;
- индивидуальность каждого акта номинации;
- особо тесная связь имени с именуемым объектом;
- отсутствие непосредственной связи имени с понятием;
- отсутствие связи смысловых компонентов имени со смысловой линией текста, в котором оно употребляется;
- повышенная связь имени с культурно-историческим фоном [Суперанская 1978, 2007].

По мнению А. В. Суперанской, значение топонимов не должно приравниваться к значению имени нарицательного, от которого оно образовано. Значение топонима определяется известностью того объекта, который с его помощью именуется. По мнению автора, топонимы редко непосредственно соотносятся с реалиями, а, следовательно, и с именами нарицательными. Между ними, как правило, существует ещё одно или несколько промежуточных звеньев: других собственных имен. Причины, почему данные собственные имена образовались именно от этих слов, а не от их синонимов, могут быть достаточно случайными. Для того чтобы правильно понимать географические названия, не обязательно знать нарицательное значение тех слов, от которых они были образованы, но обязательно знать, с

каким объектом соотносится топоним. По мнению ученого, имена собственные не обладают какими-либо специфическими функциями. Номинативная, адресная, идентифицирующая функции, а также функции выделения, дифференциации и описания не являются самостоятельными функциями, а являются модификациями общей – коммуникативной функции [Суперанская 2007: 272-273].

Отечественные работы в области топонимики посвящены в основном изучению структурных особенностей географических названий, а материалом исследования, как правило, являлась топонимия России. Проблемам изучения природы топонимов посвящены работы Б.А. Серебрянникова, О.Ф. Рипецкой, М.Г. Бакшеева, Н.В. Подольской, В.В. Тумановой [Бакшеева 2001; Подольская 1990; Рипецкая 1954; Серебрянников 1959, 1970; Туманова 1989].

В последние десятилетия особое значение в исследованиях топонимов придается их национальной окрашенности и связи с лингвокультурологией, наукой, занимающейся отражением культуры в языке. Интерес к этой проблематике нашел свое отражение в исследованиях С. Г. Воркачева [Воркачев 2001], В. В. Воробьева [Воробьев 2008], В. А. Масловой [Маслова 2004] и постепенно сформировался в отдельный лингвокультурологический подход.

В современных лингвистических исследованиях существуют различные подходы к анализу топонимической лексики. Среди активно развивающихся в последнее время выделяются этнолингвистический, лингвокультурологический и когнитивный подходы.

Исследования в русле *этнолингвистического подхода* представлены в работах Е.Л. Березович [Березович, 2010;], С. Герда [Герд 1994] (см. также [Свод топонимов Заонежья 2013]), Н.И. Толстого [Толстой 1970, 1983] и др. В центре внимания исследователей находится национальная специфика языкового знака, этноязыковое своеобразие топонимов. Именно через него ученые пытаются познать феноменальный опыт среды обитания человека.

При таком подходе предмет исследования расширяется и переносится с содержания языкового знака на сознание человека [Толстой 1995: 58-59].

Лингвокультурологический подход к изучению топонимов приобрел значимость вместе с развитием и распространением лингвокультурологии как науки о языке. Среди ученых, развивающих лингвокультурологический подход в исследовании топонимов – Е.Л. Березович, В.Д. Бондалетова, Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров и др. Значимым в методологии этого подхода стало введение В.Г. Костомаровым и Н.Д. Бурвиковой термина «логоэпистема» и использование двухуровневого анализа: на уровне языка и на уровне культуры [Бурвикова, Костомаров 2003: 40-46]. Как известно, логоэпистема есть обозначение языкового выражения (словосочетания, предложения), закрепляющего в языке некоторый след общественной и культурной памяти носителей языка. Рассматриваемая с этих позиций логоэпистема понимается как языковой знак, который передает информацию о фрагменте культурного наследия носителей языка, закрепленного в языковом выражении.

Топонимы неразрывно связаны с фоновыми знаниями носителей того или иного языка и культуры: «в них, как в зеркале, отражается история данного заселения и освоения данной территории [Томахин 1980:48]. Именно этим они являются привлекательными не только для филологов, но и для историков, этнографов и географов. По уже ставшим крылатыми словам А.Ф. Лосева, в имени собственном хранится «все наше культурное богатство, накопленное на протяжении веков» (цит. по: [Никонов 1965: 123]). Е.М. Верещагин и В.Г. Костомаров считают, что «имена собственные обладают яркой национально-культурной семантикой, поскольку их групповое и индивидуальное значение прямо производно от истории культуры народа – носителя языка» [Верещагин, Костомаров 2005: 103].

Когнитивный подход к исследованиям топонимов является одним из самых молодых среди названных и представлен в трудах таких ученых как Е.Ф. Ковлак [2009], Н.Д. Голев, Л.М. Дмитриева [2008], Е.Л. Калинина

[2009], Л.А. Климкова [2008], В.В. Корнева [2012] и др. В рамках данного подхода содержащееся в топониме значение рассматривается как результат отражения действительности сознанием человека. В центре внимания – когнитивная функция топонимов, которая заключается в их способности фиксировать и аккумулировать полученные человеком знания неких локусов. Топонимы встраиваются в общее лингвокогнитивное представление о языке, сознании и экстралингвистической реальности и, являясь знаками, фиксирующими знания человека о географической действительности, рассматриваются как единицы, объективирующие ментальные структуры (концепты) топонимической картины мира.

В настоящем исследовании топонимы изучаются в рамках лингвокогнитивного и лингвокультурологического подходов и рассматриваются как знаки, с одной стороны топонимических концептов, а с другой, – как знаки культурного кода. Сопряжение данных подходов обусловлено единством их основных положений, касающихся взаимодействия языкового и концептуального уровней, понимания семантики языкового знака и ее описания. Использование положений лингвокогнитивного подхода в рамках настоящего исследования позволяет объяснить своеобразие топонимической семантики, как на уровне содержания, так и на уровне структуры, лингвокультурологического подхода – использование национально (культурно) маркированных сем топонимического значения в качестве источника метафорического образа в оттопонимических единицах и ФЕ с топокомпонентом.

1.2 Лингвокогнитивный подход в исследовании топонимической семантики

Становление языкознания как любой науки связано с развитием общих и частных подходов к пониманию объекта исследования и его изучению и формированием на их основе единой научной парадигмы. Как известно, на

протяжении XIX-го и до 70-80 годов XX-го столетия развитие науки о языке определялось сначала рамками *сравнительно-исторической*, а затем *системно-структурной парадигмы*, которые рассматривали язык через призму его исторического развития или, соответственно, внутреннего устройства.

Глобальный пересмотр основных положений, формирующих взгляд на сущность языка и его устройство, произошел с приходом в науку идеи антропоцентризма. *Антропоцентрический* взгляд на мир предполагает рассмотрение объектов и явлений окружающей действительности через призму человека. Если в структуралистской концепции – имманентно-семиологической парадигме – язык рассматривался как замкнутая система знаков, «в самом себе и для себя», как данность, не зависящая от внешних факторов (по Соссюру, понятие знака образуется посредством различения двух компонентов – сигнификанта – носителя значения и сигнификата – обозначенного), то антропоцентрическая парадигма привела к необходимости рассмотрения языка «в широком экзистенциальном и понятийном контексте бытия человека – в тесной связи с сознанием и мышлением человека, его духовным миром» [Постовалова 1999: 28].

Ведущую роль в переводе исследований в область антропоцентрической парадигмы сыграла когнитивная лингвистика. По мнению Е. С. Кубряковой, «Определение языка как явления когнитивного и когнитивно-процессуального, акцент на том, что язык передает информацию о мире, что он многосторонне связан с обработкой этой информации, обеспечивает протекание коммуникативных процессов, в ходе которых передаются огромные пласты знаний и используются – не менее значительные и сложные – все это придало новое направление лингвистическим исследованиям» [Кубрякова 1994: 54].

Понимание языка как *атрибута человеческого сознания* открыло для лингвистики широкий путь к исследованию и объяснению многих (ранее не поддающихся объяснению) языковых фактов. Признание в качестве

основополагающего утверждения о сопряженности языкового и когнитивного уровней сознания (в американской школе лингвокогнитологии – о их единстве и неразделенности) привело к появлению в лингвистике таких понятий как *концептуальная и языковая картина мира, языковая личность, концепт, концептосфера* и др. и признанию значимости внеязыковых факторов в формировании языковой семантики.

Являясь относительно молодым направлением в исследовании топонимов, когнитивная лингвистика, тем не менее, располагает в настоящее время детально разработанной теорией языка и языковой семантики, соответствующей ей полномерным понятийным и категориальным аппаратом и совокупностью широко апробированных методов исследования.

Какая бы сфера языковой семантики не подлежала изучению, когнитивный подход к пониманию языка предопределяет необходимость обращения к двум семантическим уровням – концептуальному и языковому и, соответственно, к выделению их структурных единиц – концепту и языковому значению.

Широкое понимание концепта, представленное в лингвокогнитологии и концептологии, разнообразие его трактовок и интерпретативных вариантов не помешало его закреплению в когнитивной теории языка и вхождению в качестве центрального понятия во все лингвокогнитивные исследования.

Центральные положения лингвокогнитологии и теории концепта, признанные большей частью лингвистического сообщества, представлены сегодня наиболее детально в научных трудах таких отечественных ученых как Н.Н. Болдырев [2000, 2001], С.Г. Воркачев [2007], А.А. Залевская [2005], В.И. Карасик [1999, 2001], Е.С. Кубрякова [2004а, б], М.В. Никитин [2003], Попова З.Д. и Стернин И.А. [2006], Г.Г. Слышкин [2004], Ю.С. Степанов [1997] и зарубежных: М. Бирвиш [Bierwisch 1979], Д. Буссе [Busse 2008], Ч. Филлмор [Fillmore 1982], Дж. Лакофф [Lakoff 1980, 2006], Р. Лэнкер [Langaker 1991].

Необходимость обращения к концептуальной семантике и концепту как ее структурной единице обусловлена задачами исследования, одной из которых является описание топонимического значения и объяснение его специфики и своеобразия по сравнению с семантикой апеллятивов.

Поскольку неоспоримым и общепризнанным в настоящий момент является положение о сопряжении языкового и концептуального уровней сознания и о формировании языковой семантики, в том числе, на основе концептуальной, то выяснение причин своеобразия значения топонимов с необходимостью предполагает обращение к соответствующим топологическим концептам.

Не ставя перед собой задачу аналитического обобщения точек зрения по проблеме определения природы и статуса единиц концептуального уровня, коими (обобщениями) когнитивная лингвистика обладает сегодня в большом количестве (см., например, работы [Болдырев 2000, 2001; Маслова 2008; Прохоров 2008, Самигуллина 2006, 2008] и многие другие), остановимся лишь на наиболее значимых для задач настоящего исследования положениях, определяющих его исходные позиции.

1. Краеугольным камнем когнитивной теории языка является вопрос соотношения концептуального и языкового уровней (концепта и языкового значения). Позиция, согласно которой это соотношение есть сопряжение названных уровней, широко представлена в западноевропейской (*модульный подход*) и отечественной школе когнитивной лингвистики (см. работы [Залевская 2005; Кубрякова 2004а; Прохоров 2008; Стернин 2004, 2007; Busse 1997, 2008; Lang 1994, 2000; Schwarz 1992] и противостоит американской концепции (см. работы [Lakoff 1987; Langaker 1991, 1999;]), получившей название *холистического подхода*.

Идея холизма в концепции американской школы когнитивистики реализуется в утверждении единства языкового и концептуального уровней, единства природы языкового и энциклопедического знания и восходит к отрицанию философской идеи дуализма субстанции (картезианского

дуализма), постулирующего разделение телесного и духовного, физического и идеального. С точки зрения представителей этой концепции (см. работы, указанные выше), нет доказательств существования чисто языкового уровня, напротив, все семантические «реализации» в языке мотивированы, по мнению представителей данной концепции, энциклопедическими знаниями и, следовательно, являются проявлениями имеющихся концептуализаций. Иными словами, языковая семантика по своей сути есть следствие семантики концептуальной, значение языковой единицы мотивировано семантикой концепта.

Модульный подход к решению проблемы определения природы и статуса языковой семантики восходит, как известно, к идеям генеративной грамматики Н. Хомского и представлен в двух-, трех- и многоуровневой моделях значения, которые, по сути, представляют собой попытки преодолеть редукционизм понятия значения, в наибольшей степени проявляющийся в двухуровневой модели (языковой уровень vs концептуальный уровень) (см. работы [Bierwisch 1987; Lang 1994]).

Переход от трехуровневой (значение ЛЕ – концептуальное содержание – актуальное значение как коммуникативный смысл) модели (М. Шварц [Scwarz 1992]) к многоуровневой (лексический – композиционный – концептуальный – контекстуальный (см. [Dölling 2001: 14]) связан с признанием единой природы, идентичности языкового и концептуального уровней, что прежде всего нашло свое выражение в использовании термина «знание» для описания сущности и языковой, и концептуальной семантики.

Не вдаваясь в подробное описание результатов реализации названных подходов (не входящее в спектр задач настоящего исследования), представим здесь краткое изложение наиболее признанного в отечественной и европейской лингвистике понимания обозначенного вопроса.

Данное понимание есть по своей сути интегративное представление о функционировании языка и когниции, в котором семантическое (языковое) знание имеет статус отдельного уровня, находящегося *в постоянном*

структурном сопряжении с концептуальным уровнем (см. работы З. Шмидт [Schmidt 1996] и представителей отечественной школы когнитивной лингвистики). Исходными моментами этого понимания являются две предпосылки (своего рода, премиссы): 1) человек интуитивно может отличить языковое знание от энциклопедического; 2) описание объема значения ЛЕ невозможно без обращения к знаниям о мире (энциклопедическим знаниям).

Разделение языкового и энциклопедического знания проявляется достаточно четко в так сказать «стерильных» ситуациях, вне их реального употребления, например, в ответе на вопросы «Что означает слово *стол/урок/любовь?*» и «Что такое *стол /урок/ любовь?*» (Что ты знаешь о *столе/ уроке/ любви?*). Это разделение исчезает в ситуации реальной коммуникации, речевого взаимодействия, когда именно коммуникативный (речедеятельностный) контекст актуализирует в сознании понимающего определенные элементы знания. Последние могут всецело соответствовать семантической структуре словарной дефиниции, а могут быть далекими от нее и мотивироваться как социокультурным (интерсубъективным), так и личностным опытом коммуниканта, т.е. вне лингвистическими знаниями. В этой связи значимым является мнение ряда ученых о необходимости дополнения когнитивной трактовки знания социокультурными параметрами: знание есть, с одной стороны, когнитивно-психологический, а с другой, – общественно, культурно и исторически детерминированный феномен (см. [Залевская 2006; Fraas 2002]). Таким образом, языковые выражения, высказанные с коммуникативной целью, оперируют всей совокупностью личных знаний создающего их и понимающего их сознания [Busse 1997: 27], а следовательно, описание и понимание значения слова вряд ли возможно вне совокупной системы знаний о мире и понимания его (значения слова) места в ней.

2. Концепт обладает ментальной природой и является «оперативной содержательной единицей памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга» [КСКТ 1996]. Это положение поддерживается и

признается большинством лингвокогнитологов (см., [Попова, Стернин 2003, 2007; Слышкин 2000; Fraas 1996]). Тем не менее, оно не является окончательной формулировкой, учитывая вопрос о наличии или отсутствии у концепта связи с физической материей. В дилемме «концепт есть сугубо идеальная сущность – концепт связан с консенсуальной областью» выбор все чаще делается в сторону второй точки зрения. Поддерживается она и в настоящем исследовании. Эта понимание основывается на перспективе рассмотрения когниции в системе координат «тело (мозг) – сознание – окружающая среда» (см. работы [Бронник 2009; Залевская 2006, Кравченко 2006], а именно на признании того факта, что концепт «как сущность высшей когнитивной организации непосредственно образуется из низших психических компонентов – образов, эмоций, чувств и т.д.» [Бронник 2009: 17]. По мнению З. Д. Поповой и И. А. Стернина, психофизиологическую основу концепта составляет «некий чувственный образ, к которому «прикреплены» знания о мире, составляющие содержание концепта» [Попова, Стернин 2003: 57], а по определению А.А. Залевской, концепт есть «базовое перцептивно-когнитивно-аффективное образование динамического характера, подчиняющееся закономерностям психической жизни человека» [Залевская 2005: 39].

В перспективе рассмотрения топонимического концепта это положение является очень важным, т.к. за топонимом как именем географического объекта часто стоит его образ или представление, которые наполнены не только фактуальной информацией, но и эмоциональной, ассоциативно-чувственной, оценочной и пр. Именно это обстоятельство позволяет использовать топонимы как знаки вторичной номинации и, более того, обуславливает переход некоторых в статус прецедентных имен.

3. Процесс формирования концепта основывается на процессах познавательной деятельности человека и последующего переосмысления (интерпретации) результатов этой деятельности в категориях «хорошо» – «плохо», соответствия – несоответствия идеализированной картине мира.

Известное всем определение концепта трактует его как единицу сознания, отражающую «содержание результатов всей человеческой деятельности, процессов познания мира в виде неких «квантов» знания» [КСКТ 1996]. Данное определение является верным, но односторонним, т.к. не отражает влияние языка, языковой семантики на дальнейшее развитие и изменение семантики концепта. Сопряжение и взаимодействие концептуального и языкового уровней проявляются именно в факте взаимообусловленности языковой и концептуальной семантики. Значение языковой единицы формируется на основе имеющихся у носителей языка представлений об объекте номинации, т.е. на основе концептуального содержания. Но в то же время, совокупность контекстов употребления языковой единицы, особенно часто повторяющихся, не может не влиять на содержание представления об объекте номинации, т.е. на содержание концепта.

Употребление топонимов в значении, отличающемся от номинативного (обозначение географического объекта), например, в переносном, символическом, расширенном (при актуализации характерных для объекта номинации признаков) значении объясняется наличием в содержании соответствующего концепта элементов знания, оправдывающих такое употребление. В то же время узусальное закрепление этого (изначально окказионального, контекстуального) значения ведет к изменению структуры концепта за счет перехода данных элементов в статус постоянных, актуализируемых «по умолчанию», ядерных.

4. Содержание концепта объективируется в знаках различной физической природы: визуальных (рисунки), аудиальных (музыка), вербальных (язык). При этом наибольшая доля в объективации концептуального содержания приходится на языковые знаки. Выраженность в языке является доказательством сформированности концепта как единицы сознания и ментального лексикона. Чем большим количеством знаков представлен концепт и чем шире сфера их употребления, тем значимее его наличие в языковой картине мире лингвокультурного сообщества.

Топонимические концепты подтверждают это положение, что будет показано ниже в рамках анализа функционального употребления топонимов. Разнообразие контекстуальной реализации семантики топонима, его функциональной сферы, напрямую связано со значимостью объекта топонимации. Иными словами, значимость объекта, который вычленяется языковым сообществом из континуума предметов и явлений с целью его номинации, является условием формирования концепта и фактором, влияющим на его развитие [Арутюнова 1999: 80-81].

5. Следующее положение тесно связано с предыдущим и заключается в утверждении значимости ценностей в процессах категоризации и концептуализации действительности (см, например [Czachur 2011: 98]). Концепт в этом отношении может рассматриваться как единица знания в ценностной перспективе субъекта номинации / национального сообщества. Ценность объекта номинации отражается, закрепляется в представлении о нем и, соответственно, в содержании концепта. Ее повышение ведет к формированию ценностного концепта – концепта, отражающего некий фрагмент ценностной системы и ценностной картины мира. Это, в свою очередь, может стать основой символизации концепта, приобретения им символического значения, совмещающего в себе предметно-чувственную составляющую, связанную с физическим миром и семиотическую, связанную с некоей идеальной сущностью, идеей [Лосев 1994: 40].

Топонимические концепты также подвержены этим процессам, что проявляется, в частности, в метафорическом употреблении соответствующих топонимов: метафора, как известно, основана на сравнении и как таковая содержит (за исключением лексической метафоры) оценку, которая, в свою очередь, имеет ценностную основу. Топонимы также подвержены и символизации, в частности, переходу в статус прецедентного имени.

6. Содержание концепта может рассматриваться как синкретичное и как дискретное одновременно. Как обобщенное представление об объекте оно синкретично и есть некий целостный образ. Как единица знания об объекте

оно структурируемо и позволяет (анализируемому его субъекту познания) выделять составляющие (слои, уровни, ядро – периферию и т.п.). С идеей структурирования концептуального содержания связана идея его моделирования. Реализация последней определяется двумя факторами: задачами научного «препарирования» и типом концепта.

Проблема типологизации концептов появилась в лингвокогнитологии с момента выявления факта их неоднородности. Собственно, само по себе функционирование в научной литературе одновременно с термином *концепт* других терминов как языковых знаков ментальных структур: *фрейм* (Ч. Филлмор, М. Минский), *идеализированная когнитивная модель* (Дж. Лакофф), *когнитивный домен* (Р.Лэнкер), *ментальное пространство* (Ж. Фоконье), – доказывает факт этой неоднородности.

Одной из наиболее детально разработанных типологий концепта является типология Н.Н. Болдырева [Болдырев 2001]. В ней выделяются следующие типы концептов (ментальных структур знания и единиц опыта):

- конкретно-чувственные образы – обобщенные, чувственно-наглядные образы реалий окружающего мира в сознании человека (конкретный телефон, конкретный автомобиль);
- мыслительные картинки (представления) – более высокие по степени абстрактности концепты, фиксирующие наиболее наглядные, внешние признаки предмета или явления (телефон вообще – конкретный аппарат с трубкой, диском/кнопками и т.д.);
- схемы – мыслительные образцы предмета или явления, имеющие пространственно-контурный характер (схематическое представление дома вообще, общие контуры человека и т.д.);
- фреймы – объемные многокомпонентные концепты – «пакеты» информации об определенном фрагменте действительности, знания о стереотипной ситуации;

- сценарии – стереотипные эпизоды, происходящие во времени и пространстве¹.

По мнению многих ученых между концептами разных типов не существует четко очерченных границ [Бабушкин 2001: 53], более того, одна и та же ментальная единица знания и опыта (концепт) может проявляться в момент ее осознания в различной форме в зависимости от ситуации. Так топонимический концепт (совокупность знаний об объекте топонимации и опыта взаимодействия с ним) может иметь как форму конкретно-чувственного образа (например, в случае представления, имеющегося у жителя города или его посетителя), так и фрейма. В первом случае речь идет об обобщенном, чаще всего эмоционально-оценочном образе, который «всплывает» в сознании носителя языка при употреблении топонима. Во втором – об объемной структуре знания, имеющегося у носителя языка, в которой выделяются ряд зон (слотов), соответствующих отдельным фрагментам его существования и функционирования в реальной действительности: *географическое расположение, функциональная значимость, ценность для социума, исторические события* и т.п.

Не вдаваясь подробно в теорию фреймовой семантики, укажем кратко на основные ее характеристики, представленные в учении Ч. Филлмора [Fillmore 1982, 1985]. В его понимании, а также в интерпретации ряда европейских ученых (см., например, [Fraas 2002; Busse 2008; Ziem 2008]) фрейм представляет собой комплексную стандартизованную структуру, включающую определенный набор слотов (вакантных позиций), которые заполняются элементами знания об объекте. Элементы знания могут быть как

¹ Е.П. Ковалевич и О.И. Реунова рассматривают сценарии как разновидность фрейма. Например, отдельные эпизоды внутри фрейма «театр» – посещение театра, покупка билетов и т.п. являются сценариями [Ковалевич, Реунова 2010] А.П. Бабушкин выделяет сценарий как ментальную структуру, состоящую из нескольких этапов (завязка, кульминация сюжета, развязка) и строящуюся на дифференциации ролевых функций его участников [Бабушкин, 2001].

устойчивыми, типичными величинами, так и меняющимися. Первые всегда актуализируются в сознании носителя языка при упоминании имени объекта (актуализируемые «по умолчанию»), вторые – только под воздействием контекста. В совокупности они составляют содержание концепта (концептуальную семантику), который в таком представлении и понимании есть всегда открытая структура, динамичная и развивающаяся.

Модель фрейма, используемая для описания семантики топонимического концепта и его языкового знака (топонима), позволяет сделать это наиболее полно и непротиворечиво, объясняя появление новых семантических элементов и факт расширения семантического объема языковой единицы из факта взаимодействия и сопряжения языкового и концептуального уровней сознания.

Резюмируя выше сказанное в приложении к топонимическому концепту, выделим следующие наиболее значимые для исследования моменты.

Топонимический концепт есть структурная единица концептуальной системы человека, включающая в себя все знания, имеющиеся у человека о некотором географическом объекте.

Топонимические концепты являются ментальными конструктами, единицами сознания, находящимися в тесном сопряжении и взаимодействии с соответствующими языковыми значениями. Изменения в структуре единицы одного уровня определяют изменения в структуре единицы другого. Следовательно, целостное описание значения топонима и семантики соответствующего ему концепта возможно только в их единстве.

Топонимический концепт является единицей концептуальной системы человека, перцептивно-когнитивно-аффективным образованием, имеющим психофизиологическую основу, т.е. результатом познания и переработки чувственного опыта. Следствием этого является возможность появления в его структуре наряду с элементами «объективного» знания (фактуальной информации), элементов знания эмоционально-оценочного характера, как результата интерпретативной деятельности человека.

Топонимический концепт объективируется в языке через языковые знаки – топонимы и их синонимы и тем самым является структурной единицей языковой картины мира. Значимость топонимического концепта в концептосфере народа определяется значимостью соответствующего ему географического объекта. Значимость его в языковой картине мира связана с совокупностью имеющихся в языке номинаций – реализаций концептуальной семантики. Следовательно, чем выше ценность географического объекта в культуре народа, тем более развитой будет система единиц номинации данного объекта и их функциональная сфера.

Высокая значимость географического объекта в жизнедеятельности народа предопределяет статус соответствующего ему концепта как ценностного и включенность его в ценностную картину мира. Ценностные элементы концептуальной семантики должны находить свою реализацию в языке, в том числе в семантике топонимов. Это обстоятельство предопределяет изменение семантической структуры последних и в отношении объема, и в отношении содержания.

Наличие в содержании топонимического концепта большого объема знаний о соответствующем объекте (особенно концептов значимых географических объектов) различной природы (знание фактов – местонахождение, функционал, знание событий – исторических, политических и пр., знания оценочного и эмоционального характера – положительная или отрицательная оценка вышеназванных моментов, оценка объекта топонимации в категориях «хорошо» - «плохо», «нравится» - «не нравится» и т.п.) может быть эффективно представлено полевой моделью с выделением центра (ядра) и периферии, а также модели фрейма, объясняющей реализацию в языке семантических элементов, не фиксируемых ни словарными, ни энциклопедическими статьями.

В этой перспективе рассмотрения топонимический концепт представляет собой открытую, динамично развивающуюся

структурированную систему знаний с нечеткими границами, объективация которых (знаний) в языке никогда не возможна в абсолютно полной мере.

В рамках когнитивного подхода к пониманию языка и языковой семантики значение *топонима* должно пониматься как *результат совокупной объективации (реализации) в языке элементов концептуального содержания, а также как результат синтагматического и парадигматического взаимодействия с другими языковыми единицами*. Семантические элементы, реализуемые при каждом употреблении топонима, т.е. активируемые в сознании «по умолчанию», составляют ядро значения; семантические элементы, активируемые большинством контекстов – ближнюю периферию, редкими контекстами – дальнюю периферию значения. Данные семантические элементы являются вариативными, потенциально возможными.

1.3 Лингвокультурологический подход к изучению топонимов

1.3.1 Лингвокультурология: основные идеи и понятия

Антропоцентрическая парадигма в науке, ориентированная на человека как субъект познания, способствовала сближению многих наук и появлению смежных. Человек стал связующим звеном, объединяющим научные поиски в разных сферах гуманитарных наук: этнолингвистики, этнопсихологии, этнопедагогики, психоллингвистики, лингвокультурологии, когнитивной лингвистики и т. д. По мнению В.А. Масловой, «искусственно разведенные филология, история культуры, культурология, сближаясь друг с другом, стремятся объединиться. В результате возникает чрезвычайно продуктивная пограничная зона – лингвокультурология» [Маслова 1997: 7].

Лингвокультурология как направление в лингвистике и научная дисциплина, возникшая в русле антропоцентрической тенденции в гуманитарных науках на рубеже XX – XXI веков, ориентируется на глубинное исследование языка и культуры в их взаимосвязи, «на переход от позитивного

знания к глубинному на путях целостного синтетического постижения языка как антропологического феномена» [Постовалова 1999: 25].

В основе лингвокультурологического направления лежит идея о взаимосвязи языка и культуры. Лингвокультурология придерживается положения о том, что культура воплощает свое содержание в языке как универсальном средстве означивания мира, что язык хранит и транслирует в речи «общий запас культурных ценностей» [Трубецкой 1995].

Лингвокультурологический подход ориентирован на изучение процессов, которые происходят в сознании носителей языка как представителей культурного сообщества и, соответственно, на установление связи между языком и культурой и выявление этнолингвистической специфики языковых фактов через коды культуры. Коды культуры в их традиционной трактовке составляют план выражения для внутренне связанной системы культурно ценностной информации и установок.

Изучению выражения культурной информации в языковом знаке посвящены исследования многих ученых различных научных направлений, в том числе и тех, которые развивались до антропоцентрического поворота в науке: в семиотике и философии языка – Ю.М. Лотмана, В.Н. Топорова, Вяч. Вс. Иванова, Ю. С. Степанова, В. И. Постоваловой, в этнолингвистике – Н. И. Толстой и С.М. Толстая, в лингвострановедении – В.Г. Костомарова, Е. М. Верещагина, в когнитивной лингвистике – Е. С. Кубряковой, Ю. Н. Караулова, А. Н. Баранова, Д. О. Добровольского, Е. Г. Беляевской, в лексической семантике и концептуальной лингвистике – Ю. Д. Апресяна, А. Вежбицкой, В. Г. Гака, А. Д. Шмелева, Г. Г. Слышкина, В. А. Масловой, С. Г. Воркачева.

Лингвокультурология выявляет через язык и языковые факты недоступные для эмпирического изучения ментальные аспекты культуры народа. По мнению Е. Г. Беляевской, «у языка некоторого социума и у соответствующей культуры имеется единое концептуальное основание – единая внутренняя форма, которая одновременно, по общим принципам,

формирует и языковую систему, и концептосферу культуры» [Беляевская, 2012: 96].

Интенсивное развитие лингвокультурологии проявилось, прежде всего, в возросшем интересе к изучению лингвокультурных концептов. Лингвокультурные концепты в научном понимании большинства лингвокультурологов есть культурно отмеченные смыслы, культурно-обусловленные представления человека о мире, имеющие языковую экспликацию [Воркачев 2001, 2004, 2007; Карасик 2001, 2004; Слышкин 2004]. Термин «лингвокультурный концепт» включает понимание концепта «не только как единицы мышления, но и как культурной ячейки, отражающей ценностные ориентиры общества» [Ефимова 2023: 392]. В научной литературе наиболее значимые и постоянные концепты культуры народа получили также обозначения «константы культуры» (Ю.С. Степанов [Степанов 2004]), «культурные доминанты» (В.И. Карасик [Карасик 2004: 120 - 140]). К лингвокультурным концептам (культурным доминантам) относятся как универсальные, так и культурно специфические концепты. Универсальные концепты составляют основу концептосферы любого народа, это базисные концепты, содержащие представления народа о центральных вопросах бытия. Универсальные концепты имеют инвариантную часть и специфические, этнокультурные компоненты.

Пространство, понимаемое как концепт, относится к универсальным концептам любой лингвокультуры и, как таковое, проявляет общие (инвариантные) характеристики, касающиеся представлений о частях света, о месте и объеме, о своем и чужом, о внешнем и внутреннем и т.п. Этнокультурная и лингвокультурная специфика концепта ПРОСТРАНСТВО определяется географическими, климатическими, экономическими и др. особенностями проживания, а также выраженными в языке образными представлениями.

Объективация концептов как ментальных структур знаний, лежащих в основе представлений о мире и его устройстве в языковых знаках, дает

возможность их изучения и выявления универсальных и специфических черт языкового сознания различных культур.

По мнению В. В. Красных, лингвокультурология рассматривает языковые единицы, которые содержат «представления об окультуренных человеком сферах: пространственной, временной, деятельностной и т. д.» [Красных 2002: 13].

С развитием лингвокультурологии появились новые понятия, значимые для исследований этого направления. В качестве единицы лингвокультурологического анализа В.В. Воробьев использует термин «лингвокультурема» и определяет ее как «диалектическое единство лингвистического и экстралингвистического содержания» [Воробьев 2008: 44-45]. Широкое распространение получили также понятия *культурная семантика, культурная коннотация, код культуры*.

Лингвокультурологический подход обеспечивает выявление культурологической специфики языковых фактов через коды культуры. Топонимы, являясь идентификаторами географических объектов и проявляя в большинстве своем тенденцию к расширению объема своей семантики (см. п. 2.2 работы) демонстрируют то, как процесс наречения превращается в процедуру описания мира.

Лингвокультурологический подход в настоящем исследовании используется в работе во-первых, с целью выявления роли топонима в процессах идиоматизации устойчивых словосочетаний и тем самым для определения влияния национально-культурных факторов на формирование целостного фразеологического значения, а во-вторых, для выявления специфики ФЕ с топокомпонентом как знаков определенного кода культуры.

1.3.2 Коды культуры. Пространственный и аксиологический коды

1.3.2.1 Код культуры: содержание понятия

Проблема исследования языка культуры или семантики культуры есть проблема семиотическая и в этой перспективе часто связана с понятием культурного кода или кода культуры.

Исследование понятия «код культуры» и введение его в культурологические и лингвокультурологические штудии вызвано также развитием антропоцентрического подхода к исследованию культуры. Значимость данного понятия подтверждается широким спектром работ, посвященных самому понятию кода культуры ([Красных 2019: 194–205; Манапова 2019: 155–158]), его взаимосвязи с языком ([Пучкова 2019: 58–62; Гудков 2017: 43–48]), разновидностям кода культуры ([Слива, Волкова 2016: 117–118; Юша 2019: 41–45]) и другим аспектам.

Термин «код» возник в теории информации: код есть «система условных знаков (символов) для передачи, обработки и хранения (запоминания) различной информации» [БСЭ].

Понимание того, что есть код, зависит от сферы научного знания, оперирующего этим понятием.

Код является основным понятием в семиотике, науке о знаках и знаковых системах и как таковой имплицитно подразумевает соответствие между планом выражения и планом содержания, а также класс знаков и правила их расшифровки интерпретатором. По мнению Умберто Эко, код есть «модель, являющаяся результатом ряда условных упрощений, производимых ради того, чтобы обеспечить возможность передачи тех или иных сообщений» [Эко 2004: 83]. Объектом семиотики выступают, как известно, различные символичные системы, ее предметом – знаковые аспекты и сами знаки всех видов коммуникации.

Являясь термином семиотики, код обозначает, по мнению Е.С. Кубряковой, «способность интерпретировать вещи и ситуации как знаки, а, следовательно, осваивать мир не только на поверхностном, материальном и

сенсомоторном уровне, ярко свидетельствует о том, что сам процесс понимания мира есть процесс инференционный, к тому же требует семиотической компетенции людей» [Кубрякова 2005: 97].

В семиотическом аспекте рассматривал код и Ю.М. Лотман. Трактует семиосферу как «синхронное семиотическое пространство, заполняющее границы культуры и являющееся условием работы отдельных семиотических структур и одновременно их порождением», он обозначает код инструментом дешифровки, интерпретации текстов культуры [Лотман 1999: 4].

Понятие кода для описания процессов фиксации и интерпретации (кодирования и декодирования) информации используется многими гуманитарными науками. Потенциал данного понятия огромен. По мнению теоретика культуры Мишеля Фуко, коду принадлежит ключевая роль в жизни человека: «Основополагающие коды любой культуры, управляющие ее языком, ее схемами восприятия, ее обмена, ее формами выражения и воспроизведения, ее ценностями, иерархией ее практик, сразу же определяют для каждого человека эмпирические порядки, с которыми он будет иметь дело и в которых будет ориентироваться» [Фуко 1977: 37].

В социологии культурный код трактуется как «закодированный в определенной знаковой форме комплекс знаков, смыслов и знаний, зашифрованных в материальной и духовной деятельности человека и объектах природы, сложившийся и закрепившийся в сознании людей строго фиксированный набор культурных ценностей, символов и духовного опыта <...>» [Котляров 2022: 4]

Согласно точке зрения одного из представителей западной социокультурологии Дж. Александера, культурные коды составляют культурные множества, «образуя мощную структуру символических отношений <...>. Культурные коды, как и живой язык, построены на знаках, содержащих и означающее, и означаемое» (Цит. по [Кравченко 2010: 16]).

Культура, являясь знаковой системой, должна располагать своими кодами. Их изучение стало предметом научного интереса культурологии, лингвокультурологии и этнолингвистики.

По определению, данному Н.И. Толстым и С.М. Толстой, «культура есть иерархически организованная система различных кодов, т.е. вторичных знаковых систем, использующих различные формы и материальные средства для кодирования одного и того же содержания, которое сводится к «картине мира», к мировоззрению данного социума» [Толстой, Толстая 1995: 7].

В. В. Красных, ведущий отечественный представитель, этнопсихоллингвистики и лингвокультурологии, описывает суть понятия «код культуры» с помощью метафоры «сетка», «которую культура «набрасывает» на окружающий мир, членит, категоризует, структурирует и оценивает его» [Красных 2001: 5].

В этом же ключе рассматривает данное понятие и М.В. Пименова, определяя культурный код как «макросистему характеристик объектов картины мира, объединённых общим категориальным свойством; это некая понятийная сетка, используя которую, носитель языка категоризует, структурирует и оценивает окружающий его и свой внутренний миры» [Пименова 2004: 147].

По мнению В.В. Красных, коды культуры соотносятся с древнейшими архетипическими представлениями человека и «кодируют» эти представления. Одним из главных средств реализации кода культура является, по мнению ученого, метафора [Красных 2001: 5].

Код культуры понимается также как инструмент интерпретации, как ключ к пониманию культурной семантики, культурных архетипов, которые составляют основу этнического самосознания и в этом отношении может трактоваться как «коллективное бессознательное» [Манапова 2019: 155–158]. В лингвокультурологии код рассматривается инструментом, средством, позволяющим понять «как значение преобразовалось в культурный смысл, например, как **конь**, будучи реалией мира, приобретает многочисленные

смыслы в русской культуре, становясь символом силы, выносливости (*работать как конь/ лошадь <...>*) (выд. – авт.) [Маслова 2016: 79]. Е.Л. Березович считает знаками культурного кода не только «лексические группировки, но и связанные с ними фольклорные тексты, верования и проч.» [Березович 2007:15].

В.Н. Телия, один из ведущих представителей отечественной лингвокультурологии, определяет коды культуры как совокупность окультуренных представлений о знаках различной материальной природы: «код культуры – это таксономический субстрат ее текстов. Этот субстрат представляет собой ту или иную совокупность окультуренных представлений о картине мира некоторого социума – о входящих в нее природных объектах, артефактах, явлениях, выделяемых в ней действиях и событиях, ментофактах и присущих этим сущностям их пространственно-временных или качественно-количественных измерений» [Телия 1999: 20-21].

Трактовка кода культуры зависит и от функции, которую выделяют исследователи. Наряду с функцией фиксации и интерпретации культурных смыслов за культурным кодом закрепляется также регуляторная функция: «культурные коды есть «упорядоченное множество взаимосвязанных между собой предписаний, стандартов, ограничений и установок по отношению к разным видам деятельности (коммуникативной, преобразовательной-технологической, семантической, аксиологической, познавательной, эстетической и т. п., центральное звено которых составляет множество знаков (символов), смыслов и их комбинаций» [Аванесова, Купцова 2015: 37].

Коды культуры универсальны как феномен и свойственны человеку, однако их проявления и удельный вес в определенной культуре всегда национально детерминированы [Красных 2001: 5]. Национальная детерминируемость кодов культуры связана, прежде всего, с ценностными представлениями, с системой ценностей той или иной культуры. Вырабатываемое в культуре ценностное содержание образует систему кодов культуры, составляет картину мира того или иного социума.

Включение понятия «код культуры» в категориальный аппарат лингвокультурологии мотивировано необходимостью ориентировать исследования «на рассмотрение соотношения и связи языка и духовной культуры, языка и народного менталитета, их взаимозависимости и разных видов их корреспонденции» [Толстой 1995: 27].

В научной литературе нет сегодня единого мнения по проблеме выделения и классификации культурных кодов (см., например: [Красных 2001: 6; Мезенко 2011: 388-392; Сьянова 2007: 5-7]).

По мнению Б.А. Успенского, главным кодом для семиосферы человека является язык, т.к. он является основным средством выражения значений. Язык может быть исследован в концепции семиосферы, в которой реализуются коммуникативные процессы и происходит выработка новой информации [Успенский 1997]. Этой точки зрения придерживаются Ж.М. Юша [Юша, 2019: 41–45] и Е.В. Пучкова [Пучкова, 2019: 58–62]. По мнению Ж.М. Юша, вербальный код культуры является связующим элементом во всей системе культурных кодов [Юша 2019: 28-29]. В представлении Е.В. Пучковой, естественный язык как главный код культуры является основой, базисом, на котором выстраивается система других кодов культуры [Пучкова, 2019: 58].

С другой стороны, вербальность не может рассматриваться постоянным признаком культурных кодов. Культура сама по себе является знаковой системой, которую образуют знаки различной природы, не только вербальные.

Многообразие типологий и классификаций культурных кодов объясняется наличием различных подходов к пониманию культурного кода и аспектов его рассмотрения.

Так, Е.Л. Березович делит все коды на субстанциональные и концептуальные. Первые, по мнению ученого, определяются на основании общности плана выражения – материальной, субстанциональной природы знаков, составляющих код (цветовая уличная сигнализация, предметный код обряда и др.); вторые – на основании смысловой общности элементов

(концептов, идей, мотивов), которые могут соотноситься с разными материальными воплощениями смысла (растительный код, зоологический, кулинарный и т.п.)» [Березович 2007: 340].

Концептуальная классификация описывает различные области культурных смыслов, например, исследования об игровом коде культуры Гаврилова [2007]; о природном коде [Кабакова 1992]; о растительном коде [Топоров 1977; Ковшова 2009]; о гастрономическом коде [Топоров 1980].

Классификация культурных кодов определяется также принадлежностью знаков культуры к тому или иному тематическому признаку: принадлежность теме «Человек» объединяет культурные знаки в антропный код, теме «Природа» в природный код, теме «Тело» в соматический код и т. п.

Широко поддерживаемой является на сегодняшний момент точка зрения, согласно которой в культурном пространстве выделяются следующие коды: соматический, пространственный, временной, предметный, биоморфный, духовный (См. [Красных 2001: 6; Поречная 2021: 318; Самигуллина 2008: 28-29] и др.). Хотя существуют и иные классификации. Так, например выделяются также топоморфный, антропоморфный, физико-географический, флористический, фаунистический, эмоционально-характерологический, цветовой, темпоральный [Мезенко 2011: 389-391], зооморфный, растительный, предметный, пищевой, акциональный, космический коды [Ковшова 2015: 3–48]. Г. А. Багаутдинова выделяет в своем исследовании и описывает антропоморфный (образ человека и частей его тела); биоморфный (образы животных, растений); объектный (образы предметов обихода, построек, жилища и пр.); анимический (образы явлений природы); мифологический (образы религиозных представлений человека, сказочных персонажей и т. п.); темпоральный (через обозначение времени; пространственный (географический); колоративный (образы, связанные с символикой цвета); квантитативный (образы представлены через единицы измерения или образы количества); терминологический (образы представлены

военными, морскими, математическими и другими терминами) [Багаутдинова 2007:19].

Разнообразие классификаций и подходов к выделению культурных кодов – явление вполне ожидаемое. Скорее всего единого и окончательного перечня культурных кодов дать невозможно, как невозможно выявить и изучить все многообразие проявлений культуры уже только в силу ее постоянного развития.

Результаты настоящего исследования показали значимость двух кодов как системы знаков культуры немецкого народа, представленных ФЕ с топокомпонентом. Первый – *пространственный код культуры* – выделяется всеми исследователями проблемы культурных кодов, второй не имеет единого обозначения и обозначен в настоящей работе как *аксиологический код культуры*.

Проблема выявления кодов культуры в топонимии является одной из актуальных в лингвокультурологии и связана с пониманием имен собственных как языковых средств особого типа, способных кодировать историко-культурную информацию [Васильева 2012: 66]. Некоторые исследователи выделяют в топонимах несколько кодов, как, например, А.М. Мезенко в своем диссертационном исследовании урбанонимов [Мезенко 2011].

В целом сегодня никем не оспаривается значимость онимов в языковом воплощении культурных кодов нации, в том числе топонимической лексики как особой системы проприальных единиц, отражающих восприятие человеком окружающего мира.

1.3.2.2 Пространственный код культуры

Если культурный код вообще – это сетка, набрасываемая культурой на окружающий мир, посредством которой происходит категоризация, структурирование и оценивание этого мира [Красных 2002: 232], то, следовательно, *пространственный код культуры* есть сетка или способ

структурирования мира и его объектов с позиции их локализации и месторасположения.

В лингвокультуре любого народа существуют представления, составляющие базовые понятия о жизнедеятельности человека и устройстве мира. К таковым относятся, прежде всего, пространство и время, основу изучения которых положили философия и физика. Наука о языке также проявляет горячий интерес к изучению данных категорий, различая при этом между онтологическими (бытийными) категориями пространства и времени и языковыми категориями (время как категория языка, понятие пространства в описании языка и т.п.). Как отмечает В.Г. Гак, «пространство – одна из первых реалий бытия, которая воспринимается и дифференцируется человеком. Оно организуется вокруг человека, ставящего себя в центр макро и микрокосмоса» [Гак 1998: 670].

В аспекте настоящего исследования речь идет о пространстве как бытийной категории, как о «вместилище, задающем сущность и способ существования находящихся в нем веществ» (Большая Российская энциклопедия 2004-2017) [<https://old.bigenc.ru/philosophy/text/3168767>], и ее представленности в языке, которая находит свое выражение и в культуре (в том числе, в языке), и в искусстве. Последнее имеет сегодня множественные подтверждения в научных исследованиях (см. работы [Бондарева 2015: 23-30; Цой, 2021: 148-159; Шмелева, 2022: 388-398; Ковлакс, 2009] и др.). Утверждается, что в процессе взаимодействия «человека с географическими реалиями на разных уровнях познания (перцепция, практический и социально-культурный опыт) складывается определенная система образов, формирующих когнитивную картину мира» [Федотова 2012: 5].

Представления человека о пространстве составляют ментальную структуру – понятийную категорию, представляющую собой совокупность пространственных концептов, каждый из которых есть единица картины мира человека. Совокупность этих представлений в рамках одной нации составляет содержание категории ПРОСТРАНСТВО в национальной картине мира.

Вербализация как категории в целом, так и отдельных концептов с помощью языковых единиц и совокупность всех смыслов, рождаемых на основе их употребления, позволяют выявлять особенности их семантики. В этом, собственно, и заключается идея языкового картирования мира: «язык не является ни зеркалом, ни непосредственным слепком с отраженной в нем реальности» [Колесов 2020: 67], он фиксирует результаты *интерпретации* человеком окружающего мира – великая идея В. фон Гумбольдта о языке как духе народа.

Категория пространства является понятийной категорией и как таковая имеет многоуровневое «бытование». В.А. Маслова подчеркивает многоликость категории пространства вследствие ее репрезентации и в сознании, и в культуре, и в мифологии, и в языке [Маслова 2005].

Выражение пространственных отношений в языке осуществляется на всех уровнях языковой системы: лексика с пространственной семантикой, дейктические единицы, указывающие на место и направление, метафорические единицы, пространственные предлоги и т.д.

Лингвокультурные смыслы пространства составляют лингвокультурный код пространства или пространственный код культуры. Он связан с членением пространства и является одним из самых древних. Пространственный код культуры – это способ структурирования мира и его объектов с позиций локализации и месторасположения. Для структурирования мира используются бинарные оппозиции: «верх-низ», «далеко-близко», «глубокий-мелкий», «внутри-снаружи», «длинный-короткий» и т.д., а также «свой-чужой», «внутренний-внешний» и др. (см. [Тагильцева 2023: 79]).

Пространственный код культуры рассматривают в своих исследованиях Т. Ю. Сазонова [Сазонова 2010: 27–33], А. С. Самигуллина [Самигуллина 2007: 82–87]. Значимость пространственного кода в культурной семантике не подвергается сомнению в силу того, что пространство и его постижение оказало огромное влияние на формирование у человека способов мышления о мире. Пространственные образы наряду с темпоральными относятся к

архетипическим представлениям, которые содержатся в языковой картине мира любого языка. Категория пространства является важнейшей понятийной категорией языка, имеющей многогранную и многоуровневую систему средств выражения в языке. Выделение пространственного кода в самостоятельный код связано с аккумулярованием пространственных реалий в единую и тем не менее сложную семантику пространства, имеющую свое выражение в вербальной и в невербальной форме.

Между различными кодами культуры не существует жестких границ. Подчеркивая этот факт, В.В. Красных демонстрирует данное обстоятельство на примере общих черт пространственного и соматического кодов и пространственного и временного кодов культуры. Соматический код может, по ее мнению, наслаиваться на пространственный и предопределять пространственные представления человека и структурирование окружающего мира. Например, *под рукой* – в пределах досягаемости, *рукой подать* – недалеко, близко, совсем рядом; *в двух шагах* – близко, рядом [Красных 2001: 7]. Связь пространственного кода с временным объясняется ученым тем, что пространственные отношения накладываются на временные, поскольку «окультуривание пространства предшествовало осознанию категории времени» [Там же: 10]. В языке данный факт находит подтверждение в использовании, например, пространственных предлогов для выражения временных отношений, временных единиц для измерения пространства (*в двух минутах отсюда*) и наоборот – в использовании пространственных единиц для измерения времени (*в шаге от победы*) [Там же.]

Пространственный код культуры как способ интерпретации лингвокультурных смыслов пространства располагает, как и все остальные культурные коды совокупностью знаков, кодирующих эти смыслы. К знакам лингвокультурного кода пространства относятся топонимы как наименования географических объектов, которые (объекты) своим существованием и их языковой фиксацией обеспечивают пространству проживания народа определенную структуру.

Функция топонима – быть знаком пространственного кода культуры – связана с его основной (первичной) ролью в языке – служить обозначением географического объекта, выделяя его в пространстве бытия человека, фиксируя одновременно обобщенный образ данного объекта в сознании и создавая в совокупности с другими топонимами *совокупный образ пространства проживания*. Собственные имена, по мнению многих ученых определяют систему знаний человека о мире, «а топонимы, кроме того фиксируют отражение географической реальности в сознании человека, возникнув изначально в качестве знаков-ориентиров» [Голев, Дмитриева 2008: 6].

Совокупный образ пространства проживания (ментальное представление), формируемый топонимами, характеризуется дискретностью (членимостью на составляющие), структурированностью (наличием множественных связей составляющих его компонентов), относительной стабильностью, что обеспечивает ему «заякоренность» в языковой картине мира и в то же время семантической открытостью, которая обуславливает взаимодействие с другими ментальными структурами (концептами). Ментальное представление пространства, имеющее структурную организацию, многими учеными обозначается как пространственная картина или пространственная модель мира (см., например, работы И.Ю. Безукладовой [Безукладова 2013], Ли Тоан Тханг [Тханг 1993], С.М. Трофимовой [Трофимова 2014], Е.А. Arik [Arik 2010], S.C. Levinson [Levinson 2003]).

Безусловно, что пространственная картина мира многослойна и включает в себя различные семантические пласты: мифологический, научный, бытовой. Топонимы представлены во всех названных пластах как знаки соответствующих представлений. Значимость тех или иных топонимов зависит от значимости обозначаемых ими реалий, что проявляется на языковом уровне в частотности их (топонимов) употребления. Эти топонимы фиксируют в языковом сознании носителей языка большой объем информации, совокупность множества признаков, характеристик, заключенных в

представлении названного объекта. Чем значимее объект реальности в жизни носителей языка, тем чаще происходит его упоминание в речи, тем большую фиксированность получают соответствующие признаки в семантической структуре имени. В Когнитивной грамматике американской школы когнитивистики это обстоятельство (фиксация составляющих семантической структуры) обозначается термином *entrenchment*, а влияющий на это фактор частотности определенной предикации как *token frequency* [Langacker, 2006]. Корреляция между концептуальной и языковой значимостью описывается также понятием «номинативная плотность концепта».

Среди языковых средств обозначения и описания пространства и пространственных отношений особую группу занимают топонимы. Топонимы составляют одну из самых обширных групп языковых (лексических) единиц, реализующих в языке своими *первичными* значениями семантику пространства и вербализующих его лингвокультурные смыслы. Последние входят в семиосферу человека – «систему смыслов, в которой интерпретировано восприятие человеком мира и тем самым конституируется культура социума и этноса [Колесов 2020: 68]. Являясь собственным обозначением природных или созданных человеком объектов на Земле, топонимы экстралингвистически всегда связаны с пространством и имеют в качестве ядра их семантической структуры компонент *место*. Это обуславливает их включение в систему *пространственного* кода культуры, в знаках которого получают воплощение разные представления об устройстве мира.

Язык любого народа обладает своей спецификой объективации пространственной семантики или концептов пространства. Эта специфика связана как с особенностями структурирования окружающего человека пространства, так и с возможностями языка, его спецификой выражать пространственные образы в языковой семантике. Пространственные слова имеют, как правило, сложную дифференциацию между пространственным и непространственным значением [Бороздина 2014: 15–20], что связано как с

использованием пространственных слов в переносном – метафорическом значении для наименования непространственных концептов, так и с использованием изначально непространственной лексики для обозначения пространственных объектов.

Вербальные знаки, объективирующие пространственную семантику, могут быть как первичными, так и вторичными языковыми знаками. Во втором случае мы имеем дело с метафорическими средствами, выражающими пространственную семантику с помощью непространственных образов (*auf der Bergspitze, am Bergfuß, ein Katzensprung*). Противоположным этому процессом является использование слов с пространственным значением как первичным для выражения иной – непространственной семантики (*bergauf gehen* (в значении «продвигаться вперед, становиться лучше»), *flach liegen* (в значении «быть больным»))

Топонимы проявляют в этом отношении уникальность. Являясь знаками с пространственной семантикой и обозначая в своих прямых значениях объекты пространства – географические объекты, топонимы могут использоваться и в ином качестве – для выражения непространственных смыслов. Степень сохранения ими своего «пространственного происхождения», как показало исследование, а соответственно, и возможность служить знаком лингвокультурного кода пространства или же уже другого культурного кода может очень сильно варьироваться, что зависит от степени идиоматизации ФЕ.

1.3.2.3 Аксиологический код культуры

Топонимы несмотря на «пространственный приоритет» способны служить средством выражения и непространственных смыслов. Семантическая трансформация топонимов представляет собой результат широко действующего механизма семантической деривации, в основе которого лежит выделение в семантической структуре концепта и его имени признака. Чем шире семантическая структура топонима, тем выше его потенциал служить знаком вторичной номинации, вступать в качестве

компонента во фразеологические единицы, становится прецедентным именем, подвергаясь символизации. Названные процессы сопровождаются, как правило, появлением в семантике языковой единицы оценочных элементов, что обеспечивает им возможность выполнять в речи оценочную функцию.

Все вышеизложенное приводит к необходимости введения (в целях классификационного описания культурной семантики) понятия *«аксиологический код культуры»*.

Аксиологический код культуры как понятие и разновидность культурных кодов является относительно новой темой в лингвокультурологических исследованиях. Так, аксиологический код словесного товарного знака изучают Т.В. Евсюкова и О.В. Глухова [Евсюкова, Глухова 2019] и определяют его как набор ценностных установок, связанных с тем или иным товаром или услугой (наименованием которого он является), и раскрывающихся посредством концептов [Там же: 36]. В этом отношении понятие *«аксиологический код культуры»* требует своей дальнейшей разработки.

В научной литературе, посвященной теме культурных кодов, чаще употребляется термин *«духовный код культуры»* ([Красных 2001; Краснов 2001; Маслова; 2016, 2017]). Его вслед за предложенной В.В. Красных классификацией культурных кодов выделяют все исследователи данной проблемы.

Духовный код культуры определяется (в целом едино) как совокупность культурных смыслов, «нашедших отображение в языке в виде системы духовных законов, духовных ценностей, а также нравственных ценностей и эталонов, которые выработались нацией в процессе ее формирования» [Маслова 2017: 494]». Духовный код, трактуемый как система ценностей [Красных 2001: 19], описывается как совокупность наиболее значимых с точки зрения этики концептов, аккумулирующих представления народа о добре и зле, о ключевых моментах духовной жизни человека, т.е. концептов

ценностной картины мира народа. Подчеркивается, что данный код онтологичен по своей сути, поскольку пронизывает все бытие человека и определяет его оценку и этого мира, и себя, поведение и деятельность в целом [Тагильцева 2023: 82]. В.Н. Телия относит к духовному коду культуры также и исторические события [Телия 1999], которые получают статус ценностных концептов в картине мира нации.

В.А. Маслова описывает духовный код русской культуры как полевою структуру с ядром (концепт БОГ), периферией ядра (Вера, Душа, Воскресение, Церковь, Храм и т.п.) и его интерпретационной зоной (Покаяние, Молитва, Чудо, Свеча и т.п.), содержащими религиозно-православное видение народа, и интерпретационной периферией, включающей в себя важнейшие ценности и нравственные установки, выражающиеся в понятиях «добро», «любовь», «сопереживание» и т.п. [Маслова 2016].

В такой трактовке термина становится понятным, почему духовный код культуры как самостоятельный объект исследования представлен в незначительном количестве работ (см. указанные выше). Это объясняется глобальностью тех концептов, которые его составляют. Каждая составляющая духовного кода является самостоятельным объектом исследования и требует серьезных изысканий.

С другой стороны, следует согласиться с той точкой зрения, что всякий код культуры, рассматриваемый как совокупность культурных смыслов и способов их кодирования /декодирования, является ценностным в смысле передачи значимых для данной культуры ценностей, т. е. должен рассматриваться как «транслятор ценностных ориентиров» [Коханая 2023: 183], поскольку в культуре народа фиксируются только значимые – ценностные для него смыслы.

Результаты настоящего исследования привели к необходимости выделить наряду с пространственным кодом культуры, фиксирующим пространственные смыслы, аксиологический код. Обоснование данного выделения находится в функциональной зоне топонимов, которые, могут

служить в языке выражению оценочного отношения говорящего (в широком понимании термина «оценка»).

Оценочная деятельность человека пронизывает всю его жизнь, результаты этой деятельности фиксируются в том числе и в языке, языковыми единицами всех уровней, что позволяет говорить лингвистам об оценочной языковой семантике. Исторический опыт «отбирает и сохраняет в культурной практике разных поколенческих когорт только то, что позволяет данному народу адаптироваться к окружающему миру, выживать, развиваться. [Аванесова, Купцова 2008: 40]. Этот опыт (знания в широком смысле) определяет появление стабильных единиц в культуре народа, которые структурируют и фиксируют это знание. К таким единицам относятся *«нормы менталитета, критерии оценок, содержательно-смысловые схемы, аккумулирующие в себе своеобразные сгустки понимания и оценивания окружающего мира <...>»* [Там же] (выд. нами – В.Т.).

Объекты (в широком смысле) этого мира обладают некоей ценностью (антиценностью) не сами по себе, а только *для человека* и не располагают иным способом ее реализации кроме данной человеком оценки. Оценка, является, с одной стороны, универсальной категорией, входя в систему *когнитивных схем осмысления мира* [Солодилова 2013: 26], но с другой, являясь способом реализации ценностей, всегда будет иметь национально-культурную «привязку», как в отношении семантики (описание ценности), так и в отношении способа выражения.

Нормы менталитета, критерии оценок, содержательно-смысловые схемы понимания и оценивания окружающего мира, составляющие основу оценочной деятельности человека, всегда национально маркированы, следовательно, национально-культурным своеобразием будет обладать и система оценочных средств, в том числе языковых. Это в наибольшей степени относится к оценке, выраженной опосредованно, с помощью образов, в том числе образов ситуаций, сравнений, ассоциативных связей и т.п. Таким образом, вполне обосновано говорить о наличии в каждой лингвокультуре

национально специфической системы оценки как процесса и результата соотнесения предметов, событий, явлений с идеализированной моделью мира [Арутюнова 1999: 218] в рамках собственного стереотипного знания.

Обращение вновь к метафоре сетки, используемой В.В. Красных [Красных 2002: 232] для описания сути культурного кода, позволяет представить аксиологический код культуры как *сетку или способ структурирования мира и его объектов с позиции их ценности, т.е. их соответствия идеализированной картине мира социума (лингвокультурного сообщества)*. Аксиологический код культуры отражает взаимосвязь между национально-культурной спецификой ценностей (шире – ценностной картины мира) и способами, с помощью которых они получают свое выражение, в том числе в языке.

Выводы по главе 1

Несмотря на длительную историю научного изучения, топонимика по сей день находится в центре внимания ученых как объект лингвистических исследований. Это связано со статусом и природой топонимических единиц – их сильной зависимостью от экстралингвистической реальности, а именно с появлением новых географических объектов, изменением имеющихся, что предопределяет изменения в топонимической системе в целом и в семантике отдельных топонимов, в частности. С другой стороны, повышенный интерес лингвистики к топонимическому аспекту в языке определяется сменой научных парадигм и подходов, обусловленной общей антропологической направленностью науки в последние полвека.

Анализ научных работ по проблемам топонимики в языке и описания языковой семантики позволили прийти к следующим выводам.

При многообразии существующих подходов к изучению топонимической семантики наиболее эффективным для настоящего исследования признается лингвокогнитивный и лингвокультурологический

подходы в единстве их основных положений и трактовок, касающихся взаимодействия языкового и концептуального уровней, языка и культуры.

В лингвокогнитивной перспективе рассмотрения единиц изучения является топонимический концепт и соответствующее ему наименование географического объекта как единица объективации концептуальной семантики.

Топонимические концепты понимаются как ментальные конструкты, включающие в себя всю совокупность знаний о географическом объекте. Перцептивно-когнитивно-аффективная природа концептов вообще и топонимических, в частности, предопределяет наличие в их семантической структуре знания не только «объективного», но и эмоционально-оценочного характера. Топонимические концепты как корреляты географических объектов в сознании человека отличаются (прежде всего концепты значимых географических объектов) содержательно насыщенной структурой, открытостью и динамичностью.

Сопряжение уровней языковой и концептуальной семантики, предопределяющее их тесное взаимодействие, объясняет изменения в семантической структуре топонимического концепта и его языкового коррелята. В этом понимании семантика топонимической единицы должна рассматриваться, с одной стороны, как результат синтагматического и парадигматического взаимодействия с единицами языковой системы, а с другой, – как результат совокупной реализации в языке концептуального содержания.

Объективация в языке обеспечивает топонимическому концепту статус структурной единицы языковой картины мира.

В лингвокультурологической перспективе рассмотрения топонимические концепты представляют собой культурно обусловленные представления человека о фрагментах этого мира и, встраиваясь в представления социума о пространстве, структурируют пространственную картину мира лингвокультурного сообщества.

Значимые культурные смыслы и способы их фиксации формируют культурный код нации – способ интерпретации культурной семантики и культурных архетипов. Лингвокультурный код реализуется в языковых знаках, фиксирующих языковые смыслы.

Лингвокультурные смыслы пространства формируют лингвокультурный код пространства, под которым в работе понимается способ категоризации и структурирования мира и его объектов с позиций локализации и месторасположения. Среди знаков пространственного кода культуры выделяются топонимы как знаки-ориентиры, как языковые знаки, фиксирующие отражение географической реальности в сознании человека.

Выделение аксиологического кода культуры в ряду культурных кодов обусловлено значимостью оценочных (аксиологических) смыслов в культуре любого социума. Под аксиологическим кодом культуры понимается способ категоризации и структурирования мира и его объектов с позиции их ценности. Знаками аксиологического кода культуры в языке являются языковые знаки, семантика которых содержит оценку (как на парадигматическом, так и на синтагматическом уровнях).

Введение понятия аксиологического кода в работе обусловлено выявленной в рамках исследования способностью топонимов выражать не только пространственные смыслы, обозначая географические реалии, но и смыслы оценочного характера.

Тесная связь географических наименований с обозначаемыми объектами обеспечивает топонимам статус языковых единиц, наделенных «культурной памятью», что определяет симбиоз топонимики и лингвокультурологии и необходимость выхода за пределы чисто лингвистического при изучении топонимической семантики.

Глава 2. Топонимы немецкого языка в лингвокогнитивном и лингвокультурологическом аспектах изучения

Несмотря на большую историю и значительные достижения в изучении топонимов, топонимика стоит сегодня перед решением многих проблем и вопросов, которые связаны с новыми идеями и представлениями о сущности языка и его связи с сознанием и экстралингвистической реальностью. Эти проблемы определяются необходимостью изучения и уточнения онтологических и функциональных характеристик топонима как имени собственного с точки зрения современных лингвистических концепций.

Среди наиболее значимых проблем изучения, в том числе и для настоящего исследования, назовем следующие:

- семантика топонимов как имен собственных;
- обусловленность процесса образования топонимов языковой системой, ее возможностями и закономерностями;
- обусловленность семантики топонимов историческими, социальными, географическими и другими экстралингвистическими факторами;
- национально-культурная маркированность топонимов как языковых знаков, их способность отражать окружающую действительность в перспективе мировидения и мировосприятия носителей языка и ценностной ориентации социума;
- значимость топонимов для ориентации человека в пространстве, их принадлежность как языковых знаков к пространственному коду культуры.

Задачи настоящего исследования требуют рассмотрения обозначенных вопросов более подробно.

2.1. Топонимическая система немецкого языка: основные черты

Детальное изучение и описание топонимической системы немецкого языка не входит в задачи настоящего исследования. Тем не менее в целях дальнейшего описания семантики топонимов немецкого языка и их

идиоматического потенциала считаем необходимым дать краткий обзор основных характеристик топонимической системы немецкого языка, выявленных в уже проведенных исследованиях.

Термин «топонимия» обозначает совокупность географических наименования той или иной местности (страны, области, земли и т. п.) Топонимия Германии представляет как совокупность огромного числа географических названий она отличается разнообразием происхождения составляющих ее элементов, спецификой мотивированности топонимаций и словообразовательных моделей, представляет собой результат многовекового развития составляющих ее единиц под воздействием многочисленных факторов.

Одним из таких факторов является историческое развитие страны. Территория современной Германии долгое время была заселена различными племенами и народами, развивающими свои системы наименований географических объектов. Формирование топонимии Германии началось задолго до образования немецкого языка. Как следствие, основу немецкой топонимической системы составляют топонимы, образованные от общеиндоевропейских корней, так называемые, унаследованные топонимы, заимствованные наименования и собственные топонимические единицы.

Одними из самых древних топонимаций немецкого языка являются названия крупных рек – гидронимы (III – II тыс. до н.э.). Немецкие и европейские исследователи топонимики (Х. Крае [Krähe 1964], В. П. Шмидт [Schmidt 1968, 1981], Р. Шпанг [Spang 1982], Г. Вернер [Werner 2008]) считают возможным говорить в этой связи о «древнеевропейской гидронимии».

Среди заимствованных названий выделяются кельтские, латинские, скандинавские, славянские и др. [Беляев 2017; Мельникова Ю.Н. 2008]. Славянский субстрат, по мнению, многих исследователей немецкой топонимической системы, относится к наиболее четко прослеживаемому. Колонизация восточных земель (XI–XIV вв.) стала причиной проникновения

в немецкий язык славянских названий, претерпевших впоследствии значительные изменения (*Dresden, Leipzig* и многие др.).

Еще одним значимым историческим периодом, повлиявшим на развитие топонимикона немецкого языка, стал период христианизации (VI – IX вв.). Отражением этого процесса в языке стало появление топонимов церковно-христианского характера. В качестве наиболее частотного и продуктивного элемента образования топонимов этого периода называется лексема *kirchen* (*Johanneskirchen, Martinskirchen, Neunkirchen* и др.) [Котельникова 2013: 1181]

Результаты изучения топонимической системы немецкого языка представлены рядом классификаций.

По критерию мотивированности, прозрачности – непрозрачности семантической структуры в немецком языке выделяют пять групп топонимов:

- топонимы с прозрачной семантической структурой (*Neustadt*),
- топонимы, компоненты которых не проявляют смысловой связи между собой (*Würzburg*),
- топонимы с незначительными формальными отклонениями от нарицательных имен (*Eichstadt*),
- топонимы с частичной мотивированностью семантической структуры (полупрозрачные) (*Niederhambach*),
- непрозрачные топонимы (*Köln*) [Беляев 2017: 17].

С точки зрения мотивационного признака, положенного в основу номинации, топонимы немецкого языка подразделяются на различные групп. Одной из наиболее детальных классификаций является классификация Ю.Н. Мельниковой, в которой выделяются 12 групп [Мельникова 2008: 18 - 21]:

- антропотопонимы (образованы от антропонимов): *Winkelried* (от имени первопоселенца), *Hagenrode* (от имени выдающейся личности – аббата Hageno);
- этнотопонимы (образованы от этнонимов): *Franken, Thüringen*;

- эрготопонимы (образованы от наименований социального статуса человека): *Königshofen, Bürgerbezirk*;

- топонимы, образованные от наименований понятий религиозной сферы социума: *Teufelsmoor, Christburg, Engelsburg, Bischofingen*;

- прагматопонимы (образованы от наименований объектов практической деятельности социума): *Salzweg, Bierstraße, Kuhbach, Hammerschmiede, Kaufbeuren*;

- фитотопонимы (образованы от наименований представителей флоры): *Pflaumenheim, Strauchberg, Bohnengarten, Rosenburg, Distelburg*;

- зоотопонимы (образованы от наименований представителей фауны): *Ochsenfurt, Kaninchengarten, Fischbach, Krottengasse, Käfersberg*;

- топонимы, образованные от обозначений рельефа местности и ландшафта: *Ebenheit, Tiefental, Rechacker*;

- топонимы, образованные от наименований водоемов: *Seelache, Teichklinge*,

- топонимы оценочного характера: *Großenhein, Achthöhen, Altdorf, Reichenhall, Liebenstein*;

- топонимы, образованные от наименований пространственных характеристик объекта: *der Bodensee, Linkenbach, Querbach*;

- топонимы, образованные от абстрактных понятий: *Gnadental, Freudenberg*.

Словообразовательная специфика топонимической системы немецкого языка заключается в том, что наиболее продуктивным способом образования немецких топонимов является словосложение. Среди сложных топонимов большинство составляют двусоставные названия (композиции), в которых связь двух имен (существительное + существительное, прилагательное + существительное, числительное + существительное) является атрибутивной: первый компонент является определяющим, второй – определяемым (*Magdeburg, Freiburg, Schönhausen, Rheinland, Achthöfen*).

По параметрическим характеристикам различают макро- и микротопонимы. Критерием разделения является объем и размер географического объекта. Существуют и более детальные классификации. Так, Р.З. Мурясов наряду с микро и макротопонимами выделяет гипертонимы и топонимы региональной значимости [Мурясов 2013]. Гипертонимы представляют собой наименования континентов, океанов, полюсов земного шара, стран (*Deutschland*). Группа макротопонимов включает в себя названия столиц государств, штатов, федеральных земель, горных систем, крупных морей, рек, озер (*Berlin, Bayern, Schwarzwald, die Nordsee, der Rhein, der Bodensee*). Топонимы региональной значимости (регионимы) – это названия городов, не относящихся к центрам административно-территориальных единиц, мелких рек, гор и т.п. (*Augsburg, Ingolstadt, die Dinkel, der Batzenberg*). Микротопонимы в этой классификации есть индивидуализированные названия малых географических объектов, объектов местного ландшафта (*Schönbrunnen* (наименование замка), *Mühlweg* (название переулка)).

Одной из самых известных классификаций топонимов является классификация по типу именуемого объекта (см. [Подольская 1978; Суперанская 1964]).

Среди топонимов, обозначающих географические объекты на суше, выделяются следующие виды:

1) *ойконимы* (греч. *oikos* - дом, жилище) – названия населённых пунктов:

- *астионимы* – названия городов: *Berlin, München, Ratzeburg*;

- *комонимы (хорионимы)* – названия сельских поселений: деревни, сёла и т.д.: *Werbach, Grünsfeld*;

2) *оронимы* (от древнегреч. *орос* – гора) – названия гор или особенностей рельефа (хребты, холмы, низменности и др.): *Fichtelgebirge, Hermann-Röchling Höhe, Größer Feldberg, Bergen-Enkheim*;

3) *дримонимы* (от древнегреч. – дерево, лес, роща) – названия лесов: *Westerwald, Riederwald*;

4) *урбанонимы* – названия улиц и других мелких объектов внутри населённых пунктов: *Seestraße*;

5) *хоронимы* – названия больших областей (географических, экономических, исторических): *Baden-Württemberg*.

К акватории относятся *гидронимы* – собственные имена любых водных объектов (природных или созданных человеком): названия рек, озёр, ручьёв, болот, источников, колодцев. Среди гидронимов также выделяются несколько видов:

1) *пелагонимы* – названия морей: *die Nordsee, die Ostsee*;

2) *лимнонимы* – названия озёр: *der Bodensee, der Tollensesee*;

3) *потамонимы* – названия рек: *der Rhein, die Mosel*;

4) *гелонимы* (от греч. – болото) – названия болот, заболоченных мест: *die Elbmarsch, das Teufelsmoor*).

Как показало настоящее исследование, среди топонимов, ставших компонентами фразеологизмов, на первом месте по частоте употребления находятся астионимы (названия городов), на втором – потамонимы (названия рек), единично встречаются также лимнонимы (названия озёр) и оронимы (названия гор).

Топонимическая система немецкого языка представляет собой упорядоченную организацию множества единиц – топонимических номинаций, образующих некую целостность. Как разновидность общезыковой системы топонимическая система немецкого языка проявляет общие с ней признаки на лексическом, грамматическом, словообразовательном и фонетическом уровнях. Значительной является роль топонимов в пополнении словарного запаса немецкого языка за счёт образования новых топонимов и оттопонимических единиц.

Топонимическая система немецкого языка (как и любого другого национального языка) является результатом развития как языковой системы,

так и всей совокупности факторов, составляющих содержание национальной культуры в широком смысле слова.

Среди имен собственных топонимы имеют особый статус – единиц высокой информативной ценности. Это обусловлено, прежде всего, особенностями становления и развития их семантики.

2.2 Семантика топонимов: природа, статус, структура

Вопрос о лексическом значении топонима как имени собственного является центральной теоретической проблемой топонимики, как, собственно, и ономастики в целом. Значимость этой проблемы определяется тем, что противопоставление собственных имен нарицательным базируется именно на статусе лексического значения, поскольку ни по каким другим характеристикам – морфологическим, синтаксическим, графическим – они не отличаются от апеллятивов. Попытки проникновения в сущность семантики онимов представителями разных лингвистических направлений стали источником жаркого спора, который длится на протяжении уже более века (см. работы английского логика конца XIX в. С. Милля [Mill 1882]) и, если не считать компромиссных вариантов, не находит однозначного решения по сей день.

На сегодняшний момент существуют две совершенно противоположные точки зрения: первая отрицает наличие у имен собственных лексического значения, вторая признает его.

Работы представителей первой точки зрения сформировали так называемую концепцию асемантичности. Ей противостоит концепция семантичности. Как всегда в таких случаях, рождаются промежуточные – компромиссные точки зрения.

Концепция асемантичности базируется на положении, что имена собственные лишены лексического значения и способны выполнять только номинативную функцию. Эта точка зрения представлена в работах О. С. Ахмановой [1948, 1967], Л. А. Булаховского [1953], В. В. Виноградова

[1977], А. А. Реформатского [1996], Ю. С. Степанова [1975], А. А. Уфимцевой [1974], Н. И. Толстого [1970, 1983] и др.

В этой концепции имена собственные считаются «ярлыками», «этикетками», «словами-метками», «пустыми словами», «знаками-метками» и т. п., [Щербак 2012: 20], словами, у которых нет понятийного значения, поскольку нет самого понятия. Имя собственное, по мнению представителей этой концепции, способно выполнять только номинативную функцию и не может отражать *совокупность необходимых и достаточных признаков*, составляющих понятийное значение и свойственных однородному классу объектов. Так, по мнению А.А. Реформатского, «собственные имена гипертрофированно номинативны, они призваны называть, в этом их назначение» [Реформатский 1996: 60]. А.А. Уфимцева и Н.Д. Арутюнова говорят в своих работах о семантической ущербности имён собственных, приравнивая их в этом к дейктическим словам: имена собственные «не характеризуют объект и не сообщают о нем ничего истинного или ложного» [Арутюнова 1976: 327]. У имен собственных отсутствует лексическое значение, т.к. имя собственное – это языковая единица, которая имеет только общекатегориальное значение, определяемое функцией вторичного обозначения и индивидуализации данного объекта в ряду ему подобных [Охштан 1972: 172]. Значение имени собственного исчерпывается тем, что оно является средством идентификации единичных предметов, вещей и лиц, оно всегда единично и совершенно конкретно, тогда как имя нарицательное совмещает в себе конкретное обозначение предмета с его общим понятием [Винокур 1995: 8].

Н.И. Толстой считает, что в этом случае следует говорить не о семантике имени, а только об информации, которую оно передает. Безусловно верно, что имена нарицательные также несут информацию, но в отличие от них, как утверждается в данной концепции, имена собственные, в частности топонимы, являются лишь «кодовым знаком конкретного географического объекта», содержанием которого (знака) является сумма знаний о свойствах этого

объекта (но не сумма семантических признаков), по-разному воспринимающихся разными лицами [Толстой 1991: 200-201].

Спорность данного аргумента (содержанием топонима является сумма знаний о свойствах конкретного географического объекта, но не сумма семантических признаков) заключается в исходном (априорном, а не доказуемом) утверждении о противопоставлении языкового и ментального уровней и, соответственно, о противопоставлении двух «семантик»: содержания языкового знака, зафиксированного в лексиконе, и экстралингвистического знания о предмете, зафиксированного в энциклопедическом словаре.

Признание асемантичности имени собственного основано на *априорном утверждении*, согласно которому язык представляет собой данность, систему, не связанную с внеязыковой реальностью, и, следовательно, на необходимости разграничения уровня языковой семантики и экстралингвистического содержания. В сущности, мы имеем дело с парадигматическим подходом к исследованию языка и его единиц. Непринятие данного противопоставления (как не имеющего прямых доказательств) с неизбежностью ведет к признанию сопряженности семантики языка и семантики ментальных структур, отражающих экстралингвистическую реальность.

Вердикт асемантической концепции имени собственного звучит следующим образом: имена собственные не обладают семантическими свойствами имён нарицательных, т.е. не обладают апеллятивным значением, не могут выполнять сигнификативную функцию, не имея понятийного значения, а только номинативную, указывая на денотат имени и обозначая единственный в своем роде объект действительности.

Концепцией, абсолютно противоположной первой, является *концепция семантичности* имени собственного. Согласно данной концепции, имена собственные рассматриваются как языковые знаки, которые равноправны с именами нарицательными: «Имена собственные, которыми мы обозначаем

представление неделимое, суть такие же понятия, как и имена нарицательные» [Буслаев 1959: 7]. Представители этой концепции – Ф.И. Буслаев, Н. П. Бутенко, И. В. Муромцев, А. А. Потебня, В. У. Ташицкий и др. – считают, что «никакой существенной разницы между ономастическими и нарицательными словами нет» [Ташицкий 1961: 7], а О. Есперсен и Е.Д. Курилович утверждают, что семантическая нагрузка онима превосходит семантическое содержание апеллятивов. В этой концепции опровергается, что имя собственное – пустой звук, который не имеет никакого значения. Имя собственное имеет специфическое значение и отражает целый ряд свойств и признаков обозначаемого им объекта и всегда выражает качества, по которым узнается его носитель, отличающийся этими качествами от других (по [Кондратьева 1982: 53]).

Данная концепция является результатом синтагматического подхода к изучению онимов, при котором они рассматриваются как единицы речи. Так, по мнению Ф. И. Буслаева, имя собственное получает полное самовыражение только в результате его соотнесения с конкретным денотатом [Буслаев 2003], что происходит, как известно в момент номинации, т.е. в речи.

Компромиссная концепция сочетает в себе идеи концепции асемантичности и концепции семантичности. Представители данной концепции (см., например, работы В.И. Болотова [Болотов 1977: 188 – 206], Д. И. Руденко [Руденко 1988: 55 – 68]) полагают, что имя собственное может как иметь, так и не иметь лексическое значение. Оно не имеет семантики в тех случаях, когда его невозможно использовать для называния определенного объекта, точно так же, как это происходит с дейктическими именами, например, местоимениями, но обладает значением всегда, когда становится знаком, дающим характеристики обозначаемого объекта.

В последние десятилетия набирает популярность *концепция специфичности имен собственных*, созданию которой посвятили свои исследования Н. Ф. Алефиренко, В. Д. Бондалетов, В. А. Никонов, А. Д. Шмелев и др. [Алефиренко 2005; Бондалетов 1983; Никонов 1971, 1974,

2011; Шмелев 2002]. Сторонники данной концепции полагают, что у имени собственного существует свое значение, которое тем не менее отличается от значения имен нарицательных: имена собственные «сложились как необходимый инвентарь на базе словарного состава и являются полноправными словами, но с особым значением» [Суперанская 1969: 10]. А.В. Суперанская считает, что в отличие от имен нарицательных, имена собственные можно рассматривать как социальное явление, т.к. кроме лексического компонента в значение имен собственных входят и экстралингвистические компоненты: эстетический, морально- и социально-оценочный, и тем самым развивает идею *энциклопедичности семантики топонима* [Суперанская 1973]. Эта идея поддерживается и М.В. Никитиным, по мнению которого у имен собственных кроме языкового и речевого значения можно выделить энциклопедическое значение, которое включает в себя не отдельные семантические признаки, а всю информацию о его десигнате, отражая особые условия существования топонима в обществе, т.е. связанные с ним ассоциации, включая степень его известности (*импликационал*) (термин М.В. Никитина [Никитин 1988: 60]). Об энциклопедическом статусе топонима пишет и Е.Л. Березович, полагая, что семантика топонима представляет собой «пирамиду наших знаний о географическом объекте, на вершине которой находится информация о месторасположении и виде объекта» [Березович 1991 (а): 90].

Существуют и более широкие представления о семантике онимов. Так, О.И. Фонякова считает, что составляющими имен собственных являются в том числе и стилистические и эмоционально-экспрессивные языковые коннотации [Фонякова 1990: 36-40]. А по мнению Ю.Л. Оболенской, «имя собственное в каждой национальной культуре обладает необычайно широким информативным объемом, часто скрытым для инокультурного социума, поскольку имена аккумулируют энергетику и оценку содержания деятельности его обладателя или обладателей, реальных или вымышленных» [Оболенская 2008: 45].

В данном споре мы склонны придерживаться последней позиции – *концепции специфичности значения ИС* и согласны с мнением поддерживающих ее ученых, что имена собственные, в том числе топонимы, *обладают* семантикой, которая, однако, имеет свою ярко выраженную специфику. Специфика эта связана со всеми компонентами, традиционно выделяемыми в структуре лексического значения слова.

Денотативный компонент семантики топонима реализуется при использовании его для обозначения географического объекта и, в отличие от денотата имён нарицательных, всегда референциально прозрачен, поскольку топонимы (и имена собственные в целом) «непосредственно отсылают к референту» имени или «к участку памяти, в котором референт локализован» [Шмелев 2002: 55].

Но в отличие, например, от антропонимов, топонимы в своем номинативном значении связаны с единичным объектом, что определяет их *монореферентность*: топонимы относятся в группе ИС к монореферентным именам, в отличие от полиреферентных имен собственных (*Мария, Петр, Моника* и т.п.).

Тем не менее, референциальная связь с *единичным* объектом реальности (положение, оспариваемое, в частности, А. Л. Никифоровым) не является, с нашей точки зрения, основанием для отрицания у топонимов понятия и понятийного значения. Если мы произносим имя *Москва*, то у всех (по крайней мере, граждан России) возникает некое представление об этом объекте нашей действительности, которое будет включать, с одной стороны, набор первичных – наиболее значимых и постоянных признаков (обобщённое представление: ‘город’, ‘столица России’, ‘расположена на северо-западе страны, в центре европейской части России’, ‘крупнейший административный, политический, экономический и культурный центр’), а с другой – обширную совокупность частных признаков и характеристик (‘город-герой’, ‘город амбициозных надежд’, ‘очень дорогой’, ‘резиновая Москва’ и т. п.).

Разница в *понятийном значении топонима* и имени нарицательного состоит в том, что топонимы не обозначают класс однородных объектов, как это делают апеллятивы, потому что его (этого класса) вообще не существует, но *наиболее общие признаки географического объекта, составляющие ядро его семантики*. Это значение реализуется всегда и в языке (парадигматике) и в речи (синтагматике): «Уникальность монореферентных имен проявляется в том, что основная номинативная функция СИ, а именно идентификация-индивидуализация, связанная с признаком монореферентности таких СИ, осуществляется уже на парадигматическом уровне» [Сапожникова 2015: 117]. При этом в речи могут реализовываться самые разные семантические элементы топонима, отражающие отдельные характеристики объекта, признанные в социуме или индивидуумом.

Характеризуясь референциальной прозрачностью, топонимы обладают вместе с тем *пропозициональной непрозрачностью*. «Пропозициональная непрозрачность онима» (невозможность определить свойства референта имени), о которой пишет А.Д. Шмелёв [Шмелев 2002: 55], снимается в речи контекстом ситуации. Сущность *сигнификативного компонента* имени собственного состоит в том, что оно сообщает о присущих или приписываемых объекту имени признаках, в сигнификативном компоненте отражаются индивидуальные знания об объекте номинации, составляющие индивидуальное понятие [Алефиренко 2005б: 13].

В завершение анализа дискуссионных точек зрения о наличии или отсутствии семантики у имен собственных приведем слова А. Л. Никифорова: «Все теории референции, рассматривающие собственные имена как лишенные содержания «бирки», прикрепленные к предметам, в применении к естественному языку следует признать ошибочными. Если согласиться с тем, что язык – национальный язык или язык науки – служит для коммуникации и познания, то мы вынуждены признать, что слова – это не просто графические значки, соотносимые с предметами, а носители информации об окружающих

предметах и явлениях. Эта информация и составляет смысл языковых выражений» [Никифоров 2012: 57].

Исходя из этого, следует заключить, что значения топонимов так же сложны, как и значения апеллятивов, поскольку они обладают всеми типами отношений, свойственных последним. В качестве ядра в структуре значения топонима выступает *денотативный компонент*, который указывает на соотнесенность топонимической номинации с обозначаемым объектом, чем и обусловлена адресная функция топонима. Периферия семантической структуры топонима включает как *сигнификативный*, так и *коннотативный* компоненты. *Сигнификативный компонент* наблюдается в определенных типах номинаций, в частности в топонимических прозвищах, во фразеологических единицах с топокомпонентом, в метонимических и метафорических переносах в значении топонимов. *Коннотативный (прагматический) компонент* включает в себя эмоционально-экспрессивную окраску и оценочность. Эти компоненты отличаются от аналогичных компонентов значения нарицательных слов. Признавая тот факт, что топоним обладает как языковым, так и речевым значением, следует указать на его более узкий *экстенционал* и более широкий *интенционал* по сравнению с именами нарицательными; при этом изменение семы, образующей интенционал, обуславливает варьирование речевого значения. Кроме языкового и речевого значения в содержании топонима можно выделить *импликационал*, отражающий периферию семантических признаков, окружающих ядро, т.е. «дальнейшее значение» (в понимании А.А. Потебни) топонима, которое имеет энциклопедический, а не языковой характер. Именно эти особенности значения топонимических номинаций обеспечивают им языковую и речевую специфику, объединяя топонимы в особую подсистему языка. Таким образом, под значением топонима в нашей работе понимается не простая связь его с референтом, а комбинация лингвистической (денотативной, сигнификативной, коннотативной) и экстралингвистической информации об объекте и его номинации.

Чем шире представление о географическом объекте в сознании лингвокультурного сообщества и его индивидов, тем больше, естественно, объём семантики топонима и тем шире его возможности образования оттопонимических единиц – метафор, метонимий и иных вторичных наименований. Регулярно актуализируемые топонимом признаки реального объекта номинации (фиксируемые в его значении) становятся основой образования от топонима вторичных языковых единиц, в том числе фразеологических.

Развитие семантики топонима, а именно образование от него новых лексических единиц позволило ученым выделять в топониме как единице языка три плана значения: дотопонимическое, собственно топонимическое и оттопонимическое значение [Никонов 1965: 57-61]. Под *дотопонимическим* (апеллятивным, или этимологическим) значением понимается «внутренняя форма» топонима или этимологическое значение слова, составляющее основу наименования. Дотопонимическое значение слова не всегда сохраняется, в большинстве случаев его возможно реконструировать лишь в результате специальных научных изысканий.

Собственно топонимическое значение является главным и обязательным значением любого топонима; это прямое географическое значение топонима, идентифицирующее и дифференцирующее географический объект.

Оттопонимическое значение (в иной терминологии *посттопонимическое значение* [Беленькая 1977: 112]) топонима актуализирует другие функции топонимации – характеризующую, символическую, аллюзивную, поэтическую и т.д., т.е. ассоциации, связанные с названием географического объекта. Оттопонимическое значение топонима может быть общеизвестным или, наоборот, сугубо индивидуальным. Оттопонимическое значение топонима делает возможным его образное (метафорическое и метонимическое) употребление. Знание

оттопонимического значения топонимов по большей части зависит от «образовательного уровня носителя языка» [Кузиков 1985: 10-11].

Процесс образования от топонимов (и других монореферентных онимов) вторичных наименований и конвенционального закрепления (узуализации) в оттопонимическом наименовании одного из семантических признаков, входящих в семантическую структуру топонима, и регулярное употребление топонима в этом переносном значении ведет к образованию *прецедентного имени*. «На языковом уровне формируется общее понятие – образно-метафорическое значение онима (наряду с его единичным ономастическим понятием), в котором закрепляется эталонная совокупность определенного качества» [Сапожникова 2015: 118].

Смена научных парадигм и развитие новых подходов к изучению языка и его единиц привело к признанию современной лингвистикой открытого статуса языковой системы в целом, взаимосвязи языка и сознания, отражающего внешний мир и, следовательно, к признанию обусловленности языковой семантики не только внутри языковыми отношениями и процессами, но и экстралингвистическими факторами. Это положение относится к языковым единицам всех уровней, в том числе к топонимическим наименованиям. Их семантика формируется и развивается как под действием *внутриязыковых факторов*, так и *ряда экстралингвистических*. Результатом этих процессов является семантическая трансформация топонимов.

2.3 Интра- и экстралингвистическая обусловленность семантики топонимов

2.3.1 Интралингвистические факторы формирования и развития топонимической семантики

Среди интралингвистических факторов, определяющих структурные и семантические особенности топонимических единиц, назовем в первую очередь словообразовательные модели, утвердившиеся в качестве типичных в том или ином языке, и закономерности образования новых лексических

единиц – факторы, определяющие словообразовательную деятельность вообще.

Изучение *структурных особенностей* топонимов немецкого языка позволило учёным (А.Н. Беляев, К.В. Габдрахманова, Э.М. Мурзаев, Р.З. Мурясов) [Беляев 2016, 2018; Габдрахманова 2016; Мурзаев 1995; Мурясов 2015; Суперанская 2007] сделать следующие выводы.

По своей структуре топонимы могут быть однословными и составными. Однословные топонимы могут быть простыми или сложными единицами и могут быть оформлены с помощью аффиксов и без, а составные топонимы могут быть представлены топонимами-словосочетаниями и предложно-падежными конструкциями.

Существуют разные подходы к структурной классификации топонимов. В основном это морфолого-синтаксическая и словообразовательная характеристики, а также обе эти характеристики одновременно [Цветкова 2012: 107-109].

А.В. Суперанская выделяет пять структурных типов топонимов: 1) аффиксные топонимы, имеющие в своей структуре топонимические аффиксы; 2) безаффиксные топонимы, не имеющие топонимообразующих формантов; 3) сложные топонимы – образования из двух и более основ; 4) словосочетания – топонимы, состоящие из двух или нескольких слов; 5) предложно-падежные конструкции – топонимы, состоящие из существительных с предлогами» [Суперанская 1964: 70].

По мнению Р.З. Мурясова, «с точки зрения внутреннего строения топонимы можно разделить на три большие группы: простые, производные и составные» [Мурясов 1998: 151-155]. Исследователь выделяет следующие виды топонимов структурно-словообразовательного типа:

- 1) простые, или непроизводные;
- 2) бессуффиксально-производные;
- 3) суффиксально-производные;
- 4) сложные, или составные топонимы.

Простые (корневые), или непроеизводные топонимы нельзя разделить на более мелкие структурно-семантические единицы. К ним относятся однословные наименования, в структуре которых не выделяется какой-либо словообразовательный элемент (опорное слово, топооснова или ономастический суффикс). Среди немецких топонимов данного вида преобладают потамонимы, например: *Aisch, Gersprenz, Neckar, Nidder, Oder, Rhein, Wern, Zenn*; также встречаются астионимы, например: *Aachen, Berlin, Dresden, Halle, Köln, Leipzig, Bonn, Tauha*, и ойконимы, например: *Hessen*. Первичные основы потамонимов *Main, Rhein* могут быть использованы как вторичные в сложных словах *Mainbach, Rheinbach*.

Бессуффиксально-производные топонимы представляют собой обозначения географических объектов по локализации относительно других географических объектов. Например, ойконим *Pegnitz* и потамоним *Pegnitz*, ойконим *Camberg* и ороним *Camberg*, ойконим *Schwabach* – потамоним *Schwabach*. Такой способ словообразования имеет ограниченные возможности, так как приводит к омонимии названий, которые относятся к разным классам.

Суффиксально-производные топонимы представляют собой гетерогенную группу и включают несколько подтипов: по степени мотивированности и членимости компонентов, а также по характеру соотношений неонамастической лексики и используемых словообразовательных средств, например, потамонимы с онамастическими суффиксами: *-ach: Aschach, Aurach, Rodach, Steinach, Schwarzach, Trubach, Weisach; -a: Sulza, Gera*. Для словообразования ойконимов используются также суффиксы *-ingen, -ungen, -s: Göttingen, Esslingen, Straubing; Salzungen, Fladungen, Hungen, Melsungen; Bad Ems, Donsieders; Esens*.

Топонимические сложения – к наименованиям данного вида относятся однословные наименования, которые состоят из двух компонентов, причём второй компонент (топооснова) бывает, как правило, мотивирован тем или иным именем нарицательным. Например, топонимы с топоосновами

- burg:** *Augsburg, Brandenburg, Hamburg, Ludwigsburg, Ratzeburg;*
- berg/berge:** *Heidelberg, Sonneberg, Schönberg, Winterberg, Wittenberge;*
- wald/walde:** *Greifswald, Fürtenwalde; -feld/felde:* *Eisfeld, Ludwigsfelde;*
- heim:** *Mannheim, Winheim;*
- furt:** *Erfurt, Frankfurt; -dorf:* *Altdorf, Mühlendorf;*
- stadt:** *Grünstadt, Neustadt;*
- bach:** *Auerbach, Reichenbach.*

Сложными бывают все классы топонимов, однако топонимические типы, выделяемые среди сложений, можно соотнести с определенным топонимическим классом. Класс ойконимов маркирует топонимические типы на *-stadt, -dorf, -heim, -burg/-berg, -fels, -furt*. Потамонимы маркируются топонимическими типами на *-bach, -graben, -brunnen, -wasser*.

Среди наименований данного типа следует выделить группу сложений с сочинительной связью между компонентами: ойконим *Garmisch-Partenkirchen, Lüchow-Dannenburg, Aschendorf-Hümmling*, хороним *Schleswig-Hollstein*.

Топонимические сдвиги. К данным именам относятся ойконимы, которые образованы путем сдвига словосочетаний различного типа и предложений, например: *Radevormwald – Royde vur dem Walde* «расчищенная земля вблизи леса». Для современной немецкой топонимии сдвиг не является продуктивным способом образования названий. Сдвиги целых предложений можно встретить только среди микротопонимов, например: *Hungerwehrdich, Schauinsland*.

Составные топонимы. К топонимам данного вида относятся названия, представляющие словесные комплексы, где различаются один или два уточнителя и одно опорное слово. В немецком языке составные топонимы относительно малочисленны и функционируют в качестве названий некоторых городов и других населенных пунктов: *Frankfurt an der Oder, Mühlberg an der Elbe*. Они характерны для полных названий городов: *Frankfurt-am-Main*. Таким названиям городов свойственна орфографическая и

морфологическая нестабильность, например: *Frankfurt-am-Main, Frankfurt/Main, Frankfurt-Main* [Мурясов 1998: 151-155].

Структурный анализ топонимов, входящих в состав фразеологических единиц, составивших корпус данных настоящего исследования, позволяет констатировать, что среди них преобладает группа простых, т.е. непрямых топонимов: *Rhein, Oder, Main, Ulm*. Это объясняется, скорее всего, требованием экономии языковых усилий и необходимостью успешного «встраивания» топонима в структуру фразеологизма. Кроме простых топонимов среди исследуемых в работе ФЕ встречаются также топонимические сложения: *Hamburg, Wartburg, Schönhausen, Greifswald, Schenkendorf*; суффиксально-производные топонимы: *Schilda*; бессуффиксально-производные топонимы: *Pegnitz*.

Топонимы, образованные от апеллятивных имен, по мере их демотивации и стирания внутренней формы сами могут становиться образовательными основами – языковым средством для образования новых лексических единиц. Такие языковые единицы принято называть оттопонимическими.

В отношении способа образования оттопонимической лексики действуют общепринятые в языке законы и модели образования новых слов или новых значений. Так, топоним, а именно определенные компоненты его семантики, могут стать основой для формирования нового значения при сохранении формы топонима. Иными словами, речь идет о семантической производности на основе метафоризации или метонимизации. Как уже указывалось выше, топоним реализует в данном случае свое посттопонимическое значение.

В большинстве случаев посттопонимическое значение является коннотативным, т.е. связано с реализацией оценочных, эмотивных и ассоциативных компонентов семантики. Особенность посттопонимического значения состоит в том, что оно может быть общеизвестным или индивидуальным. Например, с топонимом *Weimar* связывается представление

о городе, где жили и творили И. В. Гете и Ф. Шиллер, с топонимом *Leipzig* – представление о городе, где устраиваются международные книжные ярмарки. Таким образом, знание посттопонимического значения во многом зависит от образовательного уровня носителя языка.

Индивидуальность посттопонимического значения проявляется в том, что каждый носитель языка может иметь свою собственную интерпретацию имени объекта. К различного рода сопутствующим значениям относятся также представления, вызываемые у говорящего внутренней формой слова (семантической мотивированностью). Показательными в данной связи являются орнативные ойконимы *Freidenburg, Grünstadt, Schönau, Rosenheim, Rosental, Löwenstein* и др. Это так называемые «говорящие» топонимы. Как показало наше исследование, они достаточно активно используются в составе ФЕ именно в их прямом прочтении исходя из внутренней формы слова.

Образование новых ЛЕ от имеющегося топонима может происходить и по уже имеющимся в языке словообразовательным моделям: суффиксация, префиксация, суффиксально-префиксальный способ, словосложение, конверсия и т.д.

Так, среди оттопонимических единиц – компонентов фразеологических выражений, составивших корпус нашего исследования, наиболее распространенной моделью является суффиксация. Образование прилагательного от имени города с помощью суффикса *-er* для обозначения принадлежности к данному городу, является очень распространенным. Переход данного прилагательного в статус существительного (субстантивация) приводит к появлению ЛЕ со значением «житель соответствующего города»: *Berlin – Berliner Mauer – Berliner/in; Köln – Kölner Dom – Kölner/in* и т.п.

Образование оттопонимической лексики происходит и на основе конверсии. В качестве примера приведем глагол *berlinern* [<https://www.duden.de/rechtschreibung/berlinern>], [<https://www.dwds.de/wb/berlinern>]. Этот глагол образован от

субстантивированного прилагательного *Berliner* (житель Берлина) и имеет зафиксированное в словарях значение «говорить на берлинском диалекте» («*Berliner Mundart sprechen*» [<https://www.duden.de/rechtschreibung/berlinern>]). Следует заметить, что в современном немецком языке изначально нейтральная ЛЕ стала использоваться с отрицательной коннотацией «говорить навязчиво, громко», о чем свидетельствуют следующие употребления глагола:

«*Sie berlinert, sie flennt, sie schnarrt und schimpft wie immer. (Süddeutsche Zeitung, 26.11.1998)*» [<https://www.dwds.de/wb/berlinern>].

«*Sie verstehen die Welt sowieso nur bedingt, berlinern dafür aber umso lauter in die selbige und sogar darüber hinaus. (Berliner Zeitung, 30.11.2005)*» [https://www.dwds.de/r/?q=berlinern&corpus=bz&format=full&p=2&sort=date_desc&limit=50]

«*Christian berlinerte jetzt auch penetranter, und ich zog mich gewissermaßen auf meine Migräne zurück. (Berliner Zeitung, 08.12.1999)*» [https://www.dwds.de/r/?q=berlinern&corpus=bz&format=full&p=2&sort=date_desc&limit=50].

В данном случае можно говорить о механизме пейоратизации, ведущем к приобретению ЛЕ оценочных сем со знаком «минус».

2.3.2 Экстралингвистическая обусловленность семантики топонимов

Результаты исследований последних лет на материале разных языков (см. [Беляев 2016, 2018; Буркова 2016; Ковлак 2009; Передреева 2018; Уразметова 2006; Федотова 2012; Цой 2021; Urmes 2004]), в том числе и результаты настоящего исследования, показывают, что топонимы могут не только указывать на определенный географический объект и место действия, но могут употребляться и для характеристики географических объектов, предметов и даже лиц, приобретая разнообразные контекстуальные значения, дополнительные смысловые оттенки, и решают при этом стилистические задачи экспрессивно-эмоционального характера.

Говоря об обусловленности актуальной семантики топонимов экстралингвистическими факторами, прежде всего, имеют в виду связь имени с историей, особенностями ландшафта, мифами и легендами обозначаемого топонимом объекта, его экономическую, политическую значимость, значимость в культурной жизни страны или региона, иными словами, национальную маркированность. Зависимость семантики топонима от экстралингвистических данных может быть большей или меньшей, как и сам объем той части семантики, которая обусловлена экстралингвистическими данными. Чем значимее объект номинации в истории и культуре народа, в его жизнедеятельности, тем больше этой информации представлено в семантике топонима. Это, в свою очередь, ведет к развитию коннотативной части значения, к широкой представленности в его структуре оценочных, эмотивных и ассоциативных признаков. Развитость коннотативного блока семантики определяет в большинстве случаев широкое использование топонима в образовании оттопонимических единиц, в том числе, в образовании на его основе единиц с переносным значением.

Анализ языкового материала позволил сделать вывод, что большинство топонимов в составе фразеологизмов национально-культурно маркировано, т.е. содержит информацию об истории, литературе, обычаях, нравах немецкого народа и т.п.

На связь процесса формирования семантики топонимов с географией и историей страны, ее мифологией, религией, литературой народа и его традициями, бытующими (или зародившимися) в той или иной местности, либо характерными чертами жителей отдельных областей указывается во многих исследованиях (см., например, [Артемова, Леонович 2003: 76]). В собственных географических именах часто находят выражение своеобразие быта и жизни народа: «топонимы конденсируют весь сложный комплекс культуры и психологии данного народа, неповторимый способ его образного мышления» [Ройзензон 1972: 13].

Географические названия могут отражать и отношение народа к явлениям окружающей действительности, тесно связанным с его жизнью. Всякое же отношение к действительности является не только оценочным, но, в конечном счете, деятельностным, практическим. В этой связи можно говорить о том, что топонимы обладают социальной направленностью: они создаются не только с целью «наименования, называния» объекта, не только с целью вычленения фрагмента действительности, но и с целью введения представления *о ценности обозначаемого*, они говорят о том, «что человек считает ценным, что он считает плохим и что безразличным» [Ивин 1970: 5].

Топонимы относятся к числу языковых единиц, семантика которых значительным образом связана с экстралингвистической информацией, сопровождающей как фоновое знание их функционирование в языке. Это знание в определенном объеме всегда имеет общенациональный статус, т.е. известно всем носителям языка, но и может значительно отличаться от носителя к носителю, т.е. может приобретать статус индивидуального знания. Об этом пишет, в частности Д.И. Ермолович [Ермолович 2005: 173].

В знаниях, которые связываются с одним и тем же топонимом участниками одной коммуникативной сферы, можно выделить некий общий минимум признаков (помимо тех, что входят в классифицирующий компонент сигнификата), необходимый для коммуникации. В этой связи и антропонимы, и топонимы Д. И. Ермолович подразделяет на единичные и множественные. Известность объекта, по мнению Д. И. Ермоловича, нередко способствует тому, что коммуникативная сфера, в которой реализуется референция топонима, расширяется до всего языкового коллектива. В таком случае признаки референта, подразумеваемые в значении топонима в речи, приобретают общезыковой статус [там же: 275].

Так, практически каждый говорящий связывает с топонимом *Berlin* такие признаки, как ‘крупный город, столица Германии’, с топонимом *Plauen* – ‘город в федеральной земле Саксония’, ‘город кружев’, с топонимом *Leipzig* – ‘место проведения международной книжной ярмарки с большой традицией’.

Поскольку данная информация содержится в этих названиях как известная для всего языкового коллектива, она кодифицируется на уровне языка-системы, т.е. актуализируется «по умолчанию».

Фоновое знание, актуализируемое топонимом в различных контекстах, может быть нескольких видов.

Географическая информация является наиболее распространённой в семантике топонима в силу его первичной (адресной) функции – наименования географического объекта.

В следующих выражениях и высказываниях топонимы сохраняют свою адресную функцию, т.е. выделяют географический объект из континуума и указывают на него.

(1) *«Anlass ist ein verheerender Brand am Heiligen Abend in **Köln**, bei dem fünf Menschen starben.»* (Berliner Zeitung, 29.12.2005) [<https://www.dwds.de/r/?corpus=bz&q=Köln>] (Поводом стал ужасный пожар в сочельник в Кёльне, в результате которого погибли пять человек) (Перевод наш – В.Т.)

(2) *Mein **Leipzig** lob` ich mir! Es ist ein klein Paris und bildet seine Leute.* (J.W. Goethe «Faust») (букв.: Мой Лейпциг славлю я!)

В (1) топоним *Köln*, употребляемый в своем основном значении, указывает на место происшествия, пожара в сочельник.

Во (2) приведена фраза из произведения И.В. Гете «Фауст», которая стала общеупотребительной для жителей Германии, и жители города Лейпциг произносят ее с гордостью за свой город.

(3) *in der großen Seestadt **Leipzig*** (букв.: в большом морском городе Лейпциге)

Данный фразеологизм восходит к стихотворению Г. Й. Ханзена „Die Wassernot in Leipzig“. Кроме названия географического объекта выражение в ироничной форме указывает на отсутствие крупных рек в городе [Мальцева 1991: 130]. В данном высказывании мы имеем дело не только с номинативной функцией, но и с функцией характеристики объекта номинации

– указания на его географические особенности, которую топоним выполняет в сочетании с существительным *Seestadt*.

Представленность **исторической информации** в качестве фоновой семантики в топониме определяется тем фактом, что исторические события почти всегда привязаны к определенному месту, определенному географическому объекту и могут актуализироваться в контексте ситуации уже самим топонимом, т.е. без прямого называния события. Так, имя *Беслан* надолго останется в сознании российского народа из-за его связи со страшными событиями гибели детей. В выражении «*Мы всегда будем помнить наш Беслан*» топоним употребляется в переносном – метонимическом значении. В данном примере видно, что именно историческое событие стало основой образования нового значения топонима.

Интересным в этом отношении является исследование Р. Р. Пулатовой, посвященное изучению топонимических ФЕ, вербализирующих знания исторического характера [Пулатова 2022: 585-589]. На материале английского языка исследователь приводит примеры отражения во ФЕ с топонимическим компонентом истории и быта английского народа.

В качестве примеров немецких топонимов, актуализирующих историческую информацию, можно привести урбаноним *die Berliner Mauer*. Это имя собственное является обозначением исторического объекта, появление и уничтожение которого связаны с политическими событиями, имеющими огромную историческую значимость для немецкого народа и, соответственно, большую известность. Подробности этих событий изучаются в школах, более того, многие из жителей Германии являются свидетелями этих событий. Все это определяет актуализацию именем *die Berliner Mauer* исторической информации безотносительно к тому, есть ли в тексте высказывания на нее ссылка, как в (4) или нет, как в (5).

- (4) «*Die Berliner Mauer fiel, die Spaltung zwischen Ost und West fand ein friedliches Ende*» (Berliner Zeitung, 29.10.2005)
[<https://www.dwds.de/r/?corpus=bz&q=Berliner%20Mauer>]

(Берлинская Стена пала, разделение Востока и Запада нашло свое мирное завершение.) (Перевод наш – В.Т.)

- (5) «*Sie zeigt, wo die Berliner Mauer stand*» (Berliner Zeitung, 09.11.2005)
 [<https://www.dwds.de/r/?corpus=bz&q=Berliner%20Mauer>] (Она показывает, где была Берлинская Стена.) (Перевод наш – В.Т.)

Во немецких топонимических фразеологизмах также есть те, которые актуализируют исторические события, однако, их известность сегодня среди носителей немецкого языка может быть гораздо меньшей. Так, фразеологизм с астионимом *Bautzen* связан с политическими событиями в бывшей ГДР.

- (6) *Ab nach Bautzen!* (букв.: прочь, в Баутцен!)

Данное выражение имеет в основе исторический контекст и получило распространение на территории ГДР. Баутцен II – название тюрьмы в городе Баутцен в Саксонии во время действующего коммунистического режима в Восточной Германии в XX в. В современном немецком языке данное выражение употребляется в значении угрозы кому-л. и является малоупотребительным.

Еще одним ойконимом (астионимом), актуализирующим знания исторического характера, является имя *Potsdam*. Город Потсдам известен всем как город, где в 1945 г. состоялась Потсдамская конференция глав правительств СССР, США и Великобритании. Следующие высказывания иллюстрируют актуализацию этой информации топонимом *Potsdam*.

- (7) «*Der zweite Unterschied zwischen Potsdam heute und Potsdam 1945, den ich erwähnen möchte, der sind wir selbst!*» (Rede von Frank-Walter Steinmeier, 17.09.2015)
 [<https://www.dwds.de/r/?q=Potsdam+1945&corpus>] (Второе отличие между Потсдамом сегодня и Потсдамом 1945 года, которое я хотел бы упомянуть, это мы сами!) (Перевод наш – В.Т.)
- (8) «*Die in Potsdam 1945 gefassten grundlegenden Beschlüsse gelten als endgültig und völkerrechtliche Elemente der europäischen Friedensregelung.*» (Zit.n.CD-ROM-Audgabe 2001)

[<https://www.dwds.de/r/?corpus=adg&q=Potsdam%201945>] (Принятые в Потсдаме в 1945 году решения считаются окончательными и международно-правовыми элементами мирного урегулирования.)
(Перевод наш – В.Т.)

Слова в высказывании (8) принадлежат министру иностранных дел Германии Франку-Вальтеру Штайнмайеру на праздновании 70-летнего юбилея Потсдамской конференции и вручении премии M100 [<https://www.auswaertiges-amt.de/de/newsroom/150917-bm-potsd-abk/274900>]. В своей речи он говорит о важности этой конференции, о ее значении для народов Европы и немецкого народа. Топоним *Potsdam* употребляется в высказывании, скорее, не как обозначение конкретного города, а как обозначение того времени (1945), того настроения в целом в Германии, которое было вызвано влиянием Потсдамской конференции, т.е. в метонимическом значении, актуализируя историческую информацию.

В (9) топоним *Potsdam* обозначает и город, и конференцию, в рамках которой были приняты решения, о которых идет речь. Следует признать, что в обоих высказываниях актуализация исторической информации обусловлена обозначением года проведения конференции – 1945. Тем не менее, несмотря на это, мы можем говорить о представленности исторической информации в узуальном употреблении имени при соответствующей ее актуализации контекстом.

Еще одним видом информации, актуализируемой топонимом, могут быть **народные поверья, легенды, мифы.**

Так, топоним *Blocksberg* прочно связан в сознании немецкого народа с определенным поверьем. Речь идет о самой высокой вершине в горном массиве Гарц Броккен (1142 м). В народе эту вершину часто называют Блоксберг (*Blocksberg*). По народному поверью в Вальпургиеву ночь (в германской мифологии ночь с 30 апреля на 1 мая) на горе Броккен собирались ведьмы и устраивали шабаш, чтобы помешать благополучному приходу весны и наслать порчу на людей и скот.

(9) «*Wenn nur noch die Wipfel der Fichte rauschen, wenn Bäume, Wurzel und Felsen sich im Nebel zu gespenstischen Figuren formen, und wenn dazu bei einem stillen Blick in die Runde das Herz des Wanderers pocht, entfaltet **der Blocksberg** ungestört seinen wahren diabolischen Zauber.*»

(Der Tagesspiegel. 19.10.2003.)

[https://www.dwds.de/r/?q=Blocksberg&corpus=tsp&date-start=1996&date-end=2004&format=full&sort=date_desc&limit=50] (И если верхушки сосен, если деревья, корни и скалы превратятся в тумане в призраков, и, если к тому же сердце странника, молчаливо окидывающего взглядом местность, вдруг заколотиться, то раскроет Блоксберг безмятежно свое дьявольское очарование.) (Перевод наш – В.Т.)

Это мифологическое знание сохранилось также и в следующей ФЕ:

(10) *auf dem **Blocksberg** sein*, (букв.: быть на Блоксберге)

[<https://www.dwds.de/wb/Blocksberg>]

В (10) топоним *Blocksberg* coreализует наряду со своим первичным значением (наименование конкретной горы), также и мифологическое – «гора, на которой собираются ведьмы», в (11) реализуется только мифологическое значение.

Топонимы могут также актуализировать **литературные знания** на основе литературных цитат и авторских афоризмов.

Астионим *Schilda* связан в языковой картине мира немцев с городом, в котором живут люди, совершавшие (согласно преданиям) странные поступки и любившие глупые шутки. Согласно легенде, жители города Шильда – герои книги шванков «Лалебух» («Lalebuch»), пытались построить ратушу в форме треугольника без окон и носить в темные помещения солнечный свет в мешках. С тех пор название города стало нарицательным, а его жители – предметом насмешек.

Город Шильда существует в реальности, и у топонима *Schilda* есть прямое значение – имя реального города Германии, о чем свидетельствуют следующие примеры:

- (11) «*Schilda ist eine Gemeinde im Süden von Brandenburg im Landkreis Elbe-Elster. Die Gemeinde gehört dem Amt Elsterland an.*» [<https://alleantworten.de/was-ist-schilda>]. (Шильда – коммуна на юге Бранденбурга в округе Эльбе-Эдльстер. Коммуна принадлежит ведомству Эльстерланд.) (Перевод наш – В.Т.)
- (12) «*Schilda ist ein attraktiver Wohnort in waldreicher Gegend.*» [<https://www.elsterland.de/verzeichnis/visitenkarte.php?mandat=17316>] (Шильда – привлекательное место для проживания в лесистой зоне.) (Перевод наш – В.Т.)

Тем не менее, топоним *Schilda* широко используется сегодня и в значении «город глупцов, действующих алогично». Приведем примеры такого употребления.

- (13) «*Also, diese Stadt sollte nicht Berlin, sondern Schilda heißen, bemerkte Herr G. aus Weißensee echauffiert am Telefon.*» (Berliner Zeitung, 24.03.1998.) [<https://www.dwds.de/r/?corpus=tsp&q=Schilda>] («Итак, этот город должен называться не Берлин, а Шильда», - заметил возбужденно по телефону господин Г.) (Перевод наш – В.Т.)

В указанном значении топоним *Schilda* широко употребляется во ФЕ, актуализируя именно эту информацию.

- (14) *Aus Schilda kommen /stammen* (букв.: быть родом из Шильды).
- (15) *Oh Schilda, mein Vaterland!* (букв.: о Шильда, родина моя!)

Последнее выражение восходит к произведению Г. Гейне, а в современном немецком языке используется как поговорка, когда кто-то произносит какую-либо глупость.

Приведенный обзор теоретической литературы по проблемам топонимики и анализ семантики топонимов позволяют сделать вывод о

сложности и специфичности как парадигматического, так и синтагматического значения топонимов.

Первичное значение топонима, реализуемое при обозначении конкретного географического объекта, является основой его семантики. Как указывалось выше, денотат топонима в его первичном значении референциально прозрачен, референт имени четко определен. Пропозициональная неопределенность возникает при употреблении топонима в ином значении и связана с невозможностью без конкретизирующего контекста понять, какие конкретно признаки объекта номинации, его характеристики, особенности и т.п. имеются в виду.

Включение топонима в контекст, в том числе в состав ФЕ, снимает пропозициональную неопределенность. Устойчивость семантики ФЕ и повторяющиеся контексты употребления «работают» в этом случае как фиксаторы семантики топонима. Закрепляя за ним один признак, который актуализируется неизменно в определенном контексте, процессы фразеологизации и контекстуализации приводят к смене пропозициональной непрозрачности на пропозициональную определенность и фиксации данного семантического признака в структуре имени.

Семантические элементы, актуализируемые контекстом, в том числе фразеологическим, и реализуемые топонимом, имеют, как правило, экстралингвистическую обусловленность. Последняя есть результат формирования семантики имени под влиянием экстралингвистических факторов – исторических, политических, экономических событий, мифологических, фольклорных и иных данных, связанных с реальным или вымышленным географическим объектом – референтом топонима. Наличие таких семантических признаков в структуре значения топонима и их регулярная актуализация приводят к проявлению национальной и культурной маркированности семантики топонима.

В лингвистической литературе в данной связи говорят о *фоновой функции* топонима [Ирисханова 1978; Пономаренко 2003: 20], обусловленной

его исключительной емкостью как носителя экстралингвистической информации, и о «фоновой семантике» [Иванов 2022: 26]. Под фоновой семантикой топонима (основываясь на определении Е.Е. Иванова) мы понимаем совокупность наиболее типичных социокультурных, исторических, оценочных и прочих ассоциаций носителей языка, «в том числе зафиксированных в справочных и иных текстовых источниках в отношении того или иного имени» [там же].

Топонимическая система, как система географических названий, принадлежащая определенному этносу, всегда обладает общей языковой историей, поэтому, с одной стороны, топоним содержит зафиксированную в лексикографических источниках лингвистическую информацию об определенном географическом объекте, а, с другой стороны, может рассматриваться как «определенный свернутый текст», который в разном объеме может эксплицировать представления говорящих об этом объекте на основе экстралингвистических знаний – фоновых знаний, ассоциаций и представлений об именуемом объекте [Горбаневский 1998: 339-342]. Эту же точку зрения доказывает в своем исследовании Е.Ф. Ковлакс, который считает топонимы «когнитивнопрагматическим средством аккумуляции, хранения и передачи внеязыкового межпоколенного опыта и опыта межэтнического взаимодействия и коммуникации» [Ковлакс 2009: 8]

Реализация топонимом семантических признаков, связанных с экстралингвистической информацией об объекте номинации, возможна лишь при их представленности в концептуальной семантике. В то же время регулярная актуализация этих признаков в языке влияет на их закрепление в структуре соответствующего концепта как постоянных, относящихся к его ядру или ближайшей периферии. Рассмотрим далее процессы взаимодействия концептуальной и языковой семантики топонимов.

2.4 Топонимические концепты в языковой картине мира немецкого социума

Топоним как языковая единица, выполняющая в первую очередь адресную функцию – указание на географический объект, является в то же время органичной составляющей *языкового* отражения жизнедеятельности лингвокультурного сообщества, т.е. языковой картины мира носителей языка, и в этом качестве может нести информацию (знание), большую(ее), чем только о членении пространства и выделении в нем объектов.

Понятие языковой картины мира не является новым в лингвистике сегодняшнего дня, оно достаточно хорошо изучено и исследовано на материале разных языков и культур (см. [Алещенко 2008; Бижева 2000, 2018; Братченко 2006; Залевская 2005; Зализняк 2012, Замалетдинов 2004; Кадачиева 2010; Карасик 1999; Корнилов 2003; Маслова 2001; Радбиль 2017; Пименова 2001; Попова, Стернин 2007; Скорнякова 2010; Тащук 2015; Шмелев 2002]).

В Философском словаре данный термин определяется «как целостный образ мира, имеющий исторически обусловленный характер; формируемый в обществе в рамках исходных мировоззренческих установок» [Философский словарь 2001: 234]. В настоящее время под картиной мира понимается «наиболее общее, интегральное восприятие мира в его целостности, совокупность знаний, формирующаяся при участии всех уровней и форм познания: теоретического и эмпирического, логического и чувственного, научного, философского, обыденного, религиозного и мифологического» [Погорелко 2006: 27]. Развитие идеи картины мира в лингвистике привело к возникновению понятия и термина «языковая картина мира». Общепризнанным является определение этого понятия, данное З.Д. Поповой и И.А. Стерниным. Языковая картина мира – это «совокупность зафиксированных в единицах языка представлений народа о действительности на определенном этапе развития народа, представление о действительности, отраженное в языковых знаках и их значениях, – языковое членение мира,

языковое упорядочение предметов и явлений, заложенная в системных значениях слов информация о мире» [Попова, Стернин 2007: 21].

Не вдаваясь детально в анализ существующих трактовок и пониманий термина «языковая картина мира» (ЯКМ), укажем только на значимые для настоящего исследования характеристики.

ЯКМ всегда структурирована. В ней выделяются следующие содержательные блоки:

- 1) *языковой* – речь идет о том аспекте лексической и грамматической семантики языка, который отвечает за национально-специфическое видение мира в языке определенного этноса;
- 2) *когнитивный* блок, связанный с системой взглядов и умонастроений, которые основываются на сложившихся в данном обществе знаниях и верованиях;
- 3) *эмоциональный* блок, связанный со спецификой выражения в языке чувств, их характером и типовым набором эмоциональных реакций;
- 4) *аксиологический* блок, определяемый системой норм и ценностей разного характера (экзистенциальных, семейных, этических, социально-политических, религиозных и пр.), находящих выражение в языке;
- 5) *мотивационный*, или *мотивационно-прагматический* блок, проявляющийся через систему преобладающих в этносе жизненных установок, мотивов, потребностей и целей деятельности, в том числе и в языковой семантике [Анциферова 2022: 30-31].

Исходя из задач настоящего исследования прокомментируем представленную выше структуру ЯКМ в несколько иной последовательности блоков и в перспективе предмета рассмотрения данного пункта – топонимического концепта как составляющей ЯКМ.

Топонимические концепты как единицы ЯКМ суть представления о географических объектах, сформировавшиеся у представителей лингвокультурного сообщества на основе имеющихся знаний об объекте (первичное познание), оценок объекта и его ценности (вторичное познание,

интерпретация полученного знания). Эта семантика формирует когнитивный и аксиологический блоки ЯКМ.

Концепты имеют свою объективацию в языке в совокупном наборе лексических и фразеологических единиц, имеющих референциальную связь с соответствующим объектом. Языковая реализация концептуального содержания отражает национально-культурную специфику восприятия, эмоциональное отношение носителей языка, которые закрепляются в их сознании и передаются последующим поколениям. Эта часть семантики формирует языковой и эмоциональный блоки ЯКМ.

Ценностное и эмоционально-оценочное содержание концепта предопределяет установки, мотивы поведения, потребности и прочие прагматические параметры, составляя в итоге содержание мотивационно-прагматического блока ЯКМ. Культурный код в аспекте его регулятивной функции соотносится именно с этим содержательным блоком.

Приведем в подтверждение мнение известного ученого – лингвокультуролога В.А. Масловой: «языковая картина мира формирует тип отношения человека к миру (природе, животным, самому себе как элементу мира). Она задает нормы поведения человека в мире, определяет его отношение к миру. Каждый естественный язык отражает определенный способ восприятия и организации («концептуализации») мира. Выражаемые в нем значения складываются в некую единую систему взглядов, своего рода коллективную философию, которая навязывается в качестве обязательной всем носителям языка» [Маслова 2001: 65]. Сегодня уже не оспаривается утверждение о проявленности национально-культурной специфики народа в языке.

В последние десятилетия изучения национальных и языковых картин мира появился интерес к исследованию их отдельных фрагментов или составляющих, наиболее значимых для существования общества – ценностной картины мира, временной картины мира, пространственной картины мира.

Пространственная картина мира как часть национальной картины мира включает в себя пространственные концепты – ментальные структуры,

представления народа о пространстве, его структуре, организации и его объектах. Совокупность представлений лингвокультурного сообщества о географии своей страны, преломленных через систему языковых единиц – топонимов – составляет содержание *топонимической картины мира*. Таким образом, топонимическая картина мира – это часть пространственной картины мира, совокупность пространственных образов, которые реализуются в языке посредством топонимических единиц.

По мнению многих исследователей, топонимы «обладают яркой национально-культурной семантикой, поскольку их групповое и индивидуальное значение прямо производно от истории культуры народа – носителя языка» [Верещагин, Костомаров 2005: 103] (см. также [Беляев 2017: 32 – 36]. Сопряжение языкового и концептуального уровней позволяет утверждать то же самое и в отношении топонимических концептов.

Национально-культурная специфика топонимических концептов проявляется в нескольких аспектах:

- 1) в этимологическом значении топонима, которое связано с апеллятивом (данная связь может, однако, стираться и не осознаваться носителями языка);
- 2) в языковой реализации значимых для представителей лингвокультурного сообщества признаков географического объекта;
- 3) в появлении образного и символьного представления объекта на основе использования соответствующего топонима в процессах вторичной номинации и фразеологизации.

Большой объем содержания топонимического концепта (характерный для концептов важных в культуре народа географических объектов) является условием и предпосылкой расширения семантики топонимической единицы и ее прагматического потенциала. Первое выражается в реализации топонимами той части семантики, которая относится не к обозначению географического объекта, а к его характеристике, а также в использовании их в качестве единиц вторичной номинации (как метафор и символов), второе – в расширении их

функционального спектра, т.е. реализации топонимами в речи не только адресной функции.

В этой связи возникла необходимость выявить среди фразеологизмов с топокомпонентом, составивших корпус нашего исследования, те, которые употребляются наибольшее количество раз. Таковыми являются *Berlin*, *Rhein*, *Leipzig*.

Выделенность названных топонимов не является случайной: все они обозначают одни из наиболее значимых географических объектов Германии, имеющих огромное значение во всех сферах жизни немецкого народа, что позволяет говорить о значимости соответствующих концептов в ЯКМ немцев. Значение имени *Berlin* как имени собственного определяется в онлайн словарях немецкого языка как ‘Hauptstadt Deutschlands’ (Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache)[<https://www.dwds.de/wb/Berlin>] и ‘Hauptstadt von Deutschland und deutsches Bundesland’ (Duden.de) [<https://www.duden.de/rechtschreibung/Berlin>].

Материалы корпуса Берлинско-Бранденбургской Академии наук DWDS подтверждают значимость Берлина количеством его упоминаний: Gegenwartskorpora mit freiem Zugang содержит 235217 упоминаний за период с 2000 по 2024 гг., Berliner Zeitung за тот же период – 196697 упоминаний, der Tagesspiegel – 156030.

Ниже приведены примеры употребления топонима *Berlin* в номинативной функции в указанных значениях.

- (1) «*Zum einen werfen wir einen Blick voraus auf 2006, auf wichtige politische Entscheidungen, kulturelle Ereignisse, Veränderungen in **Berlin** und vieles mehr.*» (Berliner Zeitung) [<https://www.dwds.de/r/?corpus=bz&q=Berlin>] (Во-первых, посмотрим на 2006 год, на важные политические решения, культурные события, изменения в Берлине и многое другое.) (Перевод наш – В.Т.)

(2) «*Hilfsweise ist das Land **Berlin** zuständig.*» (Gegenwartskorpora mit freiem Zugang) [<https://www.dwds.de/r/?corpus=dwdsxl&q=Berlin>] (При необходимости земля Берлин является правомочной.)

В (1) реализуется значение ‘столица Германии’, во (2) – ‘Федеральная земля Берлин’.

Совокупность наиболее значимых признаков и характеристик обозначаемого объекта дают энциклопедические словари, которые фиксируют экстралингвистическую информацию. Однако, экстралингвистические данные (как было подробно представлено в п. 2.2.2.) являются значимым фактором формирования семантики топонима, определяющим его узуальные употребления.

Современные энциклопедические словари выделяют среди значимых характеристик Берлина такие, как ‘крупнейший город Германии’, ‘экономический, образовательный и культурный центр’, ‘город на реке Шпрее’, ‘город, имеющий самое большое число иностранцев – город межкультурного общения’ ‘город, в котором находятся 45 высших учебных заведений – город интеллектуалов’, ‘город моды и модных показов’ [<https://old.bigenc.ru/geography/text/5655652>], <https://www.newworldencyclopedia.org/entry/Berlin>].

Приведем несколько примеров, иллюстрирующих актуализацию дополнительных семантических признаков в значении топонима *Berlin* помимо его основного.

(3) «*Nicht nur in **Berlin** gibt es hunderte begabte und junge Modedesigner mit Witz und Charme.*» (Der Tagesspiegel) [<https://www.dwds.de/r/?corpus=tsp&q=Berlin>] (Не только в Берлине есть сотни одаренных и молодых дизайнеров моды с чувством юмора и шармом.) (Перевод наш – В.Т.)

(4) «*Der Ort ist für die Ausstellung gut gewählt, hatte doch Laren einige Bedeutung für die **Kunststadt Berlin**.*» (Tagesspiegel) [<https://www.dwds.de/r/?corpus=tsp&q=Berlin>] (Место для выставки

выбрано очень хорошо, Ларен имеет все-таки значения для города искусств Берлина.) (Перевод наш – В.Т.)

- (5) «*Es ist ein modernes Büro, es ist ein modernes **Berlin** mit den Kaufhäusern, mit dem Nachtvergnügen, mit den Bahnen, U-Bahn, S - Bahn*». (Gesprochene Sprache)

[<https://www.dwds.de/r/?corpus=spk&q=Berlin>] (Это современный офис, это современный Берлин с торговыми центрами, ночными развлечениями, поездами, метро и трамваями.) (Перевод наш – В.Т.)

- (6) «*Und auch gar nicht in **Berlin**, wo ja Romane inzwischen alle spielen müssen, sondern irgendwie in Köln*». (Gesprochene Sprache)

[<https://www.dwds.de/r/?corpus=spk&q=Berlin>] (И совсем даже не в Берлине, где теперь разыгрываются действия всех романов, а где-нибудь в Кёльне.) (Перевод наш – В.Т.)

В (3) топоним *Berlin*, обозначая город – столицу Германии, актуализирует под влиянием контекста признак ‘город молодых и талантливых дизайнеров моды’.

В (4) топоним *Berlin* употребляется в ставшем уже устойчивом словосочетании *Kunststadt Berlin*, которое и вне контекста актуализирует признак ‘город искусства’.

В (5) контекст высказывания актуализирует признак ‘современный, предоставляющий многие «прелести жизни».

В (6) контекст высказывания актуализирует признак ‘город интеллектуалов’, ‘город модной литературы’, ‘город писателей’ – характеристики, которыми гордятся и в определенной степени кичатся берлинцы, что вызывает негативную реакцию у жителей других земель (это обстоятельство выражено в данном высказывании косвенно путем использования приема иронии – противопоставления Берлина и Кёльна.).

Рассмотрим в этом же ключе употребление топонима *Leipzig*.

Интересен тот факт, что в словаре DWDS топоним *Leipzig* отсутствует, что является следствием доминирования долгое время научного мнения об

отсутствии у топонимов собственной семантики. Тем не менее, словарь Duden.de определяет значение этого ИС как «Stadt in Sachsen» [<https://www.duden.de/rechtschreibung/Leipzig>], которое, конечно, является очень размытым, поскольку в Саксонии есть и другие города. Проблема лексикографического описания топонима связана с тем, что его семантика во многом связана с экстралингвистической информацией, и более детальное ее представление напоминает статью в энциклопедическом словаре.

Энциклопедические словари называют в качестве самых значимых такие характеристики Лейпцига, как ‘город районного значения земли Саксония’, ‘один из крупнейших городов Саксонии’, ‘один из важнейших транспортных узлов страны’, ‘с 15 века крупнейший в Европе и до середины 20 века в Германии центр ярмарок’, ‘колыбель издательского дела’, ‘крупный центр науки, культуры и образования’, ‘город, в котором находится футбольный клуб «RB Leipzig»’ и др. [<https://bigenc.ru/c/leipzig-5b38bf>], [<https://de.wikipedia.org/wiki/Leipzig>].

Следующие высказывания, взятые из корпусных данных Берлинско-Бранденбургской Академии наук DWDS, демонстрируют выше сказанное.

- (7) «*Sie hat ihren Sitz in Leipzig.*» (§ 113 Bundesnotarordnung (BnotO), 2023 [1937]) [<https://www.dwds.de/r/?corpus=bz&q=Leipzig>] (Ее штаб-квартира в Лейпциге.) (Перевод наш – Т.В.)
- (8) «*Die Auslosung der Spiele fand in Leipzig statt.*» (Gegenwartskorpora mit freiem Zugang) [<https://www.dwds.de/r/?corpus=bz&q=Leipzig>] (Жеребьевка игр состоялась в Лейпциге.) (Перевод наш – Т.В.)
- (9) «*Durch die Eröffnung des Museums der bildenden Künste am heutigen Sonnabend und des Anbaus der Galerie für Zeitgenössische Kunst ist Leipzig als Kunststandort aller Munde.*» (Der Tagesspiegel) [<https://www.dwds.de/r/?corpus=tsp&q=Leipzig>] (Открытие музея изобразительных искусств сегодня вечером и присоединение к нему галереи современного искусства сделало Лейпциг городом искусств у всех на устах.) (Перевод наш – Т.В.)

- (10) «*Auf den internationalen Kunstmessen fragen die Sammler bei neuen Malern schnell „Is he from Leipzig?“*». (Der Tagesspiegel) [<https://www.dwds.de/r/?corpus=tsp&q=Leipzig>] (На международных выставках коллекционеры спрашивают при каждом новом художнике: «А он из Лейпцига?».) (Перевод наш – Т.В.)
- (11) «*Aber es ist gemeint, dass man nicht sagen kann, ach Gott, gönnt uns doch für unser System, damit unser System nicht so total entartet, noch mal eine Utopie, aber macht das bitte in Leipzig, damit wir an diese Utopie nicht zu sehr zu leiden haben.*» (Gesprochene Sprache) [<https://www.dwds.de/r/?corpus=spk&q=Leipzig>] (Это подло, что нельзя сказать: ах, Боже мой, порадуй нас, нашу систему, чтобы она не деградировала совсем, еще одной утопией, но создай ее в Лейпциге, пожалуйста, чтобы мы не очень от нее страдали.) (Перевод наш – Т.В.)

В (7) топоним *Leipzig* реализует исключительно номинативное значение, называя место расположения (резиденции) субъекта. В (8) основным значением имени *Leipzig* также является его топонимическое значение, однако контекст актуализирует одновременно и информацию о Лейпциге как о футбольном городе, городе, в котором расположен один из ведущих футбольных клубов Германии. В (9) информацией, дополняющей топологическое значение имени *Leipzig*, является указание на то, что Лейпциг является городом современного изобразительного искусства. То же самое относится и к контексту предложения (10), в котором имя *Leipzig* актуализирует информацию о том, этот город является городом молодых художников. В (11) контекст высказывания более сложен и отсылает к историческим временам 90-х годов 20 века (само предложение датировано февралем 1990 года). В это время Лейпциг переживал не лучшие времена, считался у молодых немцев неперспективным и провинциальным. Этот смысл актуализируется благодаря иронической отсылке к Лейпцигу как к городу, для

которого может быть создана утопия, которая как утопия не будет болезненна, ведь это всего лишь Лейпциг.

В отличие от топонимов *Berlin* и *Leipzig*, являющихся астионимами, *Rhein* относится к группе гидронимов, а именно потамонимам – именам рек. Этот факт безусловно вносит специфику в содержание топонимического концепта RHEIN в ЯКМ немцев.

В словаре DWDS *Rhein* содержится с пометой «имя собственное» и его значение определяется как «река» [<https://www.dwds.de/wb/Rhein>]. Словарь Дуден определяет значение топонима как «река в Западной Европе» [<https://www.duden.de/rechtschreibung/Rhein>].

Информация о Рейне энциклопедического характера обширна и включает в себя данные о протяженности (одна из крупнейших рек в Западной Европе), водном бассейне, притоках и т.п., т. е. географическую информацию, о значимости в экономической жизни страны (судоходная река, место расположения многих городов), в истории народов Западной Европы (река соединяющая несколько стран), в культурной жизни Германии (место отдыха, культурных развлечений), в мифологии и литературе и многое другое [<https://bigenc.ru/c/rein-10c935>; <https://fgg-rhein.de/servlet/is/8830>].

Анализ употреблений топонима *Rhein* в современном немецком языке на материале корпусных данных Берлинско-Бранденбургской Академии наук DWDS позволяет говорить о представленности энциклопедически значимой информации в контекстуальных значениях имени *Rhein*. Проиллюстрируем это на конкретных примерах.

- (12) «*Die Luft ist kühl und es dunkelt, / Und ruhig fließt **der Rhein***»
 (Berliner Zeitung, 25.06.2005)
 [<https://www.dwds.de/r/?corpus=bz&q=Rhein>] (Воздух свеж,
 смеркается / Спокойно течет Рейн.) (Перевод наш – В.Т.)
- (13) «*Dafür scheint die Sonne jetzt klar und hell, **im Rhein** kann man
 baden.*» (Berliner Zeitung)

[<https://www.dwds.de/r/?corpus=bz&q=Rhein>] (Зато теперь солнце светит ярко, и в Рейне можно купаться.) (Перевод наш – В.Т.)

- (14) «*Dann sind Flüsse wie **Rhein**, **Rhône** und **Donau** wegen des niedrigen Pegelstands möglicherweise nicht mehr schiffbar.*» (Berliner Zeitung, 28.10.2005.) [<https://www.dwds.de/r/?corpus=bz&q=Rhein>] (В этом случае такие реки, как Рейн, Рона и Дунай станут из-за низкого уровня воды более несудоходными.) (Перевод наш – В.Т.)
- (15) «*Was ist bloß aus dieser Stadt **am Rhein** geworden, der viertgrößten Deutschlands, einer Kunstmetropole, einer Mediengroßstadt?*» (Der Tagesspiegel, 16.12.2004) [<https://www.dwds.de/r/?corpus=tsp&q=Rhein>] (Что же стало из этого города на Рейне, четвертого по величине города Германии, арт-мегаполиса, медиа-сити?) (Перевод наш – В.Т.)
- (16) «*Deutschland leitet gegenwärtig mit Chemikalien verseuchten Schlamm **in den Rhein** ein.*» (Berliner Zeitung, 10.02.2005.) [<https://www.dwds.de/r/?corpus=bz&q=Rhein>] (Германия выбрасывает сегодня в Рейн вместе с химикалиями отравляющий мусор.) (Перевод наш – В.Т.)
- (17) «*Seit langem gilt **der Rhein** als gesunkenes Kulturgut, als Ausflugszeit nur der trübsten Kegelklubs.*» (Berliner Zeitung, 22.08.2005.) [<https://www.dwds.de/r/?corpus=bz&q=Rhein>] (Уже давно Рейн слывет „павшим“ культурным достоянием, местом отдыха только для мрачных кегель-клубов.) (Перевод наш – В.Т.)
- (18) «*An der Lorelei verengt sich **der Rhein** zur schmalsten und tiefsten Stelle. Und auch zur gefährlichsten durch die Strudel und Klippen.*» (Berliner Zeitung, 22.08.2005.) [<https://www.dwds.de/r/?corpus=bz&q=Rhein>] (У скалы Лореляй Рейн становится узким и глубоким. И очень опасным из-за водоворотов и рифов). (Перевод наш – В.Т.)

(19) «Für ihn symbolisiert **der Rhein** den Strom der Geschichte, er sei ein Fluss, der von der Schweiz über die Niederlande bis zur Nordsee die Völker verbinde – mit allen Schattenseiten der Moderne.» (Berliner Zeitung, 18.12.2004.) [<https://www.dwds.de/r/?corpus=bz&q=Rhein>] (Для него Рейн символизирует поток истории, это река, которая соединяет народы от Швейцарии через Нидерланды и до Северного моря – со всеми теньвыми моментами современности.) (Перевод наш – В.Т.)

В (12) топоним *Rhein* употребляется в значении «река», том основном обобщенном значении, которое зафиксировано словарями Duden и DWDS.

В (13), обозначая реку Рейн, топоним актуализирует сему «место для купания», а (14) – «судоходная река, река для передвижения судов». В (15) предлог *am* актуализирует в топониме сему «место у реки», а контекст высказывания – место для проживания людей, расположения населенных пунктов. В (16) топоним *Rhein* употребляется в значении «воды реки», а контекст высказывания актуализирует очень болезненную для немцев и других жителей Западной Европы тему загрязнения Рейна. Рейн долгое время оставался экологически неблагоприятным географическим объектом из-за сброса химическим отходов и особенно из-за катастрофы в 1986 году – пожаре на химическом заводе фирмы «Sandoz» в швейцарском городе Базель.

С этим обстоятельством во многом связано снижение привлекательности Рейна как места культурного отдыха: *Rhein als Kulturgut*. Этот смысл реализуется в высказывании (17).

В (18) топоним *Rhein* реализует свое основное значение – «река», часть которой характеризуется в определенном месте как самое узкое, глубокое и опасное. Это место определяется через указание на скалу Лореляй (*Lorelei*). Топонимы *Rhein* и *Lorelei* становятся одновременно актуализаторами дополнительного знания об известной легенде «Лореляй». В силу своей широкой известности данная информация актуализируется «по умолчанию», ей не нужен широкий контекст.

В (19) Рейн описывается через метафору *Strom der Geschichte* (река / поток истории), а контекст высказывания актуализирует информацию о значимости Рейна для многих стран, о реке, объединяющей народы, т.е. имеющей огромное историческое значение.

Приведенные примеры использования имен *Berlin*, *Leipzig* и *Rhein* в разных контекстах показывают, насколько широким может быть семантический потенциал топонима. Данный факт определяется широтой концептуальной семантики, т.е. соответствующих концептов BERLIN, LEIPZIG, RHEIN, и демонстрирует, в свою очередь, экстралингвистическую обусловленность топонимической семантики. Чем значимее в жизнедеятельности лингвокультурного сообщества объект, обозначаемый топонимом, тем обширнее информация, актуализируемая им в различных контекстах его употребления.

Расширение семантического объема топонима влияет на функциональный аспект топонимаций, что ведет к расширению его прагматического потенциала: наряду с идентифицирующей (адресной) функцией топоним приобретает способность выполнять прагматические в своей основе функции – характеризующую, оценочную, эмотивную и др. Данное обстоятельство связано часто с процессом семантической трансформации топонима – его употреблением в переносном значении, составляющем основу идиоматизации топонима. Возможность использования топонима как знака вторичной номинации объясняется все теми же процессами расширения семантического объема имени и концепта: чем больше семантических элементов (суть признаков объекта номинации в представлении носителя языка) содержится в концептуальной структуре и фиксируется словом, тем шире возможности корреляции имеющегося представления об объекте с представлениями других объектов (метафора, как известно, основана на выделении общих признаков в двух объектах, вернее, представлениях о них).

Употребление топонима в переносном значении и, более того, закрепление этого значения в узусе влечет за собой дальнейшее расширение того образа (концептуального содержания), который актуализируется топонимом. Это происходит за счет ассоциативных связей (аналогий, сходств) с другими фрагментами языковой картины мира. Данный факт еще раз доказывает тесную взаимосвязь языковой и концептуальной семантики, о чем более подробно говорилось в первой главе работы (п. 1.2).

Результатом этих процессов является то, что топоним, «обрастая» дополнительными семантическими элементами, начинает отражать не только пространственные характеристики мира, но и другие – ценностные, эмоциональные, в целом, его (мира) национально-культурные особенности, обусловленные специфическим видением носителей языка.

Рассмотрим описанные нами процессы на примерах употребления топонима *Berlin* и *Rhein* в функции знаков вторичной номинации.

Одним из самых распространенных случаев использования астионимов как вторичных языковых знаков является употребление имени города в значении «жители города». Метонимическая замена происходит здесь на основе отношений включенности.

Метонимия является, как известно, широко распространенным способом экономии языковых усилий, т.к. представляет собой операцию усечения мыслительной структуры и поэтому широко распространена в разговорной речи. Использование астионима *Berlin* в значении «жители Берлина» представляет собой именно такой случай. Метонимические замены такого рода являются распространенными и используются, как правило, во всех функциональных стилях кроме научного и официально-делового. Семантическая трансформация топонима в этом случае не связана с яркой образностью, оценочностью и экспрессивностью, однако имеет свое влияние на расширение семантики астионима. Следующие примеры демонстрируют это.

(20) «*Berlin* feiert den 300.Geburtstag seiner Majestät – egal ob man das nun versteht oder nicht.» (Gegewartskorpora mit freiem Zugang)

[<https://www.dwds.de/r/?corpus=dwdsxl&q=Berlin%20feiert>] (Берлин празднует 300-летний день рождения своего величества – и не важно, понимается это или нет.) (Перевод наш – В.Т.)

- (21) «*Berlin* feiert gern, aber in Berlin wird auch Geschäft gemacht – und zwar internationales Geschäft.» (Der Tagesspiegel)

[<https://www.dwds.de/r/?corpus=tsp&q=Berlin%20feiert>] (Берлин любить празднества, но в нем есть и бизнес, международный бизнес.) (Перевод наш – В.Т.)

- (22) «*Auch Berlin* feiert mit bei der großen Geldverschwendungsparty.» (Der Tagesspiegel)

[<https://www.dwds.de/r/?corpus=tsp&q=Berlin%20feiert>] (Берлин тоже празднует, причем с большими расходами.) (Перевод наш – В.Т.)

Метонимическое употребление имени *Berlin* в значении «жители Берлина» сопровождается персонификацией, значение «жители Берлина» не замещает значение «город Берлин» полностью, эти две семантики сливаются воедино, что приводит к «оживлению» неодушевленного образа города, добавляя в его концептуальное содержание сему «живой», «субъект действия».

Распространенным случаем использования астионима в переносном значении является употребление имени столицы государства (или иного административного формирования – федеральной земли, штата, автономной республики и т. п.) в значении «правительство страны» – известный прием метонимии, обозначаемый как замена одного имени другим на основе пространственных отношений между референтами имен или отношений включенности. Следующие примеры демонстрируют это.

- (23) «*Der von Berlin* geforderte Tausch gegen Euro komme nicht in Frage, da dies die Stabilität des gesamten deutschen Währungssystems gefährden würde.» (Der Tagesspiegel)

[<https://www.dwds.de/r/?corpus=tsp&q=Berlin>] (О требуемом Берлином обмене на евро не может быть и речи, т.к. это пошатнуло

бы стабильность всей немецкой денежной системы.) (Перевод наш – В.Т.)

(24) «*Sollte dann tatsächlich noch der Bund, wie von **Berlin** gefordert, mit etlichen Milliarden helfen, gibt es allen Ernstes eine Perspektive auf ein Leben nach der Totalpleite.*» (Berliner Zeitung) [<https://www.dwds.de/r/?corpus=bz&q=Berlin%20fordert>] (Если Федерация, как требует Берлин, действительно поможет несколькими миллиардами, то у нас на полном серьезе будет шанс на жизнь после тотального банкротства.) (Перевод наш – В.Т.)

(25) «*Die EU-Kommission hatte von **Berlin** gefordert, im kommenden Jahr rund sechs Milliarden Euro zusätzlich einzusparen, damit die Verschuldung unter der Marke von drei Prozent des Bruttoinlandsproduktes bleibt.*» (Der Tagesspiegel) [<https://www.dwds.de/r/?corpus=tsp&q=Berlin%20fordert>] (Еврокомиссия потребовала от Берлина сэкономить в следующем году ровно шесть миллиардом евро, чтобы долг оставался в рамках трех процентов от внутреннего валового продукта.) (Перевод наш – В.Т.)

В высказываниях (23), (24), (25) имя *Berlin* употребляется в значении «правительство Германии». Использование названия столицы страны в значении «правительство страны» так же, как и в предыдущем случае («город» – «жители города»), лишено экспрессивности и оценочности, свойственных «живой» образности. Тем не менее, механизм метонимизации и связанная с ним семантическая трансформация имеют большое влияние на процесс формирования семантического и прагматического пространства топонима. Концепт *Berlin* в ЯКМ немцев получает в результате дополнительные характеристики, которые можно было бы условно обозначить, как ‘Берлин – правящий’, ‘Берлин – решающий’, ‘Берлин – несущий ответственность’ и т.п.

В обоих случаях речь идет об узуальном употреблении топонима *Berlin* в переносном (метонимическом) значении. Оно известно всем носителям языка, несмотря на отсутствие его фиксации в словаре.

Как показал анализ высказываний корпуса Берлинско-Бранденбургской Академии наук DWDS, *Berlin* в метафорическом значении (в отличие от его метонимических значений) является результатом не узуального, а окказионального употребления этого имени собственного, которое встречается в единичных контекстах. Тем не менее, тот факт, что большинство из отобранных нами (методом сплошной выборки) высказываний, представлены в ведущих газетах Германии – *Berliner Zeitung* и *Der Tagesspiegel*, говорит о доступности метафорического употребления имени *Berlin* для понимания носителей языка.

Рассмотрим в качестве примера несколько высказываний.

- (26) «*Es gibt Charaktereigenschaften, die mit der Stadt **Berlin** in Beziehung gesetzt werden, beispielsweise ist Lanner „einfach zu höflich für diese Stadt“ und Erwin Machallik ebenso laut wie Berlin sowie ebenso „leutselig und ausgestattet mit einem durch nichts zu erschütternden Größenwahn“*». (Gegenwartskorpora mit freiem Zugang) [<https://www.dwds.de/r/?corpus=dwdsxl&q=laut%20wie%20Berlin>] (Есть черты характера, которые коррелируют с городом Берлином, например, Ланнер «слишком вежлив для этого города», а Эрвин Махалик такой же громкий, как Берлин, и такой же «общительный и снабженный ничем непоколебимой манией величия».) (Перевод наш – В.Т.)
- (27) «*Mein Berlin fühlt sich spannend an.*» (*Der Tagesspiegel*) [<https://www.dwds.de/r/?corpus=tsp&q=mein%20Berlin>] (Мой Берлин ощущается напряженным.) (Перевод наш – В.Т.)
- (28) «*Weil man hier die Stadt spürt. Den heißen Atem Berlins. Aber dazu gehört auch die Szene. Inklusive Punkschuppen, Konzerthallen, Musikklubs. Aber sowas gibt es wohl nicht im noblen Dorf.*» (Gegenwartskorpora mit

freiem Zugang)

[<https://www.dwds.de/r/?corpus=dwdsxl&q=Atem%20Berlin>]. (А потому, что здесь чувствуешь Берлин. Горячее дыхание Берлина. Но это еще и вся сцена. Включая панк-клубы, концертные залы, музыкальные клубы. Ведь этого всего не найдешь в благородной деревне.) (Перевод наш – В.Т.)

(29) «*Die Erinnerung an die Mauer, gebaut und gefallen, gehört zur Seele Berlins und zum kollektiven Gedächtnis unseres Landes.*»

(Gegenwartskorpora mit freiem Zugang)

[<https://www.dwds.de/r/?corpus=dwdsxl&q=Seele%20Berlin>]

(Воспоминания о Стене, возведенной и снесенной, - это часть души Берлина и коллективной памяти нашей страны.) (Перевод наш – В.Т.)

(30) «*Er besäuft sich mit Wehmut an seiner unmöglichen Liebe Berlin.*»

(Der Tagesspiegel) [<https://www.dwds.de/r/?corpus=tsp&q=Liebe%>] (Он

напивался, обуреваемый тоской, от своей невозможной любви по имени Берлин.) (Перевод наш – В.Т.)

(31) «*Du bist mein eigenes Berlin* <...>» [<https://genius.com/Gloria-deu-eigenes-berlin-radio-edit-lyrics>] (Ты мой собственный Берлин.)

(Перевод наш – В.Т.)

В большинстве из приведенных выше высказываний (26 – 30) метафорическое употребление топонима *Berlin* актуализирует смысл «Берлин – живое существо, живой организм», т.е. «оживляет» Берлин, как и в метонимическом употреблении. В каждом отдельном случае этот обобщенный смысл конкретизируются за счет указания на специфические свойства, качества Берлина.

Так, в (26) качества характера героев популярной немецкой криминальной комедии «*Der König von Berlin*», снятой по одноименному роману Хорста Эверса, Ланнер и Эрвин Махалик сравниваются с качествами Берлина. Здесь проводится некая параллель. Наделение города качествами характера человека – известный прием олицетворения. Интересным является

также и то, какими человеческими качествами характера наделяется Берлин. Берлин шумлив, не очень вежлив, хотя приветлив и снабжен ничем непоколебимой манией величия – это те характеристики Берлина (его жителей), которые стали уже постоянными в представлении немцев.

Глагольная метафора *Berlin fühlt sich <...> an* в (27) и двойные метафоры *der heiße Atem Berlins, die Seele Berlins, Liebe Berlin* в (28, 29 и 30) также актуализируют смысл «Берлин – живое существо», при этом в высказывании (28) данный смысл конкретизируется указанием на то, что делает его дыхание горячим (панк-клубы, концертные залы, музыкальные клубы) – то, что никак не связано с образом «ein nobles Dorf».

В (31) приведена цитата из популярной немецкой песни в исполнении группы «Gloria», под названием «Eigenes Berlin» [<https://genius.com/Gloria-deu-eigenes-berlin-radio-edit-lyrics>]. «*Du bist mein eigenes Berlin*» – метафора, которой обозначается девушка лирического героя. Содержание песни позволяет определить признаки, составившие основу метафоризации – ‘значимость’, ‘огромный мир’, ‘честность’, ‘дистанцированность’, ‘отсутствие злого умысла’².

Проиллюстрируем далее использование в функции вторичной номинации топонима *Rhein*.

(32) «*Die Lorelei und **der Rhein** können nichts dafür, dass sie unzählige Male als Ziele romantischer Sehnsucht beschrieben und gemalt wurden, dass sie zudem als politische Sinnbilder missbraucht wurden.*» (Berliner Zeitung, 12.05.2001.) [<https://www.dwds.de/r/?corpus=bz&q=Rhein>] (Лорелей и Рейн не виноваты в том, что бесконечное число раз становились объектами романтического описания и что ими злоупотребляли как политическими символами.) (Перевод наш – В.Т.)

² «*Du hast eigentlich nicht gewartet auf mich Und warst so ehrlich
Vielleicht zu ehrlich für mich*

<...>

*Ich bin eigentlich nicht so wütend auf dich
Du machst das alles nicht mit Absicht»*

- (33) «*Wie krank ist **unser Rhein?***» (Deutscher Bundestag & Drucksache Nr. 09./692 vom 24.07.1981) [<https://www.dwds.de/r/?corpus=dwdsxl&q=Rhein>] (Насколько же болен наш Берлин?) (Перевод наш – В.Т.)
- (34) «*Ich muss mich wenden, / Muss nun mein Singen enden, / Gut Nacht! **Mein Rhein!***» (Clemens Brentano – Leben und Werk. Blog von Felix Neuman, 2012.02.03.) [<https://www.dwds.de/r/?corpus=blogs&q=Rhein>] (Мне нужно уходить, / И закончить мое пение, / Спокойной ночи! Мой Рейн!) (Перевод наш – В.Т.)
- (35) «*Vater Rhein übergibt seiner Tochter, der Mosel, das Wächterhorn*» (Niederwalddenkmal- In: die freie Enzyklopädie. 04.06.2024) [<https://www.dwds.de/r/?corpus=dwdsxl&q=Rhein>] (Батюшка Рейн передает своей дочери, Мозель, рожок.) (Перевод наш – В.Т.)
- (36) «*Mit letzter Kraft und vom Vater Rhein – einem „gar ehrwürdigen großen and starken Greis“ mit langem grünen Schilfbart – unterstützt, rettet er Ameley.*» (Die Märchen vom Rhein. In: Die freie Enzyklopädie- 04.08.2022.) [<https://www.dwds.de/r/?corpus=dwdsxl&q=Rhein>] (Из последних сил он, поддерживаемый батюшкой Рейном – «почтенным огромным старцем» с длинной зеленой камышовой бородой – спасает Эмели.) (Перевод наш – В.Т.)
- (37) «*Vater Rhein hat einen bunten Migrationshintergrund.*» (Rede von Malu Greyer, 03.10 2017.) [<https://www.dwds.de/r/?corpus=dwdsxl&q=Rhein>] (У батюшки Рейна пестрое иммиграционное прошлое.) (Перевод наш – В.Т.)
- (38) «*Auch dann nicht, wenn der Rhein permanent den Fluss der Zeit symbolisiert*» (Der Tagesspiegel, 29.12.2004) [<https://www.dwds.de/r/?corpus=tsp&q=Rhein>] (И даже если Рейн постоянно символизирует поток времени, то и тогда – нет.) (Перевод наш – В.Т.)

В (32) на основе приема олицетворения река Рейн приобретает образ живого существа. Высказывание интересно также тем, что указывает на два противоположных в своей оценке представления: романтический образ Рейна и использование (в высказывании – злоупотребление) его как политического символа.

В (33) смысл высказывания, как и в (16), заключается в проблемной экологической ситуации реки. Но здесь этот смысл выражен в образной форме: метафорический предикат *krank* придает Рейну образ живого существа. Это же происходит и в (34) – строках из произведения Клеменса Брентано – через обращение к Рейну и пожелание ему спокойной ночи.

Романтический образ Рейна, представленный в легендах, мифах и произведениях немецких романтиков, является широко известным в немецком народе. Овеянный мифами и легендами, Рейн на протяжении многих веков олицетворял некий идеал природного ландшафта и одновременно был общепринятым символом немецкой культуры и увенчался гордым наименованием «Батюшка Рейн», которое приобрело идеологическую составляющую.

Vater Rhein – выражение, возникшее изначально в текстах легенд и мифах, получило свое дальнейшее распространение в немецком языке как одно из поэтических наименований Рейна. Семантика имени *Vater* актуализирует в метафорическом образе такую сему, как ‘самый главный человек в становлении личности’, а в семантике концепта (концептуальном содержании) – признак ‘самый главный объект/ фактор в становлении нации’.

Высказывания (35), (36), (37) содержат выражение *Vater Rhein*. В (35) и (36) оно обозначает мифологическую фигуру, в (37) – реальную реку.

В высказывании (37) олицетворение осуществляется не только с помощью фразеологизма *Vater Rhein*, но и всего высказывания целиком. Высказывание принадлежит речи Малу Дрейер, президента Бундесрата и премьер-министра земли Райнланд-Пфальц, на праздновании Дня объединения Германии 3 октября 2017 года в г. Майнц [<https://www.bundesregierung.de/breg->

de/service/newsletter-und-abos/bulletin/ansprache-der-praesidentin-des-bundesrates-und-ministerpraesidentin-von-rheinland-pfalz-malu-dreyer--805914].

Говоря о значимости исторического для немецкого народа события – объединения Германия, оратор указывает в своей речи и на сегодняшние сложности. Объединение, по ее мнению, продолжается и очень значимо в контексте мультинациональной ситуации, сложившейся в стране, интеграции иностранных граждан Германии и сплочения народа Германии. Говорящий использует в своей речи образ «бабушки Рейна», столь знакомый и родной жителям земли Райнланд-Пфальц, и «оживляет» его в новом контексте. Выражение *Migrationshintergrund* является частью термина «Menschen / Bürger mit Migrationshintergrund», который обозначает жителей Германии, являющихся детьми или внуками иммигрантов (ср. в словаре Дуден: «familiärer Hintergrund (2), Kind bzw. Enkelkind von Migranten zu sein» [<https://www.duden.de/rechtschreibung/Migrationshintergrund>]). Использование его по отношению к реке Рейн обуславливает, с одной стороны, появление метонимического значения – «жители на берегах Рейна», а с другой, – к оживлению уже несколько стершегося образа бабушки Рейна.

В (38) указывается на еще один вариант символизации реки Рейн – *Fluss der Zeit* (река времени/ поток времени / вечный поток).

Berlin как топоним немецкого языка, обозначающий один из важнейших географических объектов, реализует в речи многочисленные аспекты своей семантики (семантические признаки): ‘географическое местоположение’, ‘административный статус’, ‘правительство Германии’, ‘жители города’, ‘город искусства, культуры, моды’, ‘любимец литераторов’, ‘город интеллектуалов’, ‘живой организм’, ‘честный’, ‘дружелюбный, но сохраняющий дистанцию’, ‘скорее дерзкий, нежели вежливый’, ‘горячо любимый’, ‘шумный и активный’, ‘без снобизма и пафоса’. Эти и другие семантические признаки составляют в итоге содержание концепта BERLIN и совокупное представление (совокупный образ) этого города в национальной картине мира немецкого народа.

Узуальные употребления топонима *Rhein* актуализируют такие признаки объекта номинации как ‘река Западной Европы’, ‘судоходная река’, ‘воды реки’, ‘место для проживания и расположения городов и населенных пунктов’, ‘экологически неблагоприятная’, ‘исторически значимый объект’, ‘живой организм’, а также его символизацию как батюшки Рейна и потока времени (вечного потока).

Данные примеры показывают в то же время, что расширение семантики обеспечивает топонимам возможность выполнять в языке наряду с адресной функцией (функцией указания на географический объект) также информативную / фоновую функцию (указания на исторические, культурные, мифологические особенности объекта) и прагматические по своей сути функции – оценочно-характеризующую, эмотивную, эстетическую и др.: они «служат уже не для называния географического объекта путем выделения его из ряда подобных, а для характеристики, оценки объекта, причисления его к определенному ряду денотатов [Беляев 2017: 6]. Это определяется тем, что «топонимические дериваты кардинально отличаются по семантике от исходных единиц, поскольку произошли изменения на понятийной шкале и денотативной соотнесенности» [там же].

Регулярно повторяющаяся в различных коммуникативно-прагматических контекстах актуализация тех или иных характеристик объекта приводит к закреплению соответствующих семантических элементов в семантике топонима. В результате за топонимом закрепляется узуальное представление об объекте номинации, включающее определенный набор признаков и характеристик. Данное представление актуализируется в сознании носителей языка при любом употреблении топонима вне зависимости от того, знакомы ли они в реальности с данным объектом и с его конкретными характеристиками или нет. Иначе говоря, речь идет об определенном фрагменте *языковой картины мира* и ее влиянии: язык, в данном случае языковой знак (топоним), формирует некоторое представление об объекте реальной действительности. Особенностью этого представления

является то, что оно есть одновременно и представление места, и представление объекта (предмета). Иными словами, топонимическая единица рождает не только представление «ГДЕ ЭТО», но и представление «ЧТО ЭТО». В итоге топоним становится знаком некоторого содержания, смысла, знания о фрагменте реальной действительности – знании, которое формирует представление о пространстве. В этом и заключается сущность топонима быть знаком пространственного кода культуры и отражать специфическое его представление в ЯКМ.

Процесс образования от монореферентных онимов вторичных наименований, получающих в результате их частотного употребления статус узувальных, ведет часто к образованию прецедентного имени. Изучение семантики топонимов *Berlin* и *Rhein*, позволяет говорить о прецедентном их статусе в языковой картине мира немцев.

Оним становится прецедентным именем, когда обозначает не тот объект, для которого создан в языке, а совершенно другой объект или предмет, или лицо, используясь, как правило, в *символическом значении*. По определению Д.Б. Гудкова, речь в данном случае идет об именах собственных, которые употребляются «в качестве своеобразного культурного знака, символа определенных качеств, свойств» [Гудков 2003].

Символизация является неотъемлемым процессом и условием прецедентного статуса ИС. Прецедентное имя, как и прецедентный текст, приобретают свою значимость не только в языке (как частотные в употреблении), но и в культуре – как несущие символическое значение. Это подтверждает основные характеристики прецедентного текста, данные Ю.Н. Карауловым. В ней выделяются такие признаки, как «значимость в познавательном и эмоциональном отношении», «сверхличностный характер», неоднократное возобновление в дискурсе [Караулов 1987: 216].

Символизация заключается в том, что топоним становится словом-символом и как таковое представляет собой, используя образное сравнение В.А. Масловой, спираль, «включающую в себя широкий спектр значений,

начиная от имплицитных (скрытых, потенциальных), т.е. никак не выраженных в слове, но являющихся неотъемлемой его частью, и кончая шкалой семантических субститутов (заместителей), т.е. запрограммированной заменой одного значения другим» [Маслова 2004: 136].

Выявление специфики содержания концептов *Berlin, Leipzig, Rhein*, предпринятое на основе анализа употреблений соответствующих топонимов в современном немецком языке, позволяет говорить об их яркой национально-культурной маркированности. Концепт топонима есть «отражение в сознании человека познаваемого географического объекта на собственно языковом и протOVERбальном уровне» [Беляев 2017: 6]. Это отражение всегда несет национальный колорит, который «представляет иерархию ценностей по степени их актуальности» [там же: 33]. В этой связи топоним следует рассматривать как «свернутый лингвокультурный текст», имплицативные отношения в котором между топонимом и лингвокультурным смыслом свидетельствуют о выполнении топонимом знаковой функции не только в отношении географического объекта, но и шире – культурного кода.

Выводы по главе 2

Топонимическая система немецкого языка отражает особенностями своей структуры и содержания влияние совокупности факторов, определяющих становление и развитие национальной культуры: исторических, экономических, религиозных, природно-географических, в том числе и факторов развития языковой системы.

Топонимы немецкого языка, как и топонимы вообще, обладают самостоятельным лексическим значением, которое является специфичным, проявляющим ряд отличий от лексического значения апеллятивов. К этим особенностям относятся:

- монореферентность топонимов, что определяет референциальную прозрачность их денотатов, составляющих ядро семантики – обозначение единственного объекта действительности;

- отнесенность сигнификативного (индивидуализирующие признаки обозначаемого объекта) и коннотативного (прагматического) компонентов к периферии семантической структуры топонима;

- обусловленность объема периферии семантики топонима экстралингвистическими факторами: географическим положением, значимостью в культуре народа, историческими событиями, связью с мифологическими, религиозными и литературными источниками и др.

Значение топонима представляет собой сложную семантическую структуру, динамично развивающуюся и состоящую из семантических элементов, являющихся результатом познания человеком обозначаемого географического объекта и интерпретации этого знания в ценностном аспекте.

Условием развития семантики топонима за счет новых семантических элементов является представленность последних в семантической структуре топонимического концепта.

Топонимические концепты немецкой языковой картины мира обладают ярко выраженной национально-культурной маркированностью, заключающейся в свойственных немцам особенностях представления географических объектов. Последние выявляются на языковом уровне, в узуальном употреблении топонимов как при реализации основного (номинативного) значения, так и при актуализации фоновой семантики.

Особенностью топонимических концептов, наиболее значимых в ЯКМ немцев, является наличие в их семантике наряду с элементами «исторической жизни объекта» элементов, отражающих восприятие соответствующих географических объектов как живых существ, значимые для немцев черты характера человека, а также их мифологизацию.

Представленность в семантической структуре топонима различных признаков, отражающих свойства и характеристики объекта номинации, становится основой образования оттопонимических имен – языковых единиц, получающих новое значение в результате процесса семантической деривации или словообразовательных процессов. Процессы вторичной номинации

(использование топонимов в метонимическом и метафорическом значении ведут к символизации топонима и превращению его в прецедентное имя в языковой картине мира немцев. К процессу символизации топонима относится и его вхождение в состав фразеологических единиц.

Расширение семантики топонимов за счет экстралингвистической информации влечет за собой расширение их функционального потенциала и обеспечивает им возможность выполнения кроме адресной также ряд других функций: характеризующей, оценочной, эмотивной, поэтической и др. Данное обстоятельство предопределяет статус топонима служить знаком как культурного кода пространства, так и аксиологического кода культуры.

Глава 3. Реализация идиоматического потенциала топонимов во фразеологии

3.1 Семантическая трансформация топонимов: краткая характеристика

В многочисленных исследованиях, посвященных изучению топонимической семантики (подробный анализ представлен в главе 2), установлено, что семантика топонима определяется не столько его отношением к обозначаемому им географическому объекту, сколько к образу этого объекта в сознании человека – члена лингвокультурного сообщества. Анализ семантики топонимов и топонимических концептов (см. п. 2.3.2 и 2.4) также позволяет сделать вывод о том, что чем значимее географический объект в жизни народа, тем больший объем фоновых знаний фиксирует топоним, что в итоге ведет к увеличению значимости соответствующего концепта в языковой картине мира. Семантика такого топонимического концепта представляет собой развитую сеть семантических признаков, отражающих характеристики географического объекта самого разного плана – исторического, политического, экономического, бытового, культурного. Все эти характеристики являются важными для носителей языка, именно поэтому они и получают свою фиксацию в семантической структуре топонима в виде фоновой информации³. Их актуализация зависит от коммуникативного контекста и от номинативных потребностей носителей языка. Все это определяет активное использование топонимов как в функции характеристики самого объекта номинации, так и с целью выражения оценочно-эмоционального отношения говорящего к предмету речи.

Географические объекты, значимые в жизнедеятельности человека, в исторических, экономических, культурных, бытовых и иного рода событиях, локализуются в сознании человека как семантически насыщенные представления и приобретают в итоге в этом пространстве символическое

³ В отличие от коннотативного компонента семантики, включающего оценочные и эмотивные семантические признаки, фоновая семантика содержит семантические элементы, отражающие сущностные свойства объекта номинации (величина, возраст, место в экономике, политике государства), а также его историческое развитие. Данные элементы, закрепляемые в структуре имени, становятся основой оценочной и эмотивной семантики.

значение: «Все существующее в мире приобретает в процессе освоения и познания семиотический смысл, который возникает из небуквальных смыслов вещей» [Ковшова 2009: 27]. Став символами, географические объекты приобретают знаковость мира идеального. Любая реалья, приобретая особый смысл и значение, становится элементом культуры и начинает служить знаком этого смысла и культурного значения, т.е. становится символом. Данная «трансляция из мира материального в мир идеальный» [Кубрякова 2005: 96] осуществляется в том числе и через язык (наряду с искусством, мифологией, религией), с помощью языковых единиц – имен данных объектов. Имена объектов, имеющих символическое значение в культуре, становятся символьными знаками, поскольку закрепляют и хранят в себе все смыслы, которыми культура наделила данные объекты.

Топонимы являются яркими примерами приобретения символьной функции в результате прямой связи между реальией – символом и ее (реалии) именем.

Процессы семантической деривации и следующая за ними (возможная) символизация топонима определяют наличие идиоматического потенциала топонима – возможность его употребления в составе фразеологизма. Собственно, участие топонимов в процессах фразеологизации также является проявлением их символизации, их символьного значения, их перехода в статус прецедентного имени

Попадая во фразеологизм в качестве его компонента, топоним, встраиваясь в структуру и семантику выражения, инкорпорирует свою семантику, свои культурные смыслы в семантическую структуру фразеологизма. Фразеологизмы, содержащие имена символов, в ходе своего функционирования в языке «развивают в семантике символьный компонент, т.е. передают идею с присущим ей ценностным содержанием» [Ковшова 2008: 27]. Именно в смысле этой идеи Ю. М. Лотман писал о символах, осуществляющих «память культуры о себе» [Лотман 1999: 148].

ФЕ являются яркими иллюстрациями данного положения. Интерпретация их семантики через образ, положенный в основу, позволяет декодировать как содержание ценности, ради выражения которой и формируется ФЕ, так и национально специфические формы ее представления в сознании носителей языка. Специфика последних проявляется как в используемой образности, так и в эмоционально-стилистических маркерах (ироничность, сарказм, поэтичность, фамильярность и т. п.).

Изучение топокомпонентов в составе ФЕ и устойчивых словосочетаний неизбежно связано с выявлением национально-культурной специфики последних и с использованием лингвокультурологического подхода: топонимический компонент, как показало исследование, всегда актуализирует национально-культурную семантику фразеологизма, за исключением тех топокомпонентов, которые в составе ФЕ потеряли свою связь с топонимическим значением.

Следует отметить, что фразеологические единицы с компонентом-онимом занимают значительное место во фразеологическом фонде любого языка и активно исследуются лингвистами-учеными. Так, проблемами ономастической фразеологии русского языка занимались такие ученые как А.Ф. Артемова [Артемова 2014], В.Д. Бояркин [Бояркин 1987], В.М. Мокиенко [Мокиенко 1980], И.В. Селиванова [Селиванова 2000], Ф.Ф. Фархутдинова [Фархутдинова 2000], английского – Т.В. Лиховидова [Лиховидова 1971], Г.П. Манушкина [Манушкина 1973], Е.В. Сафронова [Сафронова 1997], М.П. Тарасевич [Тарасевич 1985], А.В. Уразметова [Уразметова 2006].

Изучение имен собственных в составе фразеологических единиц является активно развивающимся направлением современной антропологически ориентированной германистики и представлено в работах Е.Ф. Кудиной [Кудина 1982], В.В. Ловянниковой [Ловянникова 2008], Н.В. Муравлевой [Муравлева 1997], Р.И. Охштат [Охштат 1976], Ю.А. Фирсовой [Фирсова 2002].

Значительный вклад в изучение фразеологизмов с лингвокультурологических позиций внесла В. Н. Телия. Ею разработан метод лингвокультурологического комментария, в котором она выделила два уровня:

1) обычный – комментарий, который не требует от рядового носителя языка специальных навыков и основан на минимальном объеме знаний;

2) глубокий – комментарий, который соотносит смысл с такими специальными терминами как «метафора», «эталон», «стереотип», «символ» и др., данный комментарий предполагает дополнительные сведения из области культуры, языка, истории [Телия 1999].

Метод лингвокультурологического комментария является одним из главных в настоящем исследовании, используемым с целью объяснения роли топонима в формировании фразеологического значения.

Следует еще раз подчеркнуть, что в настоящем исследовании представлено широкое понимание фразеологического фонда, согласно которому предметом изучения фразеологии являются любые устойчивые словесные комплексы (словосочетания и предложения): и те, значение которых формируется из значений компонентов их составляющих, и те, значение которых не является суммой значений входящих в состав фразеологизма слов (см., например, работы В. Л. Архангельского, Л. А. Булаховский, Б. А. Ларина, С. И. Ожегова, А. Г. Руднева И. И. Чернышевой, Н. М. Шанского, С. Г. Шулежковой). Использование этого понимания в настоящем исследовании обусловлено стоящими перед ним задачами – изучить семантические изменения топонимов в составе устойчивых словосочетаний, различных по степени идиоматизации. Вследствие этого в исследовательский корпус вошли как словокомплексы, значение которых не мотивировано значениями слов-компонентов, т.е. фразеологические единицы в узком понимании термина – «устойчивые сочетания слов с полностью или частично переосмысленным значением» [Кунин 1970: 210], так и устойчивые словокомплексы (большой частью,

предикативные конструкции, т.е. предложения), смысл которых формируется на основе прямых значений входящих в их состав лексических единиц.

Проведенное исследование было направлено на решение двух задач: 1) на выявление идиоматического потенциала топокомпонентов, их влияния на процессы фразеологизации и идиоматизации; 2) на изучение топонимических фразеологизмов как знаков культурного кода и определение их специфики фиксировать культурную информацию определенного содержания.

3.2 Степень идиоматизации топонимов в составе фразеологизмов

Данный этап исследования основывался на анализе семантики топокомпонентов на предмет трансформации, которой они были (не были) подвергнуты в результате вхождения в устойчивый словокомплекс. Результаты этого анализа позволили разделить все единицы исследовательского корпуса на три группы.

В первую группу вошли устойчивые выражения идиоматического и неидиоматического характера, топокомпонент в которых не претерпел семантической трансформации, т.е. *сохранил свое прямое значение*.

Вторую группу составили фразеологизмы (устойчивые словокомплексы с переосмысленным значением), топонимический компонент которых *подвергся семантической трансформации* в результате «встраивания» в общую семантику ФЕ.

Третью группу составили фразеологические единицы (идиомы), в которых топонимический компонент употребляется в его *дословном прочтении*, в том, которое мотивирует его внутренняя форма.

3.2.1 Фразеологизмы с топокомпонентом в прямом значении

Эту группу составили устойчивые словокомплексы идиоматического и неидиоматического характера, топокомпонент в которых сохраняет свое

прямое значение, т.е. свою отнесенность к конкретному географическому объекту. При этом в контексте выражения он актуализирует в первую очередь фоновые знания об объекте номинации, т. е. выполняет характеризующую функцию.

Это самая малочисленная группа (16 единиц). В нее вошли такие выражения, как

- (1)⁴*Aachen ist des deutschen Reiches Haupt.* (Букв.⁵: Аахен – глава немецкой империи (немецкого Рейха).)
- (2)*Das Beste an Augsburg ist der Zug nach München.* (Букв.: Лучшее в Аугсбурге – поезд на Мюнхен.)
- (3)*Das schönste an Bremen ist die Autobahn nach Hamburg.* (Букв.: Лучшее в Бремене – автомагистраль на Гамбург.)
- (4)*Berlin ist doch kein Dorf.* (Берлин – это не деревня.)
- (5)*Du bist verrückt, mein Kind, du musst nach Berlin.* (Букв.: Ты сошел с ума, мой милый, тебе в Берлин.)
- (6)*Das macht die Berliner Luft.* (Букв.:Это все воздух Берлина.)
- (7)*einen Koffer in Berlin haben* (букв.: иметь чемодан в Берлине)
- (8)*eine (echte) Berliner Pflanze sein* (букв.: быть настоящим берлинским растением)
- (9)*eine Berliner Schnauze haben* (букв.: иметь берлинскую морду)
- (10) *Frankfurter Würstchen* (букв.: франкфуртские сосиски)
- (11) *In der großen Seestadt Leipzig.* (Букв.: В большом морском городе Лейпциге.)
- (12) *Vater Rhein* (букв.: батюшка Рейн)

⁴ Новая нумерация примеров обусловлена отдельным от предыдущего материалом исследования – фразеологизмами немецкого языка с топокомпонентом и классификационными задачами – описанием единиц в рамках отдельной группы классификации.

⁵ Во всех примерах здесь и далее дано буквальное значение выражения, которое необходимо для установления степени произошедшей семантической трансформации (идиоматизации). Фразеологическое значение дается в описании семантики каждого отдельного выражения.

В структурном отношении большая часть единиц этой группы представляет собой предикативные единицы, т.е. предложения. Встречаются также и словосочетания (см. выражения (7) – (11)).

Общим для единиц этой группы является то обстоятельство, что топонимы в составе устойчивого словокомплекса не подверглись значительной семантической трансформации, а сохранили связь со своим денотатом. Тем не менее, употребление топонима в составе устойчивого выражения служит иной цели, нежели его употребление в адресной функции в свободных словосочетаниях и предложениях. Эта цель связана с актуализацией определенного рода знаний об объекте номинации.

Так, в (1) топоним *Aachen* актуализирует сему значимости города в культурной истории страны, а все выражение отсылает к *историческим знаниям*, а именно к периоду (конец раннего Средневековья), когда в Аахене происходила коронация императора (9 век), а затем и немецких королей, что символически причисляло последних к сонму римских правителей. Надо сказать, что данная информация в силу своей удаленности во времени актуализируется, скорее всего, далеко не у всех носителей немецкого языка. О том, что речь идет о временах империи, говорит соответствующее словосочетание *des deutschen Reiches*, но не более того. Само по себе выражение, являясь устойчивым, относится уже к устаревшим и малоупотребительным, о чем свидетельствует его упоминание только в двух случаях исторического корпуса Берлинско-Бранденбургской Академии наук [x\[https://www.dwds.de/r/?corpus=dtaxl&q=Aachen%20ist%20des%20deutschen%20Reiches%20Haupt\]](https://www.dwds.de/r/?corpus=dtaxl&q=Aachen%20ist%20des%20deutschen%20Reiches%20Haupt) и в немецком лексиконе пословиц (Deutsches Sprichwörter Lexikon) на сайте [de.academic.com \[https://proverbs_de.de-academic.com/2/Aachen\]](https://proverbs_de.de-academic.com/2/Aachen).

Особенностью употребления топонимов (собственных имен городов) во фразеологических выражениях является тот факт, что они, обозначая конкретные города, «высвечивают» отдельные характеристики называемого объекта, связанные с самыми разными аспектами его существования и

актуализируемые контекстом выражения. Это становится возможным благодаря наличию в семантической структуре топонима фоновой семантики – совокупности семантических элементов, фиксирующих знания носителей языка об объекте топонимации в аспекте связанных с ним культурных смыслов. Ярким примером этого являются выражения (2), (3).

В указанных примерах топонимы обозначают конкретные города Германии, но не ради указания на географическое место, а с целью их характеристики. Так, *Augsburg* и *Bremen* актуализируют такую характеристику, как ‘небольшой город’, *München* и *Hamburg*, напротив, – ‘город-метрополия’. Следует отметить стилевую маркированность этих выражений, которая связана с выражением иронического отношения к Аугсбургу и Бремену за счет использования литоты. Данные выражения относятся к паремиям, семантическая трансформация которых основана на расширении значения: *В Аугсбурге (Бремене) мало достопримечательного*.

В выражениях (4), (5) и (7) употреблен топоним *Berlin*, а в (6), (8) и (9) его производное, оттопонимическое имя *Berliner* в значении «принадлежащий Берлину».

В (4) топоним актуализирует в контексте выражения сему «большой город», которая входит в ядро семантической структуры топонима, в (5) и (6) смысловое наполнение топонима и его производного связано с той характеристикой, которой гордятся все берлинцы и которая раздражает многих жителей других городов, – «взбалмошностью», «нетрадиционностью», эпатажностью и т.п. – тем, что сложно передать одним понятием и что заложено в слове *verrückt* (см., например [<https://www.tagesspiegel.de/berlin/berlin-verandert-das-gehirn-5923717.html>]; <https://dzen.ru/a/YO2vdUVeQlPgRGKI>]).

Следует отметить, что выражения (1) – (5) отличаются тем, что их значение складывается из значений составляющих его единиц, т.е. относятся к неидиоматическим.

Выражения (6) – (9) являются идиоматическими, с частичной идиоматизацией входящих в них компонентов. Переосмысление является частичным, т.к. один из компонентов словосочетания сохраняет свое прямое значение. Этим компонентом является топоним *Berlin* и его производное – *Berliner*.

В (6) существительное *Luft* употреблено в значении «атмосфера, настроение города», которое стало уже узувальным для данной лексемы.

Выражение *einen Koffer in Berlin haben* (7) прецедентно, так как имеет своим источником текст известной песни Марлен Дитрих «Ich hab' noch einen Koffer in Berlin» [<https://genius.com/Marlene-dietrich-ich-hab-noch-einen-koffer-in-berlin-lyrics>], и может считаться синонимом к фразеологизму *sein Herz in ... verloren haben* [Duden, Bd.11: 357]. Сегодня оно стало устойчивым и употребляется в тех ситуациях, когда говорящий хочет вернуться в Берлин, потому что привязан к нему в связи с теми или иными обстоятельствами.

Выражение *eine (echte) Berliner Pflanze* (8) является фразеологической единицей субстантивного типа («substantivische phraseologische Einheiten des Typs b» в классификации И.И. Чернышевой [Stepanova 1986: 185-186]) и имеет значение «настоящая берлинка, девушка берлинской закваски – находчивая и энергичная». Фразеологические единицы этого типа несут оценку и выполняют всегда предикативную функцию. Существительное *Pflanze* употреблено в метафорическом значении и актуализирует сему «та, у которой прочная связь с Берлином». Прилагательное *Berliner* сохраняет свое значение «относящийся к Берлину», но одновременно актуализирует те характеристики, которые присущи жителям Берлина и берлинкам, в частности: дерзость, находчивость, уверенность в себе, независимость и т.п. Переосмысление данного выражения стало возможным благодаря той фоновой информации, которая фиксируется топонимом *Berlin* и его производным *Berliner*. Фоновая семантика имени *Berlin*, как было показано в п. 2.3., отличается большим объемом, что связано со значимостью этого географического объекта и обуславливает прецедентный статус имени. Тем не

менее, контекст выражения сужает варианты актуализации до одного семантического элемента, а устойчивый характер выражения обеспечивает его фиксацию.

Аналогичные процессы наблюдаются в выражении *jmd. hat eine Berliner Schnauze*. Данное словосочетание реализует единое значение «быть дерзким на язык» + «быть настоящим берлинцем». В немецком языке этот фразеологизм используется только по отношению к берлинцам и характеризует их манеру общения и поведения [<https://www.de-einfach.com/chto-takoe-berliner-schnauze>]. Несмотря на идиоматизацию оттопонимическое имя *Berliner* сохраняет свое прямое значение – «относящийся к Берлину, берлинский» [https://www.duden.de/rechtschreibung/Berliner_Adjektiv].

Выражение *Frankfurter Würstchen* (10) имеет в немецком языке два значения. В прямом прочтении им обозначаются сосиски особого рода, которыми славится город Франкфурт. Прямое прочтение здесь является относительным, т.к. словосочетание стало именем собственным для обозначения конкретного продукта. Переосмысление этого словосочетания и употребление его в значении «жители Франкфурта» было предопределено наличием у существительного *Würstchen* метафорического значения, которое зафиксировано словарями: «armseliger, unbedeutender Mensch» (жалкий, незначимый человек) [<https://www.duden.de/rechtschreibung/Wuerstchen>], «unbedeutender, machtloser oder schwacher Mensch, der zu bedauern oder zu verachten ist» (не имеющий значения, слабый человек) [<https://www.dwds.de/wb/Würstchen>]. Это значение дало основание использовать выражение *Frankfurter Würstchen* в переносном значении, которое характеризуется отрицательной оценочностью и эмотивностью и, как следствие, используется для выражения негативного эмоционально-оценочного отношения говорящего. Данное выражение можно отнести к переходным между первой и второй группой, т.к. переосмыслению было подвержено все выражение целиком. Тем не менее, сохранение за

прилагательным *Frankfurter* своего прямого значения – «относящийся к Франкфурту», – дает основание отнести выражение *Frankfurter Würstchen* в обоих своих значениях в первую группу.

Выражения *in der großen Seestadt Leipzig* и *Vater Rhein* были отобраны в исследовательский корпус как устойчивые словосочетания. Их значения анализируются подробно в п. 2.2.2 и 2.3 диссертации в аспекте географической и мифологической информации, которую фиксируют топонимы. И в том, и в другом выражении топокомпоненты употреблены в их прямых значениях и одновременно актуализируют фоновые знания, а именно – ‘отсутствие водоемов вблизи’ у имени *Leipzig* и ‘значимость и величие’ у имени *Rhein*.

Как показало исследование, топонимы в составе устойчивых словосочетаний идиоматического и неидиоматического характера первой группы могут сохранять свое прямое значение, которое в контексте выражения осложняется дополнительной (фоновой) семантикой. Эта семантика связана у носителей языка с обозначаемым объектом и вследствие частой актуализации фиксируются топонимом.

3.2.2 Семантическая трансформация топонимов в составе ФЕ

Вторую группу составили фразеологические единицы, топокомпонент которых употребляется в переосмысленном значении, являясь частью общего идиоматического значения ФЕ. Идиоматичность семантики топонимического компонента понимается в работе как результат ее вхождения в единое значение («*einheitliche Bedeutung*» по И. И. Чернышевой [Stepanova 1986: 181]) фразеологической единицы. Во всех единицах этой группы топонимы являются **компонентами единого комплекса** и в единстве с остальными составляющими реализуют общее фразеологическое значение.

Тем не менее, ФЕ с топокомпонентом проявляют свою специфику и отличаются от аналогичных ФЕ, не имеющих в своем составе топонимический компонент. Отличие это состоит в том, что топокомпонент, несмотря на свою включенность в единое идиоматическое пространство ФЕ, подспудно

актуализирует (однозначно или ассоциативно, в зависимости от известности географического объекта) образ обозначаемой топонимом реалии. Это объясняется особенностью топонимов являться монореферентными именами собственными и проявлять референциальную прозрачность – соотнесенность имени с единственным объектом действительности. Прочность этой связи определяется актуальностью географического объекта в жизнедеятельности лингвокультурного сообщества. Это относится ко всем именам известных географических объектов Германии и других немецкоговорящих регионов. Актуализация образа обозначаемого топокомпонентом географического объекта позволяет говорить об актуализации в топокомпоненте основного значения.

В структурном отношении единицы этой группы представлены как словосочетаниями, так и предикативными единицами.

Данная группа является самой многочисленной и включает в себя 80 ФЕ. Несмотря на наличие общего признака – семантической трансформации топокомпонента, ФЕ этой группы проявляют отличие, которое позволяет разделить их на две подгруппы. Отличие это касается мотивированности (объяснимости) / немотивированности идиоматического значения фразеологизма. На основе этого критерия первую подгруппу составили ФЕ, идиоматизация которых понятна, т.е. идиоматическое значение объяснимо, вторую – ФЕ, объяснение значения которых определяется наличием у носителей языка узкоспециализированных (исторических, мифологических и пр.) знаний.

Рассмотрим семантический «вклад» топокомпонентов в формирование идиоматического значения ФЕ первой подгруппы.

- (1) *Aachen und Köln sind nicht an einem Tag gebaut.* (Букв.: Аахен и Кёльн не за один день построены.)
- (2) *Der Kölner Dom wurde auch nicht an einem Tag gebaut.* (Букв.: Кёльнский Собор был не за один день построен.)

Пословица в (1) является, как известно, вариативной калькой пословицы «*Rim был построен не за один день.*» и имеет свои варианты во многих языках. Идиоматическое значение пословицы формируется на основе метафоризации. Глагол *bauen* («воздвигать, строить») переосмысливается и получает значение «достигать», а топонимы *Aachen* и *Köln* реализуют не свое прямое значение, а обобщенное – «нечто значимое, имеющее большое значение (для говорящего)». В итоге значение ФЕ может быть описано как «Нечто значимое никогда не достигается быстро, а требует долговременных усилий». Реализация этого значения возможна в результате наличия в семантической структуре обоих топонимов семы ‘большой, великий город’ (для немцев). Знание уже только этой характеристики обозначаемых географических объектов достаточно для правильного понимания пословицы. Тем не менее, объяснение ее значения (мотивированность семантики) связано с более глубокими историческими знаниями, что позволяет считать эту ФЕ пограничной между первой и второй подгруппами. Аахен и Кёльн являлись в далеком историческом прошлом Германии городами, в которых проходила коронация императоров и королей и тем самым претендующими на титул «вечного города». Именно этим объясняется выбор этих городов и их имен для создания варианта первоначальной версии «*Rim был построен не за один день.*» Не имея этих знаний, трудно ответить на вопрос, почему именно Аахен и Кёльн, а не Мюнхен и Берлин, например.

То, что это историческое знание со временем перестало актуализироваться как релевантное для понимания и объяснения значения пословицы, доказывает замена топонимов *Aachen* и *Köln* на *Kölner Dom* (см.(2)). Последний не содержит в своей семантической структуре сему ‘город коронации’, а только ‘великое сооружение’, ‘объект исключительной сложности’, ‘долго строящийся объект’ („*eine ewige Baustelle*“).

С актуализацией известных характеристик географических объектов, зафиксированных в семантической структуре топонима, связана реализация идиоматического значения, которое в типизированной форме формулируется

как «бесполезное действие». В этом случае можно говорить о целой серии ФЕ, реализующих это значение.

- (3) *Käse ins **Allgäu** rollen /bringen* (букв.: катить / доставлять сыр в Альгой)
- (4) *Bier nach **München /Dortmund** bringen* (букв.: доставлять пиво в Мюнхен/ Дортмунд)
- (5) *Krawatten nach **Krefeld** tragen* (букв.: нести галстуки в Крефельд)
- (6) *Adler nach **Berlin** tragen* (букв.: нести орла (орлов) в Берлин)
- (7) *Wasser in den **Rhein** / in den **Main** /in die **Elbe** /in die **Spree** tragen /schütten* (букв.: нести воду в Рейн / в Майн/ в Эльбу/ в Шпрее)
- (8) *Wasser zur **Donau** bringen* (букв.: доставлять воду в Дунай)
- (9) *viel Wasser dem **Rhein /Main /Donau /Isar** hinunterfließen* (букв.: сливать много воды в Рейн / Майн / Дунай / Изар)

Во всех названных выше ФЕ топокомпонент содержит семантический признак 'имеющий большое количество некоего вещества/ продукта', которое /который обозначен во ФЕ одним из компонентов: *Käse, Bier, Wasser, Krawatten*. Топонимы, выбранные для реализации идиоматического значения не случайны, т.к. обозначаемые ими географические объекты имеют для немцев символическое значение, которое обусловлено их определенными характеристиками. Так, Альгой является одним из мест, где производится лучший по качеству и удивительный по разнообразию сыр, Мюнхен и Дортмунд славятся своим пивом, Крефельд считается у немцев «галстучной столицей», здесь производится 80% всех галстуков страны, а перечисленные реки считаются глубоководными.

ФЕ (3) – (9) реализуют значение «делать что-либо бессмысленное». Идиоматический характер ФЕ проявляется в том, что ни один из компонентов ФЕ не реализует свое прямое значение. Тем не менее, говорить о полной асемантичности топонимов и в данном случае нельзя. Фразеологическое значение «делать что-либо бессмысленное» рождается на основе образа некоторого действия и тем самым является мотивируемым, объяснимым и

понятным для носителей языка. Этот образ рождается на основе словосочетания «топоним + продукт, находящийся в изобилии в месте, обозначаемым топонимом + действие». В этом контексте топоним реализует не столько свое прямое значение (хотя оно присутствует), сколько лишь некоторую часть своей семантики, связанную с конкретным признаком географического объекта. Этот признак является характерным, поэтому его актуализация и понимание не представляет особых трудностей для носителей немецкого языка. Таким образом, именно топоним является в указанных ФЕ семантическим ядром, вокруг которого формируется идиоматическое значение.

Достаточно широко представлен в процессах идиоматизации топоним *Berlin* и его производные, что объясняется большой значимостью этого города в культуре немецкого народа и, как следствие, расширением семантики топонима и его переходом в статус прецедентного имени (см. п. 2.4).

- (10) *geschminkt wie die **Berliner** Fastnacht* (букв.: накрашенный(ая), как берлинский карнавал)
- (11) *schlau wie ein **Berliner** sein* (букв.: хитрый, как берлинец)
- (12) *jemanden **vollkommen berlinern** / **vollberlinern*** (букв.: «заберлить» кого-либо полностью (заговорить на берлинском диалекте))
- (13) *jemanden **runter berlinern** / **runterberlinern*** (букв.: «заберлить» кого-либо, унижая)
- (14) ***Berlin** bleibt doch **Berlin**.* (Букв.: Берлин остается Берлином.)

Все приведенные ФЕ являются идиоматичными, т. к. реализуют единое фразеологическое значение. Это значение является мотивированным и понятным всем носителям языка и рождается на основе некоторых характеристик Берлина или его жителей, т. е. и в данном случае мы имеем дело с особой ролью топонима в формировании метафорического образа и на его основе – идиоматического значения.

Примеры (10) и (11) являются сравнительными ФЕ, в которых сравнения *wie die Berliner Fastnacht* и *wie ein Berliner* уточняют значение слов *geschminkt* и *schlau* за счет рождаемых образов. В первом случае – это представление о Берлинском карнавале, во втором о жителе Берлина. Берлинский карнавал известен как один из самых больших и чрезмерно шумных, и ярких. Это обстоятельство используется в качестве основы сравнения, а в рамках фразеологического выражения становится основой комического образа (преимущественно) женщины. Значение этой ФЕ едино и может быть описано, как «быть вульгарно накрашенной».

В (11) *Berliner* имеет значение «житель Берлина, берлинец». Его употребление вместе с прилагательным *schlau* мотивировано известным для всех немцев фактом – хитростью берлинцев, которая определяется как их «национальная» черта характера. Идиоматическое значение выражения можно сформулировать, как «быть очень хитрым».

Описание значений приведенных ФЕ как «быть вульгарно накрашенной» и «быть очень хитрым» не может передавать всей полноты и индивидуальности семантики фразеологизма. Эта индивидуальность обусловлена образом, положенным в основу, – образом, рождаемым на основе топонима. В этом заключается своего рода «вклад» указанных оттопонимических имен в формирование идиоматического значения ФЕ.

Глагол *berlinern* представляет собой результат вербализации субстантивированного прилагательного *Berliner* и имеет словарное значение «Berliner Mundart sprechen» (говорить на берлинском диалекте) [<https://www.duden.de/rechtschreibung/berlinern>]. Дальнейшее развитие семантики глагола пошло по пути пейорации. В сочетании с *voll* и *vollkommen* он употребляется в значении «раздражать / замучить хвалебными разговорами о Берлине», а в сочетании с *runter* – в значении «унизить по-берлински (т. е. за счет превозношения Берлина и берлинцев)».

В том, что мотивированность этих выражений определяется существованием в немецкой языковой картине особого образа берлинцев,

сомнений нет. Вопрос в том, какие семантические признаки глагола *berlinern* и топонима *Berlin* мотивировали рождение нового значения. Эти семы относятся к блоку культурного компонента значения, который связан с такими характеристиками жителей Берлина, как упорство /упрямство, дерзость/ наглость, стремление к доминированию, «нарциссизм» по отношению к себе как берлинцу. Именно они составляют ядро этнокультурного представления о берлинцах, которое ярко актуализируется представленными оттопонимическими именами.

Выражение «*Berlin bleibt doch Berlin*» имеет значение «ничего не меняется» и относится к моделируемым образованиям («modellerte Bildungen») в классификации И.И. Чернышевой [Stepanova 1986: 214-215]. Несмотря на типизированный характер семантики (ср. поговорку *Mann bleibt Mann*, слова песни «*München bleibt München*»), основной компонент, используемый в поговорке, вносит значительное дополнение в типизированную семантику. Топоним *Berlin* обозначает не только конкретный город, который стабилен и не меняется, но и город, который не меняется в своих конкретных качествах, в том числе и жителей города. И у каждого посвященного (любого представителя лингвокультурного сообщества) актуализируются параллельно с основным эти конкретные характеристики столицы Германии и ее жителей.

Формирование идиоматического значения может строиться на основе образа некоторого события, являющегося прецедентным в культуре народа. Таким событием является для немцев Лейпцигская ярмарка, играющая большую роль в Германии начиная с XV века. Лейпцигские ярмарки имели не только колоссальное значение для развития торговли, изобиловали товарами, но и способствовали развитию политических отношений. В некоторые периоды их было по три в год, и они длились до нескольких дней. Именно эта характеристика экономического события составляет ядро семантики образа *Leipziger Messe*, который лег в основу формирования идиоматического значения в поговорке «*Das dauert keine Leipziger Messe*». Значение ФЕ может

быть сформулировано, как «Это будет длиться недолго», но, как уже демонстрировалось выше, не исчерпывается этой формулировкой по причине все еще живого и семантически насыщенного образа. В приведенной поговорке он способствует рождению иронической оценки.

Следующие ФЕ имеют в своей структуре топоним *Buxtehude*.

(15) *irgendwo in **Buxtehude** / aus **Buxtehude** sein* (букв.: где-то в Букстенхуде)

(16) *in **Buxtehude**, wo die Hunde mit dem Schwanz bellen* (букв.: Букстенхуде, где собаки хвостами лают)

(17) *Geh nach **Buxtehude** (wo der Pfeffer wächst)!* (Букв.: Иди ты в Букстенхуде!)

(18) *j-n nach **Buxtehude** wünschen* (букв.: послать кого-либо в Букстенхуде)

Особенность этих ФЕ заключается в том, что они находятся на границе между ФЕ с топокомпонентом, значение которых мотивировано и, соответственно, объяснимо, и ФЕ, значение которых трудно объяснимо для носителей языка. Отнесенность к той или другой группе определяется при этом не характеристиками ФЕ, а географической осведомленностью носителей языка.

Букстехуде – это маленький старинный город недалеко от Гамбурга, о существовании которого знают далеко не все немцы [<https://www.urlaubsguru.de/reisemagazin/sprichworte-orte-herkunft/#buxtehude>], даже если им известны пословицы и поговорки с этим географическим именем, указанные выше. Причиной использования топонима *Buxtehude* в указанных ФЕ стало наличие в его семантике признака ‘маленький’, ‘малоизвестный’, ‘неизвестно, где расположенный’ [<https://www.duden.de/suchen/dudenonline/Buxtehude>] (в русском языке в аналогичном значении используются ФЕ «у черта на куличках», «послать в Тьмутаракань»).

Отсутствие в топониме признака, четко идентифицирующего обозначаемый географический объект, ведет к обобщенному представлению о нем, фиксируемому самим топонимом. Результатом этой семантической схематичности становится стирание мотивированности значения ФЕ. Топоним, тем не менее, не является полностью десемантизированным, т.к. вызывает в сознании носителей языка некоторое представление конкретного или вымышленного города.

Как показал проведенный анализ, среди ФЕ с топокомпонентом выделяются фразеологизмы, идиоматическое значение которых формируется на основе образа, фиксируемого топонимом или его производным. Топоним становится компонентом единого фразеологического значения, но при этом сохраняет и реализует в контексте ФЕ некоторую часть своей семантики. Это обстоятельство определяется исключительно осведомленностью (наличием знаний) носителей языка об объекте номинации и определяет статус семантики ФЕ как мотивированной или в противном случае – немотивированной. Субъективный характер данного факта (зависимость от говорящего /слушающего) становится причиной отнесения ФЕ к мотивированным или немотивированным.

Вторую подгруппу в группе ФЕ с топокомпонентом, который, с одной стороны, реализует совместно с другими компонентами единое фразеологическое значение, а с другой сохраняет свою отнесенность к некоторому географическому объекту, составили ФЕ, употребление топокомпонента в которых трудно объяснить.

В большинстве своем ФЕ второй подгруппы формируют идиоматическое значение на основе представления о некотором событии, которое происходило в далеком прошлом или связано со сказаниями, мифами – с информацией, которая неизвестна большинству носителей языка. Отсутствие необходимой информации ведет к формированию схематичного, обобщенного образа события или географического объекта и демотивации, а в итоге к формированию немотивированного идиоматического значения.

Рассмотрим этот процесс на отдельных примерах.

- (19) *In Aachen gekrönt, in Rom verhöhnt.* (Букв.: В Аахане коронован, в Риме осмеян.)
- (20) *jemanden nach Kassel schicken* (букв.: послать кого-либо в Кассель)
- (21) *Ab nach Kassel!* (Букв.: Пошел в Кассель!)
- (22) *wie der Schneider von Ulm sein* (букв.: быть, как портняжка из Ульма)
- (23) *ausgehen wie das Hornberger Schießen* (букв.: закончиться, как стрельба в Хорнбергер)

Приведенные выше ФЕ являются идиомами, поскольку реализуют сегодня единое значение. Употребленный в составе фразеологизма топоним обозначает географический объект – место действия некоторого события. Иными словами, выражение в каждом случае в прямом своем прочтении описывает некую историческую ситуацию. В (19) выражение (в прямом значении) описывает исход борьбы Генриха IV, немецкого короля, с Папой Грегориом VII за получение императорского титула в конце II столетия, в результате которой Генрих IV вынужден был преклонить перед Папой голову и последовать его требованиям, пережив унижение и осмеяние. В (20) и (21) речь идет о ситуации, когда (во второй половине XVIII) немецкие князья продавали своих крепостных крестьян Англии в качестве рекрутов, отсылая их в срочном порядке в Кассель – место сбора и отправки на войну. В (22) упоминается реальный человек, портной из города Ульм по имени Альбрехт Людвиг Берблингер, который изобрел подобие дельтаплана и испробовал его в 1814 году, к сожалению, неудачно упав в Дунай под улюлюканье толпы. События, которые описывает выражение (23), восходят к преданию, якобы имевшему место в реальной истории, а именно торжественной канонаде в городе Хорнбергер в честь прибытия в 1564 году герцога Кристофа Вюртембергского в город. Успех канонады был не более чем комический, так

как жители города по ошибке начинали салютовать каждой подъезжающей к воротам повозке, в результате чего для герцога уже ничего не осталось.

Значимость события в культуре народа приводит к частому употреблению выражения, которое это событие обозначает, и затем к его последующей семантической трансформации – приобретению обобщенного (символического) значения, которое становится впоследствии идиоматическим, превращая все выражение в идиому.

Идиоматические значения указанных выражений можно сформулировать следующим образом.

(19)*In Aachen gekrönt, in Rom verhöhnt* – «Сегодня (здесь) с успехом, завтра (там) в проигрыше» [Essig 2018: 10]

(20)*jemanden nach Kassel schicken* – «избавиться от кого-либо» [Duden. Bd.11: 26]

(21)*Ab nach Kassel!* – «Пошел к черту!» [Duden. Bd.11: 26]

(22)*wie der Schneider von Ulm sein* - «быть романтическим неудачником, потерпеть комичное фиаско»
[<https://www.geo.de/geolino/redewendungen/20825-rtkl-redewendung-wie-der-schneider-von-ulm-sein>]

(23)*ausgehen wie das Hornberger Schießen* – «несмотря на громкое заявление и большие ожидания закончиться без результата, не иметь никаких последствий» [Essig 2018: 26]

Топоним в составе указанных выражений, называя конкретное место действия, реализует лишь один элемент своей семантики – город как место конкретного исторического действия. Иными словами, в основе формирования идиоматического значения лежит образ некоторого места, имя которого вызывает образ некоторого события.

Особенность употребления топонима в приведенных примерах заключается в том, что исторические события, которые описывают выражения в своих прямых прочтениях, лежат в далеком прошлом и не знакомы сегодня большинству носителей языка. Стирание внутренней формы выражения, в

данном случае в результате разрыва связи между топонимом и историческим событием, ведет к демотивации выражения и его полной идиоматизации. Подтверждением этого является появление вариативных формулировок с тем же значением, как, например, для (19) – *Heute gekrönt, morgen verhöhnt*. Употребляемые во ФЕ причастия *gekrönt* и *verhöhnt* однозначно определяют суть ситуации (достичь успеха – потерять успех) и вполне справляются с реализацией идиоматического значения.

В (20) и (21) употребление топонима *Kassel* связано с историческими событиями, лежащими в далеком прошлом.

Во второй половине XVIII в., во время войны североамериканских колоний Англии за независимость, город Кассель стал сборным пунктом немецких рекрутов, которые были проданы Англии немецкими князьями. Срочность, быстрота их отправки и однозначность решения князя стали основой появления сначала выражения *Ab nach Kassel*, которое употреблялось в прямом значении, а затем его переосмысления, употребления в переносном значении («требование к партнеру по коммуникации как можно быстрее покинуть это место») и, в конечном итоге, фразеологизации выражения, в котором топоним *Kassel* уже не реализует своего номинативного значения – обозначение города и места события. Историческая информация – ситуация, ставшая основой употребления выражения в переносном значении, может как осознаваться носителями языка при употреблении идиомы, так и оставаться скрытой, что связано с уровнем исторической осведомленности говорящего. В современном немецком языке это выражение употребляется в значении «(schnell) fort von hier!; verschwinde!» и маркировано как разговорное и устаревшее [<https://www.dwds.de/wb/ab%20nach%20Kassel>].

Процессы демотивации во ФЕ с топокомпонентом отличаются от процессов демотивации во ФЕ без них. Так, например, ФЕ *jmdm/ einer Sache den Garaus machen* («покончить с кем-либо, чем-либо») при отсутствии

исторических знаний⁶ не вызывает никаких образов, связанных с ее составляющими, реализует целостное фразеологическое значение. Во ФЕ с топокомпонентом даже в случае отсутствия исторической информации топоним (если он обозначает известное географическое место) будет реализовывать (подспудно) свое основное значение. Аахен, Ром, Кассель, Ульм – это города, хорошо знакомые всем немцам. Город Хорнберг (Hornberg) также достаточно широко известен в Германии как место высококачественного отдыха в Центре региона Шварцвальд.

Среди ФЕ с топокомпонентом, утративших мотивированность в результате потери связи между идиоматическим значением и описываемой выражением ситуацией, выделяются выражения, основанные на мифах, легендах или литературных произведениях, которые известны лишь немногим носителям языка (Bildungsschicht).

(24) *über den **Deister** gehen* (букв.: перейти через Дайстер)

[<https://www.korrekturen.de/synonyme/%C3%BCber+den+Deister+gehen/>]

(25) *jemanden über den **Deister** schicken* (букв.: послать кого-либо через Дайстер) [там же]

(26) *über die **Wupper** gehen* (букв.: перейти через Вуппер)

[<https://www.dwds.de/wb/%C3%BCber%20die%20Wupper%20gehen>]

(27) *aussehen wie die **Hexe von Binzen*** (букв.: выглядеть, как ведьма из Бинцен) [<https://idiome.de-academic.com/1236/Hexe>]

(28) *Daran erkenn ich meine **Pappenheimer!*** (Букв.: В этом я узнаю своих паппенгеймеров!) [https://universal_lexikon.de-academic.com/224752/Daran_erkenn_ich_meine_Pappenheimer]

(29) *Wacht am **Rhein*** (букв.: стража на Рейне)

[https://dic.academic.ru/dic.nsf/brokgauz_efron/1091/Wacht]

⁶ Слово «*Garaus*», употребляемое в средние века как выкрик жандарма, обозначало наступление полицейского часа и лишь несколько столетий спустя стало обозначать «völliges Ende», «Untergang».

(30) *wie der Dresdener Totentanz / wie der Totentanz von Basel aussehen*
 (букв.: выглядеть, как дрезденский танец смерти / как танец смерти
 из Базеля) [<https://de-academic.com/dic.nsf/dewiki/1404896>]

ФЕ в (24) – (26) восходят к сказаниям, поверьям, согласно которым на острове реки Вуппер и на противоположной стороне горного кряжа Дайстер (в 20 км. от Ганновера) находилась тюрьма – место исполнения судебного наказания, которым была смертная казнь. Переход туда означал смерть, гибель, что и послужило, по-видимому, возникновению эвфемизмов *über den Deister gehen* и *über die Wupper gehen*. Сегодня эти фразеологизмы используются в немецком языке в значении «умереть, сгинуть, пропасть», а также «стать банкротом» и стилистически маркированы как вульгарные и фамильярные (см. статью в dwds.de [<https://www.dwds.de/wb/%C3%BCber%20die%20Wupper%20gehen>] и [<https://www.korrekturen.de/synonyme/%C3%BCber+den+Deister+gehen/>], [https://www.duden.de/synonyme/verloren_gehen/]).

Значения этих ФЕ знакомы немцам, хотя и в разной степени. Топонимы в этих фразеологизмах не имеют у большинства какой-либо связи с идиоматическим значением, поскольку упомянутые легенды мало известны. К сожалению, нет данных о том, насколько известен жителям Германии горный кряж Дайстер, но то, что это имя не содержится ни в словаре duden.de, ни в dwds.de, хотя другие горные массивы и ландшафты значатся (см., например *Schwarzwald* [<https://www.duden.de/rechtschreibung/Schwarzwald>], *Allgäu* [<https://www.duden.de/rechtschreibung/Allgaeu/>]), в определенной степени свидетельствует о малоизвестности этого имени. Река Вуппер, на которой расположен достаточно большой город Вупперталь, известна (см., например, статью в [<https://www.duden.de/rechtschreibung/Wupper>]), анализируемое выражение употребляется и в публицистической речи, но достаточно редко: корпус «Gegenwartssprache mit freiem Zugang» дает лишь 55 упоминаний этого выражения с 1987 по 2024 гг.

[<https://www.dwds.de/r/?corpus=dwdsxl&q=über%20die%20Wupper%20gehen>].

Эти данные позволяют утверждать, что во ФЕ *über die Wupper gehen* топоним все же может актуализировать образ реки, т.е. свое прямое значение.

ФЕ *aussehen wie die Hexe von Binzen* также восходит к одной из древних легенд, согласно которой жена батрака, принадлежащего графу Дитриху из Рёттельна, прокляла его и его замок за то, что тот бросил ее мужа на растерзание своим собакам в наказание за плохой уход за его любимым псом. Покинув замок, женщина поселилась в лесной хижине недалеко от селения Бинцен и, не в силах перенести ненависть и горе, превратилась в ведьму (см. статьи [http://haexvobinze.de/?page_id=10], [<https://archive.org/details/hex-vo-binze-ocr-v-2/page/n5/mode/2up>]).

Выражение «*aussehen wie die Hexe von Binzen*» известно в немецком языке в значении «быть растрепанной, неряшливой со включенными волосами» [<https://idiome.de-academic.com/1236/Hexe>], которое основано на образе ведьмы, ее внешнем виде и никак сегодня не связано с самой историей и другими характеристиками этой женщины. Сложно сказать, какую роль в формировании значения сыграл топоним *Binzen*, но вполне однозначно можно утверждать, что его мотивация во ФЕ сегодня отсутствует. Это связано с тем, что Бинцен является маленькой коммуной в земле Баден-Вюртемберг и едва ли знакома широкому кругу носителей языка, как и сама легенда. Этого имени нет в словарях duden.de, dwds.de, как и самого выражения. В любом случае можно утверждать, что в данной ФЕ топоним является топокомпонентом, составляющей идиомы, который никак не реализует своего основного значения.

ФЕ в (28) и (29) имеют своими источниками литературные произведения: первое драму Ф. Шиллера, второе – патриотическую песню на стихи М. Шнекенбургера, написанную в 1841 году.

Поговорка «*Daran erkenn' ich meine Pappenheimer!*» или ее вариант «*seine Pappenheimer kennen*» восходит к драме «Смерть Валленштейна». Так

отвечает Валленштейн кирасирам полка графа Готфрида Генриха фон Паппенхайм, оставшимся верными генералу кавалерии Валленштейну после его гибели. Выражение употребляется здесь в значении «В вашей верности я не сомневаюсь». Сегодня значение ФЕ несколько шире и обладает амбивалентностью оценки. Уже в самой драме паппенхаймеры по ошибке сжигают до основания оккупированный город во время его освобождения, что закладывает негативную оценку в тексте произведения [Essig 2018: 38-40]. Актуальное значение данной ФЕ можно сформулировать как «знать своих людей, их сильные и слабые стороны» («*seine Pappenheimer kennen (= wissen, mit wem man es zu tun hat)*») [<https://www.dwds.de/wb/Pappenheimer>] (Ср. аналогичное в русском: *Узнаю своих ...!*).

Данная ФЕ является широко употребительной в немецком узусе, несмотря на то что многие из носителей языка не имеют никакой информации о ее происхождении. При этом следует отметить, что город Паппенхайм широко известен в Германии (и за его пределами) как «воздушный» курорт (курорт с особенно чистым воздухом и благоприятным для здоровья климатом [руни.рф/Паппенхайм]), что, по всей видимости, и сохраняет значение оттопонимического имени *Pappenheimer* в составе ФЕ. Данное выражение принадлежит к числу тех, где топонимический компонент в результате потери ФЕ мотивированности и вследствие дальнейшего функционирования топонима в языке в прямом значении, присутствует во ФЕ не в своем изначальном для этого выражения значении (зд.: солдаты графа фон Паппенхайм), а в известном для большинства носителей языка прямом смысле (зд.: жители города Паппенхайм). Потеря мотивированности ведет, как известно, к укреплению семантической структуры ФЕ и усилению степени идиоматичности, которая достигает наивысшей степени в случае, когда ни один из компонентов не реализует своего прямого значения. Наличие в структуре ФЕ топонима, сохраняющего для большинства носителей языка свое прямое значение (как правило, при известности номинируемого топонимом географического объекта) является причиной в определенном

смысле «нарушения» идиоматичности в силу актуализации топонимом представления об обозначаемом им объекте.

К культурной реалии (традиции) восходит значение ФЕ *wie der Dresdener Totentanz / wie der Totentanz von Basel / von Lübeck aussehen*. Речь идет о ритуальном танце смерти, в котором скелет или полуистлевшая фигура человека изображала смерть. Эти танцы стали ритуальными, начиная с 14 века [<https://www.dwds.de/wb/Totentanz>], и запечатлены даже на фресках в церковных храмах. Одна из самых известных находится, например, на кладбищенской стене Предигеркирхе (Predigerkirche) в Базеле. Варианты фразеологизма с заменой имени одного города на другой, объясняются тем, что этот танец был известен и практиковался во многих городах, и замена одного топонима другим никак не влияет на значения ФЕ. Семантическим ядром во ФЕ является существительное *Totentanz*, так как именно оно все еще актуализирует образ смерти, с которым сравнивается внешний вид человека. Поскольку информация о самом ритуале (в силу отдаленности во времени и иных факторов) известна лишь очень небольшому кругу носителей языка, образ танца смерти редуцировался до образа смерти, что видоизменило данный фразеологизм на *wie der Tod von Dresden / Lübeck / Basel / Ypern / Altötting aussehen*. Как видим, топонимы в этих ФЕ в современном немецком языке никак не связаны для большинства носителей языка с идиоматическим значением «выглядеть очень больным/ измученным / словно перед смертью». Они присутствуют как обозначения соответствующих городов, но семантически пусты, вследствие чего можно—говорить о процессе десемантизации топонима в этих выражениях. Доказательством семантической нерелевантности топонима являются варианты с различными топокомпонентами.

Проведенный анализ позволяет, таким образом, говорить о процессе деонимизации топонимов как имен собственных в составе ФЕ. Этот процесс не является стабильным для всех топонимов, многие из них реализуют в составе ФЕ свою отнесенность к обозначаемому ими географическому

объекту и не проявляют тенденцию к детопонимизации. В основе процесса детопонимизации лежит, во-первых, неактуальность топонима в топонимической системе, связанная, как правило, с малоизвестностью географического объекта, и, во-вторых, полная потеря связи с описываемой фразеологизмом ситуацией вследствие отсутствия у носителей языка необходимой исторической или культурологической информации.

3.2.3 ФЕ с топокомпонентом, используемым в буквальном толковании

Третью группу ФЕ с топонимическим компонентом составили фразеологизмы, представляющие собой по структуре словосочетания с топонимом, который, будучи в большинстве случаев сложносоставным словом, употребляется в его дословном («поморфемном») прочтении.

- (1) *von Altenhausen sein* (БЫТЬ стариком) [<https://idiome.de-academic.com/67/Altenhausen>]
- (2) *(nicht) von Dummsdorf / aus Dummbach sein* (БЫТЬ глупым) [<https://synonyme.de-academic.com/searchall.php?SWord=von+Dummsdorf+sein&from=de&to=xx&did=&styp=0>], [<https://www.dwds.de/wb/nicht%20von%20Dummsdorf%20sein>]
- (3) *aus Knipphausen sein* (БЫТЬ жадным) [<https://idiome.de-academic.com/Кnipphausen>]
- (4) *aus /von Laufenburg sein* (БЫТЬ трусливым, быстро сбежать от куда-либо) [<https://idiome.de-academic.com/searchall.php?SWord=von+Laufenburg+sein&from=de&to=xx&did=&styp=0>]
- (5) *aus Magdeburg sein* (БЫТЬ подкаблучником) [<https://idiome.de-academic.com/aus+Magdeburg+sein&from=0>]
- (6) *aus Reichenbach /Reichartshausen sein* (БЫТЬ богатым) [<https://idiome.de-academic.com/=Reichenbach&styp>]

- (7) *aus **Ruhestetten** sein* (БЫТЬ ЛЕНИВЫМ) [<https://idiome.de-academic.com/searchall.php?SWord=aus+Ruhestetten&styp=0&btyp=1&p=1>]
- (8) *nicht aus **Schenkendorf**, sondern aus **Greifswald** sein* (БЫТЬ НЕ ЩЕДРЫМ, а СКУПЫМ) [<https://idiome.de-academic.com/searchall.php?SWord=aus+Schenkendorf&from=de&to=xx&did=&styp=0>]
- (9) *(nicht) aus /von **Schönhausen** sein* ((НЕ) БЫТЬ КРАСАВИЦЕЙ) [<https://idiome.de-academic.com/searchall.php?SWord=aus+Sch%C3%B6nhausen&from=de&to=xx&did=&styp=0>]
- (10) *Sie ist einmal in **Schönhausen** gewesen, aber es ist schon lange her.*
- (11) *aus **Schwarzburg** sein* (БЫТЬ НЕРЯХОЙ) [<https://idiome.de-academic.com/searchall.php?SWord=aus+Schwarzburg&from=de&to=xx&did=&styp=0>]
- (12) *in **Brandenburg** gewesen sein* (о подгоревших блюдах) [<https://idiome.de-academic.com/searchall.php?SWord=aus+Brandenburg+sein&styp=0&btyp=1&p=4>]
- (13) *auf der **Wartburg** sein /sitzen* (находиться в ожидании) [<https://idiome.de-academic.com/searchall.php?SWord=auf+der+Wartburg+sitzen&from=de&to=xx&did=&styp=0>]
- (14) *lieber bei **Magdeburg** als bei **Fünfkirchen** liegen* (лучше к девушке, чем в церковь) [<https://idiome.de-academic.com/searchall.php?SWord=lieber+in+Magdeburg+als+in+F%C3%BCnfkirchen&from=de&to=xx&did=&styp=0>]
- (15) *Wer zu **Magdeburg** will Bürger sein, muss der Frau gehorsam sein.* (Хочешь стать жителем Магдебурга (= подкаблучником), слушайся женщину.) [<https://idiome.de-academic.com/searchall.php?SWord=wer+zum+Magdeburg+will+B%C3%BCrger+sein+muss+der+Frau+gehorsam+sein>]

academic.com/searchall.php?SWord=lieber+in+Magdeburg+als+in+F%
C3%BCnfkirchen&from=de&to=xx&did=&stypе=0]

(16) *von München nach Frauenhofen gehen* (сменить духовный статус на светский) [<https://idiome.de-academic.com/1933/M%C3%BCnchen>]

(17) *Hier ist nicht Kostnitz /Kostnix.* (Здесь не бесплатно.) [<https://idiome.de-academic.com/searchall.php?SWord=hier+ist+nicht+Kostnix&from=de&to=xx&did=&stypе=0>]

Используемый в указанных ФЕ принцип формирования фразеологического значения заключается в толковании значения топонима исходя из буквального значения одной из корневых морфем топонима. ФЕ этого рода образуются с целью создания комичности, вызываемой игрой слов, в данном случае игрой семантики корневых морфем. Относительно немногочисленная группа ФЕ привлекает, тем не менее, внимание и представляет собой, по всей видимости, характерное явление времени, схожее с образованием модифицированных фразеологизмов (трансформацией фразеологизмов), широко представленное сегодня в текстах СМИ, рекламы, в том числе и в немецком языке (см. [Дергальцева, Кормилицына 2003; Куклина 2006; Третьякова 2011; Щербакова, Шевелева 2020]).

В более широком представлении проблемы в данной связи говорят о таких процессах, как оживление внутренней формы, дефразеологизация, деидиоматизация, ремотивация.

Термин «оживление внутренней формы слова» известен давно (см., например: [Пугач 1978]), но его употребление связывается, прежде всего, с описанием соответствующих процессов в поэтической речи и рассматривается как прием поэтической речи, «в которой адресант намеренно привлекает внимание к несознаваемым адресатом (тривиальным, утраченным, стершимся) способам фиксации значения слова» [Пугач 1978; Зализняк 2005, Устинова 2023].

В современной лингвистической науке более актуальными в силу особого внимания к соответствующим процессам являются термины «дефразеологизация», «деидиоматизация» и «ремотивация». Являясь синонимичными, они, тем не менее, проявляют и некоторые отличия.

Дефразеологизация понимается как процесс, связанный с «разрушением целостной структуры идиомы», метафорическим переосмыслением ее содержания [Дергальцева, Кормилицына 2003, 395], процесс противоположный фразеологизации. Большой частью этим термином описывается процесс смыслообразования на основе буквального прочтения фразеологизма, когда составляющие ФЕ понимаются как самостоятельные ЛЕ в их прямых значениях.

Исследуя процессы деидиоматизации в производных и сложных словах немецкого языка, Р. Г. Гатауллин определяет ее как процесс «разрушения целостной семантической структуры производного и восстановление исходного значения его компонентов [Гатаулин 2012: с. 123]». Немецкие ученые-лингвисты В. Фляйшер и Д. Херберг говорят в этой связи о процессе восстановления морфологической прозрачности (*morphologische Durchsichtigkeit*) и актуализации мотивационных отношений (ремотивации) [Fleischer 1969, 1979; Herberg 1979].

Проанализируем на конкретных примерах процессы образования идиоматического значения в указанных выше ФЕ и роль в них топонимических компонентов.

Следует сразу отметить, что среди всех топокомпонентов, используемых в указанных ФЕ, три – *Dummbach*, *Reichbach*, *Kostnitz* (*Kostnix*) являются выдуманными обозначениями несуществующих в реальности географических объектов. Таким образом, в этом случае некорректно было бы говорить о *переосмыслении* значения топонима, т.к. последнего вообще нет в языковой системе немецкого языка (*Dummbach* – [nicht] aus Dummbach sein (umgangssprachlich: [nicht] dumm sein; erfundener Ortsname)

[<https://www.duden.de/rechtschreibung/Dummbach>]; для *Reichbach* и *Kostnitz* информации в словарных источниках нет).

ФЕ (1) – (11) реализуют функцию оценочной характеристики человека, в (12) – приготовленного блюда. Эта функция определяет внутреннюю структуру выражения: объект (в бытии) + качество объекта. Внешняя структура ФЕ реализует внутреннюю и представлена наименованием объекта (вариативный элемент ФЕ), глаголом *sein* и предложной группой *aus /in /von* + *топоним*, которая указывает на нахождение или происхождение объекта оценки. Выполнение предложной группой своей функции – выражения оценочной характеристики – осуществляется за счет переосмысления значения топонима в результате актуализации в слове мотивационных отношений между его составляющими, т.е. восстановления внутренней формы слова.

В (1) *Altenhausen* является топонимом и обозначает общину в земле Саксония-Анхальт, в (3) *Kniphausen* существует как составная часть топонима *die Burg Kniphausen in Fedderwarden*, обозначающего замок, типичный для эпохи позднего ренессанса и находящийся в городе Вильгельмсхафен в земле Нижняя Саксония, *Laufenburg* в (4) – имя города в земле Баден-Вюртемберг. *Magdeburg* в (5) – имя столицы земли Саксония-Анхальт, *Reichartshausen* и *Schenkendorf* – топонимы, обозначающие коммуны в земле Баден-Вюртемберг и Бранденбург, *Ruhestetten* в (7) – топоним, обозначающий часть коммуны Вальд в округе Зигмаринген (Sigmaringen) земли Баден-Вюртемберг, *Greifswald* в (8) – имя университетского города земли Мекленбург-Передняя Померания, *Schönhausen* в (9 – 10) – топоним, обозначающий общину в земле Саксония-Анхальт, *Schwarzburg* в (11) – имя двух, входящих в 1583 – 1909 годах в состав Германской империи княжеств, в (12) *Brandenburg* – имя Федеральной земли на северо-востоке ФРГ.

Анализ номинативного значения указанных топонимов показывает, что не все из них являются широко известными. Ряд топонимов обозначает небольшие общины, которые вполне могут оставаться не известными многим

жителям Германии. Тем не менее, их топонимический статус, т.е. восприятие имени как топонима, как обозначения некоторого географического объекта, как и тех компонентов, которые являются выдуманными обозначениями (*Dummbach, Reichbach, Kostnitz (Kostnix)*), скорее всего, не подвергается носителями языка сомнению. Это объясняется использованием в качестве второго компонента композита наиболее употребительных в топонимической системе немецкого языка морфем *-burg, -bach-, -hausen, -stetten*.

Рассматриваемые топокомпоненты изначально воспринимаются как топонимы, значение которых заключается в соотношении имени с обозначаемым географическим объектом. В этом заключается процесс стирания внутренней формы топонима – процесс, которому подвержены все, как минимум, известные и употребительные в системе языка топонимы вследствие их долгого функционирования.

Актуализация связи топонима с географическим объектом происходит в результате их употребления в предложной группе с предлогами *in, aus, von, nach*. Переосмысление значения топокомпонента происходит под влиянием контекста.

О влиянии контекста на процесс ремотивации и деидиоматизации пишет О. Кэге, называя эти процессы контекстуальными. Именно контекстуальное окружение актуализирует внутреннюю форму слова и ведет к восстановлению прозрачности морфологической структуры [Käge 1980: 107]. В этом смысле ремотивация – явление всегда окказиональное, новое толкование слова носит нерегулярный характер и часто воспринимается «как искусственное» [Адилова 1996: 9]. Искусственный характер процесса ремотивации определяется конкретной целью, это не естественный процесс, а заданный, своего рода «заказной», говорящим субъектом. В этом видится прагматический аспект ФЕ.

В описываемой нами группе восстановление внутренней формы слова и толкование значения компонента, исходя из нее, ведет к формированию

фразеологического значения, единого значения выражения, которое, как уже указывалось, в (1) – (12) связано с характеристикой объекта.

Выражения (13) – (17) описывают жизненные ситуации так же, как и предыдущие, создавая комический эффект, однако не дают прямой характеристики и оценки.

В (13) используется имя *Wartburg*, которое обозначает замок на горе близ города Эйзенаха, в котором скрывался от преследования реформатор церкви Мартин Лютер, сегодня памятник культурно-исторического наследия Германии. ФЕ в шуточной форме описывает ситуацию долгого ожидания в результате толкования значения исходя из внутренней формы слова (замок ожидания).

В (14) вместе с топонимом *Magdeburg* используется топоним *Fünfkirchen*. Последний является именем нескольких географических объектов на юге Германии и в Австрии. Юмористический характер описания ситуации выбора между светской жизнью, общением с девушками и служением церкви рождается за счет образов, которые актуализируются в результате оживления внутренней формы слов *Magdeburg* и *Fünfkirchen*. Но если в последнем однозначно можно говорить о ремотивации, восстановлении внутренней формы слова, то с первым все далеко не так однозначно. Объяснение происхождения имени столицы земли Саксония-Анхальт в результате слияния корневых морфем *-burg* («замок, крепость») и *magad-/magid-* («дева, девушка»), оспаривается некоторыми учеными, которые указывают на наличие прилагательного *magaf-* («большой») и соответственно на возможность толкования имени как «большая крепость / большой замок» [https://www.onomastik.com/on_geschichte_magdeburg.php]. Тем не менее первое толкование – «крепость/замок девы» является широко распространенным и актуализируется у большинства носителей языка, если на это указывает контекст выражения.

В (16) с помощью топонимов *München* и *Frauenhof* так же, как и в (14) в юмористической форме описывается ситуация выбора между церковной

жизнью, что выражается через толкование происхождения имени *München* как «у монахов» („bei den Mönchen“) и светской жизнью. Последнее легко понимается путем ремотивации слова *Frauenhof* («женский двор»).

В (17) в качестве топонима используется вымышленное имя. *Kostnitz* и его вариант *Kostnix* представляют собой слияние двух слов в широко используемом выражении *Es kostet nichts* (Это ничего не стоит), которое в устной речи редуцируется до (*Es*) *kost' nix*.

Во всех описанных выражениях юмористический эффект, с оценкой или без, появляется в результате языковой игры, обыгрывания внутренней формы слова топонима или квази-топонима в контексте ситуации.

ФЕ, вошедшие в третью группу, являются результатом словотворчества, языковой игры, каламбура, который, как известно, строится на двусмысленности выражения или слова. Топокомпоненты в составе приведенных ФЕ в их внешней форме (в отношении формата) актуализируют представление о некотором (известном или неизвестном) географическом объекте. В то же время контекст ситуации провоцирует толкование их значения, исходя из внутренней формы, на основе мотивационных отношений их корневых морфем. Именно эта двусмысленность создает комический эффект, который сопровождает явную или скрытую оценку, выражаемую ФЕ.

Таким образом, на данном этапе можно констатировать, что выдвинутая в исследовании гипотеза, согласно которой топонимический компонент в составе ФЕ имеет тенденцию к сохранению части своей семантики, актуализируемой контекстом выражения, несмотря на процессы идиоматизации, находит свое подтверждение. Семантика топонима, ставшего компонентом ФЕ или устойчивого словосочетания, в большинстве отобранных для анализа языковых единиц находит свою реализацию в части объема, актуализируемого контекстом выражения. Даже в случае идиоматизации топокомпонент инкорпорирует свою семантику в структуру значения ФЕ в форме сохранения связи между топонимическим и образным

значением, лежащим в основе идиоматического значения. Эта связь, однако, стирается по мере «выхолащивания» семантики топонима в системе языка – процесса, связанного с малоизвестностью объекта топонимации и /или утратой носителями языка части исторических, мифологических, литературных и иных знаний, представленных некогда в семантической структуре топонима.

3.3 Топокомпоненты фразеологизмов как знаки культурного кода

3.3.1 Топонимы в составе фразеологизмов как знаки пространственного кода культуры

Первая группа представлена фразеологизмами, в значении которых *топонимическая семантика и хранимые ею символные* (значимые в культуре народа) *смыслы об объекте топонимации доминируют и проявляются четко и однозначно.*

Наличие имплицативных отношений между топонимами и лингвокультурными смыслами свидетельствует о том, что топонимы являются знаками культурного кода: «Выполняя посредническую функцию между социологизированным миром окружающей реальности, а также миром мыслей и идей, язык материализует самостоятельно различные коды культуры <...>» [Поречная: 2021: 318]. В первую очередь это культурный код пространства. Топонимы как *знаки* пространственного кода культуры реализуют своей семантикой культурные смыслы, связанные с представлениями носителей языка о пространстве, в котором они живут, с пространственной картиной мира.

По мнению М.Л. Ковшовой, фразеологизмам принадлежит ключевая роль в культурных кодах: «<...> выбор реалий для создания образа фразеологизма не случаен. Слова – компоненты фразеологизма являются именами не реалий (в широком смысле этого слова), а культурных знаков, т.е. реалий, получивших культурное переосмысление <...>. Интерпретация слов – компонентов фразеологизма как культурных знаков обосновывается их

культурной значимостью в том или ином тематическом коде культуры, где данные слова – компоненты фразеологизма раскрывают свой культурный смысл» [Ковшова 2013: 174-175].

Приведем примеры реализации топокомпонентами в составе фразеологизмов функции, служить знаком пространственного кода.

- (1) *Aachen ist des deutschen Reiches Haupt.* (Букв.: Аахен – это глава немецкой империи / немецкого Рейха.)
- (2) *Hamburg ist das Tor zur Welt, aber Bremen hat den Schlüssel dazu.* (Букв.: Гамбург – это ворота в мир, а у Бремена ключ к ним.)
- (3) *Das Schönste an Bremen ist die Autobahn nach Hamburg.* (Букв.: Самое красивое в Бремене – это автомагистраль на Гамбург.)
- (4) *Berlin ist doch kein Dorf.* (Букв.: Берлин – не деревня.)
- (5) *Du bist verrückt, mein Kind, du musst nach Berlin.* (Букв.: Ты сошел с ума, мой милый, тебе в Берлин.)
- (6) *Das macht die Berliner Luft.* (Букв.: Это все воздух Берлина.)
- (7) *In der großen Seestadt Leipzig.* (Букв.: В большом морском городе Лейпциг.)
- (8) *Vater Rhein* (Букв.: Батюшка Рейн)

Как видно из представленных единиц, речь в данном случае идет об устойчивых словосочетаниях и предикативных структурах, которые в большинстве своем сохраняют свое «прямое, буквальное прочтение» (термин Х. Бургера) и не подвержены совсем или лишь в незначительной степени процессам идиоматизации. Топокомпоненты в их составе сохраняют свою отнесенность к географическому объекту и актуализируют в контексте выражения определенную часть своей семантики.

В (1) *Aachen* реализует свое топонимическое значение при актуализации контекстом выражения семантических элементов ‘значимый для истории Германии город’, ‘город, в котором в древности короновали немецких князей на престол’ (актуализация последнего возможна при наличии этих знаний у носителя языка). Таким образом, выражение в целом рождает в сознании

носителей языка образ города Аахен в его конкретном качестве. Устойчивый характер выражения и воспроизведение контекстуального окружения топонима ведут к закреплению этой семантики, как на уровне языка, в структуре топонима, так и на уровне концепта – представления города в сознании носителей языка.

Во (2) и (3) топонимы *Hamburg* и *Bremen* также реализуют свое топонимическое значение, называя известные города Германии. При этом в контексте выражения они актуализируют совершенно разную часть своей семантики (семантики фонового уровня). Во (2) город Гамбург предстает в образе ворот в мир, что однозначно интерпретируется носителями языка как ‘портовый город, город-гавань, связывающий Германию с другими странами’, ‘ганзейский город’.

Город Бремен имеет множество характеристик и топоним *Bremen* способен актуализировать их в сознании носителей языка при соответствующем контексте. Контекст выражения (2) «высвечивает» неоднозначную информацию: общую – значимость Бремена для Гамбурга, как города более раннего периода возникновения и развития, более узкую – первого города-гавани, в котором происходила перегрузка многих товаров и который был тесно связан с Гамбургом, наличие на гербе Бремена изображения ключа и узко историческую – перенесение в 9-ом веке из Гамбурга в Бремен архиепископства.

Те же самые топонимы – *Hamburg* и *Bremen*, используемые в качестве топокомпонентов в выражении (4), реализуют под воздействием уже иного контекстуального окружения совершенно иную семантику, а именно: *Bremen* – ‘маленький город’, ‘город, который не может предложить много по сравнению с Гамбургом’, ‘близость к Гамбургу’, ‘наличие связи в виде автомагистрали’.

Hamburg реализует в (4) свое топонимическое значение, называя географический объект, но не вообще, а как ‘город – метрополию с большими возможностями’. Следует отметить, что такие признаки, как ‘маленький

город’, ‘город, который не может предложить много по сравнению с Гамбургом’ в семантике топокомпонента *Bremen* и ‘город – метрополия с большими возможностями’ в семантике топокомпонента *Hamburg* выражены имплицитно и актуализируются с помощью приема сопоставления и оценочного прилагательно *schön* в превосходной степени.

Выражения (2) и (3) так же, как и (1) используются для характеристики городов, названных топокомпонентами и актуализируют в сознании носителей языка представления (образы) этих городов не обобщенно, не через денотат имени, а через апеллирование к их отдельным признакам и характеристикам. Все это позволяет говорить о реализации названными выражениями функции характеристики объектов, названных топокомпонентами.

Выражения (4) – (6) содержат топоним *Berlin* и его производный *Berliner* в двух значениях: «относящийся к Берлину» и «житель Берлина».

В (4) и (5) действуют те же семантические процессы, что и в (1) – (3). В (4) *Berlin ist doch kein Dorf* категоризация Берлина, отнесенность его к определенной категории, осуществляется через прием негативной идентификации, с помощью которой актуализируется признак ‘большой город’. В (5) *Du bist verrückt, mein Kind, du musst nach Berlin* функция характеристики осуществляется опосредованно, путем отнесения одного объекта к другому на основе общности признака. Этим признаком является ‘сумасшествие, чокнутость’. Таким образом, в обоих выражениях топокомпонент *Berlin*, употребленный в своем прямом значении, актуализирует под воздействием контекста образ Берлина в его конкретных качествах.

Уже анализируемая ранее метафора *Berliner Luft* (6) используется в значении «атмосфера Берлина». Контекст выражения в данном случае ни коим образом не способствует смысловой интерпретации этой метафоры, не обеспечивает ее декодирование. Причина этому, как известно, в синтаксической и связанной с ней семантической несамостоятельности

поговорок, которые всегда «привязаны» в своем понимании к предыдущему контексту. Следует, однако, заметить, что метафора *Berliner Luft* в силу своего узуального характера имеет вполне устойчивую семантическую структуру. Уже сама по себе она актуализирует самые значимые (для немецкой культуры и прежде всего, для берлинцев) характеристики города – живость, нетрадиционность, дерзость, чокнутость, амбициозность и т.п. Конкретный контекст поговорки *Das macht die Berliner Luft* сужает совокупность этих признаков.

Выражение «*in der großen Seestadt Leipzig*» выполняет в предикативных единицах функцию обстоятельства места действия, отвечая на вопрос «Где?». За поверхностной синтаксической структурой скрывается глубинная – семантическая, в которой город Лейпциг с помощью приема иронии (назывании противоположного тому, что мыслится) получает свою характеристику. Образ города, рождаемый на основе этого выражения, предстает через одну единственную характеристику – отсутствие значимых водоемов, а прием иронии придает этому образу некоторую легкую комичность.

Словосочетание *Vater Rhein* является идиомой, в которой компонент *Rhein* употребляется в прямом топонимическом значении, а существительное *Vater* – в метафорическом, актуализируя признак значимости и величия объекта номинации. Несмотря на определенную степень стертости образа, выражение, тем не менее, воспринимается как олицетворение реки, придавая объекту номинации качества человека, и транслирует эмоцию восхищения и уважения.

Как показывает проведенный анализ, выражения, составившие первую группу, характеризуются функциональной общностью. На уровне поверхностной семантики они, (за исключением (8)), представляют собой констатацию некоторого факта (события, ситуации и пр.), через который дается характеристика географическому объекту, обозначаемому топокомпонентом. Их функция заключается, таким образом, в характеристике

этого объекта. Важным для этой группы является также то, что во всех выражениях топокомпонент «работает на себя», т.е. употребляется в топонимическом значении, но не в денотативном (обобщенном), а в части своей семантики, которая относится к фоновому – культурологическому уровню. Устойчивый характер выражений, их употребление в речи ведут к дальнейшему закреплению актуализируемых признаков объектов топонимации как в семантической структуре топонима, так и в представлении (концептуальном содержании) географического объекта в сознании носителей языка. В результате на «географической карте» носителей языка (пользуясь образным выражением) однотипные точки географических объектов получают свою идентификацию: приобретают ассоциативные связи, получают оценку, связываются с эмоцией и т. п. Происходит своего рода «набрасывание культурной сетки», через которую высвечиваются конкретные характеристики объектов. Иными словами, пространственная картина мира, в которой географические концепты играют центральную роль, приобретает семантическое своеобразие, становится семантически насыщенной, обогащается культурными смыслами. Понимание этих смыслов осуществляется через знаки культурного кода, которыми в данном случае являются ФЕ и устойчивые словосочетания с топокомпонентом. Рассмотрение их в этом аспекте позволяет говорить о принадлежности единиц первой группы к знакам пространственного кода немецкоязычной культуры.

Первая группа является самой малочисленной. В нее вошли 16 единиц, что объясняется функциональной спецификой фразеологизмов. В большинстве своем ФЕ связаны с выражением оценки (прямо или косвенно), которая направлена «вовне», а функция описания конкретных объектов не относится к ядру их функционального поля. Кроме того, устойчивые словосочетания, употребляемые в их прямом значении, не столь многочисленны во фразеологической системе любого языка.

3.3.2 Топокомпоненты ФЕ на службе аксиологического и пространственного кодов культуры

Вторую группу в классификации топонимических фразеологизмов на основе критерия «принадлежность к знакам культурного кода» составили ФЕ, являющиеся знаками аксиологического кода культуры при сохранении (через наличие топокомпонента) принадлежности к пространственному культурному коду. Ниже приведены примеры ФЕ этой группы.

- (1) *Er läuft von **Aachen** nach **Köln**.* (Букв.: Он бежит из Аахена в Кёльн.)
- (2) *Adler nach **Berlin** tragen* (букв.: нести орлов в Берлин)
- (3) *Wasser in den **Rhein** / in den **Main** / in die **Elbe** / in die **Spree** tragen* (букв.: носить воду в Рейн / Майн/ Эльбу/ Шпрее)
- (4) *etwas über /in den **Harz** kicken (können)* (букв.: пнуть что-либо через Гарц)
- (5) *(Das war) ein Ritt über den **Bodensee*** (букв.: поездка на лошади по Боденскому озеру)
- (6) *Er war in **Köln** und hat den Dom nicht gesehen.* (Букв.: Он был в Кёльне, а собор не видел.)
- (7) *Das wäscht ihm der **Rhein** nicht ab.* (Букв.: Это и Рейн с него не смывает.)
- (8) *wie ein kleines **Ruhrgebiet** rauchen* (букв.: курить как Рурская область)
- (9) *geschminkt wie die **Berliner** Fastnacht* (букв.: накрашенный(ая), как берлинский карнавал)
- (10) ***Bodensee-Kaffee*** (букв.: кофе Боденского озера)
- (11) *ein **Schildbürger** sein* (букв.: быть гражданином города Шильда)
- (12) ***Gelsenkirchener** Barock* (букв.: барокко Гельзенкирхена)
- (13) *jemanden auf den **Blocksberg** wünschen* (букв.: послать кого-либо на Блоксберг)

Эта группа является самой многочисленной и включает в себя 80 единиц. Все они являются ФЕ, т.е. полными или частичными идиомами. Процесс идиоматизации обуславливает переосмысление значения свободного словосочетания и формирование единого фразеологического значения.

Переосмысление в процессах фразеологизации направлено в большинстве своем в сторону оценочности. Выражение, которое в своем прямом прочтении описывает некоторую ситуацию, факт и т. п., переосмысливается таким образом, что становится языковой единицей, способной выражать оценочное отношение говорящего к предмету речи. В основе всякого переосмысления лежит процесс интерпретации уже полученных знаний, который, как правило, ведет к выводам, оценкам, прямым или косвенным. Именно это обстоятельство предопределяет доминирование в представленных в этой группе фразеологизмах оценочной функции и, как следствие, присоединение их к знакам аксиологического кода культуры. Сохранение знакового характера пространственного кода определяется тем, что в семантической структуре ФЕ содержится топонимическая семантика. Ее объем и структурированность зависят от способности носителей языка связывать топоним с фразеологическим значением, т.е. осознавать и объяснять мотивированность семантики ФЕ.

ФЕ в (1) – (3) используются для выражения отрицательной оценки некоторого действия, которое не имеет смысла: в (1) – бесполезной беготни и суеты (см. [Essig 2018: 10]), в (2) и (3) – действий абсолютно бессмысленных, не имеющих никакой ценности и значения (см. [https://idioms_de_ru.academic.ru/1974/Wasser_in_die_Elbe_tragen]).

Аналогичное функциональное значение имеет и ФЕ (4), которая оценивает нечто (предмет, ситуацию, намерение и т. п.) как более ненужное и бесполезное. Топонимы в составе ФЕ, несмотря на идиоматизацию семантики, не превращаются в десемантизированные компоненты. Объект топонимации составляет основу образа, с помощью которого передается фразеологическое значение.

ФЕ в (5) описывает некоторое действие как рискованное и тем самым выражает его оценку [https://universal_lexikon.de-academic.com/232178/Ein_Ritt_%C3%BCber_den_Bodensee]. Контекст ФЕ не позволяет определить знак оценки, поскольку рискованность может

оцениваться как положительно, так и отрицательно. Амбивалентность оценки снимается всегда более широким контекстом. Топоним *Bodensee* в силу своей известности (даже при отсутствии необходимых литературных знаний) участвует в рождении метафорического образа, который лежит в основе фразеологического значения.

В (6) пословица в своем прямом прочтении описывает некоторую конкретную ситуацию (посещение Кельна) и через нее в результате переосмысления значения на основе обобщения выражает оценку интеллектуальных способностей человека, характеризуя его как невнимательного, не способного увидеть важное. Комичность описываемой ситуации (в прямом прочтении) добавляется к фразеологическому значению и выражаемой оценке, что предопределяет возможность выразить насмешку, т.е. вносит в семантику ФЕ эмотивный элемент. Топонимы *Köln* и *(Kölner) Dom* играют центральную роль в создании образа ситуации, на основе которой формируется фразеологическое значение, обозначая целое и его важную часть.

В (7) – (9) ФЕ также выражают оценку некоторых качеств, черт характера человека. В (7) *Das wäscht ihm der Rhein nicht ab* – это отрицательная оценка моральных качеств человека (этическая оценка), в (8) *wie ein kleines Ruhrgebiet rauchen* – оценка действия как чрезмерного, выходящего за рамки нормы (нормативная оценка), в (9) *geschminkt wie die Berliner Fastnacht* – оценка внешности человека с точки зрения принятых в обществе социальных норм внешнего облика и эстетических предпочтений. Во всех трех выражениях отрицательная оценка формируется на основе метафорического образа, в котором центральное место занимает топоним. Метафорический образ является гиперболическим, что порождает комичность самой ситуации и позволяет выразить наряду с оценочным и эмоциональное отношение говорящего.

ФЕ в (10), (11) и (12) являются номинативными и используются в предикативной функции, т. к. их первичная функция есть функция оценки. В

(10) через образ глубоководного озера Бодензее дается оценка кофе как плохого качества, некрепкого.

В (11) ФЕ *ein Schildbürger sein* дает оценку умственных способностей человека через идентификацию его как жителя Шильды. Город Шильда широко известен в Германии как место действия литературных событий – глупых и абсурдных действий его жителей. Оттопонимическое образование *Schildbürger* содержит в своей семантике оценочную сему ‘глупый, простоватый’, которая является основой формирования фразеологического значения [<https://www.dwds.de/wb/Schildb%C3%BCrger>]. Сам образ жителя Шильды – яркий и живой в сознании носителей языка – присутствует в семантической структуре ФЕ, несмотря на процесс идиоматизации.

Выражение *Gelsenkirchener Barock* используется для выражения оценки вещам, большей частью, мебели, которые говорящий считает безвкусицей [<https://www.dwds.de/wb/Gelsenkirchener%20Barock>]. Образ, рождаемый данным словосочетанием, отсылает к двум реалиям – к городу Гельзенкирхен в Рурской области, который является символом рабочей среды, в которой предпочтение отдавалось бывшей в употреблении мебели, и стилю барокко, для которого характерна помпезность и вычурность. Обе реалии в целом знакомы носителям языка, что позволяет на их основе возникнуть комическому образу вычурной, бывшей в употреблении мебели, который становится источником иронической или даже саркастической оценки.

Проанализированные ФЕ демонстрируют, несмотря на свое формально-структурное и семантическое своеобразие, общий признак. Все они **выражают оценку** объектам, проецируя лежащий в их основе образ на некоторую ситуацию, предмет, явление реального мира. Таким образом, их функциональность определяется способностью выражать оценочное и, как правило, эмотивное отношение говорящего к предмету речи. Эта способность появляется у словосочетания в результате переосмысления образа, лежащего в основе описываемой данным выражением ситуации. Важным является в данной связи то обстоятельство, что оценочные семы, которые содержатся в

этом образе, обусловлены семантикой топокомпонента (в его взаимосвязи с семантикой других составляющих ФЕ). Иными словами, образ (представление), рождаемый(ое) топокомпонентом, играет центральную роль в формировании оценочной семантики и приобретении фразеологизмом способности служить оценочным языковым знаком.

Резюмируя вышесказанное, можно сделать следующий вывод: ФЕ, подвергнутые семантическому переосмыслению, т. е. реализующие идиоматическое значение, становятся **знаками аксиологического кода культуры**, встраиваясь в систему языковых средств или «инструментов», с помощью которых осуществляется оценочная (аксиологическая) категоризация мира. Сохраняя, однако, связь с лежащим в их основе локальным образом, а, следовательно, и с топонимом, данные ФЕ не утрачивают связи с пространственным кодом культуры в силу того, что актуализируют характеристики объекта топонимации, внося тем самым вклад в пространственную категоризацию мира.

Влияние семантики топокомпонента уменьшается по мере потери связи между объектом топонимации и значением ФЕ, т.е. в результате процесса демотивации. Главной причиной в этом процессе является отсутствие необходимых знаний – исторических, мифологических, культурологических и т. п. И даже если топокомпонент обозначает географический объект, широко известный в культуре народа, образ, рождаемый им, становится схематичным. В нем не высвечиваются признаки и характеристики, которые бы объясняли его использование в описываемой ситуации.

Примером тому может служить ФЕ «*Er läuft von Aachen nach Köln*», понимание употребления топонимов в которой требует знания исторических фактов из далекого исторического прошлого (коронации в обоих городах и, соответственно, их одинаковой значимости). Без этой информации образы городов «выхолащиваются», поскольку нет конкретного признака, характеристики, которые бы объясняли их упоминание. В результате топонимы имеют тенденцию к усилению денотативного (обобщенного)

значения. Отсутствие логики их употребления в данном контексте (для определенной группы носителей языка) ведет в итоге к процессу десемантизации топонима.

Описанная ситуация характеризует все ФЕ, мотивированность значения которых трудно объяснима. Они представляют собой переходную группу между второй, описанной здесь, и третьей, которую составляют ФЕ как знаки исключительно аксиологического кода культуры.

3.3.3 Топокомпоненты ФЕ как знаки аксиологического кода культуры

Третью группу ФЕ в классификации на основе критерия принадлежности к знакам того или иного кода культуры составляют идиомы, имеющие значение, которое является всецело оценочным и никак не связано с образом объекта топонимации. Эта группа включает в себя 32 ФЕ.

К этой группе относятся, во-первых, ФЕ, мотивированность использования топонима в которых отсутствует.

(1) *über die **Wupper** gehen* (букв.: перейти через Вуппер)

(2) *aussehen wie die **Hexe von Binzen*** (букв.: выглядеть, как ведьма из Бинцен)

(3) *Ab nach **Kassel!*** (Букв.: Пошел в Баутцен/ Кассель!)

В указанных выше ФЕ связь между топонимом и идиоматическим значением выражения для многих носителей языка потеряна в силу того, что события и легенды, которые составили основу выражения, лежат в далеком прошлом.

Среди ФЕ этой группы есть такие, функция которых заключается в оценке и ФЕ, обозначающие некоторое действие, напрямую не связанное с оценкой, но которая содержится как коннотативный компонент.

Так, в (2) дается оценка внешности женщины и ФЕ может быть причислена к предикатам эстетической оценки.

ФЕ в (1) является стилистически маркированным синонимом глагола *sterben*, *vernichtet werden* с пометой «salopp»

[<https://www.duden.de/rechtschreibung/Wupper>]. Поскольку так же, как и для (3) связь с ситуацией, послужившей основой фразеологического значения, для многих носителей языка потеряна, то образ реки Вуппер является схематичным и обобщенным и никак не связан с сутью обозначаемого явления. Выражение воспринимается именно как вульгарное для обозначения ситуации, связанной со смертью человека (Ср. в русс. *сдохнуть, замочить и т.п.*).

В немецком языке сегодня функционирует глагол *wegwipern*, являющийся оттопонимической единицей от *Wupper*, но его значение («*verschwinden, dahingehen*») произошло именно от ФЕ *über die Wupper gehen* и сохранило ее функционально-стилевую маркированность. Стяжение структуры ФЕ до глагола доказывает факт демотивированности фразеологизма. Корневая морфема *-wupper-* сохраняет основной семантический элемент ‘исчезновение, уход из жизни’, приставка *weg-* усиливает сему ‘уйти, исчезнуть прочь’, а суффикс неопределенной формы глаголы позволяет из ФЕ образовать глагольную ЛЕ. Важным для этой ЛЕ является функционально-стилевая маркированность – вульгарное обозначение, и связанная с ней оценка и эмоция. Употребление этого глагола по отношению к человеку или делу позволяет выразить говорящему и свою эмоцию – презрение, отвращение и связанную с ней отрицательную оценку. Это тот случай, когда оценка действия переходит на субъект действия.

Те же самые процессы характеризуют и употребление сегодня ФЕ *Ab nach Bautzen /Kassel!* Вариант с компонентом *Bautzen* известен жителям ГДР, где этот топоним обозначал город с тюрьмой для политзаключенных. ФЕ с компонентом *Kassel* маркирована как устаревшая [Duden. Bd 11 2008: 26]. Исторические события настолько далеки от сегодняшнего дня, что предполагают достаточно глубокие познания истории. Отсутствие их привело к стиранию внутренней формы ФЕ и закреплению за выражением статуса ругательного, как пожелание человеку исчезнуть (Ср. в русском: *Иди к черту!*). В этом значении, являясь императивом, ФЕ выражает косвенно и

эмоциональную оценку: тот, кого «посылают», вызывает чаще всего негативную эмоцию в достаточно широком спектре – от негодования до презрения и отвращения.

Как показывает анализ, ФЕ этого типа, несмотря на наличие топокомпонента в их структуре, не связаны (при отсутствии необходимых исторических и мифологических знаний) с теми или иными характеристиками объекта топонимации, их функциональная специфика – обозначение некоторой ситуации и выражение к ней эмоционально-оценочного отношения говорящего. Эти языковые единицы обеспечивают оценочную категоризацию явлений и предметов этого мира за счет наличия в их семантической структуре оценочной и эмотивной семы.

В состав группы ФЕ, являющихся знаками аксиологического кода культуры, вошли также ФЕ, в которых топокомпонент используется в своем буквальном прочтении (см. Приложение 5). Последние были описаны в п. 3.2.3 в аспекте их вклада в идиоматическое значение ФЕ. Здесь обратимся к ним для описания их как знаков аксиологического кода культуры.

- (1) *von **Altenhausen** sein* (букв.: быть из Альтенхаузена, в значении «быть старым»)
- (2) *aus **Dummbach** sein* (букв.: быть из Думмбаха, в значении «быть глупым»)
- (3) *aus **Knipphausen** sein* (букв.: быть из Книппхаузена, в значении «быть жадным»)
- (4) *aus **Laufenburg** sein* (букв.: быть из Лауфенбурга, в значении «быть трусливым»)
- (5) *aus **Magdeburg** sein* (букв.: быть из Магдебурга, в значении «быть подкаблучником»)
- (6) *aus **Reichenbach /Reichartshausen** sein* (букв.: быть из Райхенбаха, в значении «быть богатым»)
- (7) *aus **Ruhestetten** sein* *быть богатым* (букв.: быть из Руештеттен, в значении «быть ленивым»)

- (8) *nicht aus Schenkendorf, sondern aus Greifswald sein* (букв.: быть не из Шенкендорфа, а из Грайфсвальда, в значении «быть не щедрым, а жадным»)
- (9) *(nicht) aus /von Schönhausen sein* (букв.: (не) быть из Щёнхаузена, в значении «не/ быть красивой (ым)»)
- (10) *aus Schwarzburg sein* (букв.: быть из Шварцбурга, в значении «быть грязнулей»)

Все, представленные выше ФЕ являются идиомами и в своем идиоматическом значении обозначают определенные качества и свойства личности и тем самым выполняют оценочную функцию, поскольку данные качества являются ценностными, т. е., как правило, получают свое место на оценочной шкале в системе ценностей социума.

Вследствие этого указанные ФЕ и им подобные коррелируют с частно-оценочными предикатами: (1) – *alt*, (2) – *dumm*, (3) – *karg*, (4) – *feige*, (5) – *schwach*, (6) – *reich*, (7) – *faul*, (8) – *geizig*, (9) – *schön / häßlich*, (10) – *schmutzig, schlampig*.

Использование косвенной формы выражения оценки обеспечивает названным ФЕ статус эвфемистических. Называемые ими качества относятся к категории тех, прямое обозначение которых считается социально некорректным. Косвенная, можно сказать закодированная, форма выражения устраняет категоричность оценки, выраженной частно-оценочным прилагательным.

Тем не менее, указанные ФЕ нельзя приравнивать к традиционным эвфемизмам, призванным смягчить и завуалировать отрицательную коннотацию и связанную с ней остроту и категоричность, как, например, в случае пары *empfindlich – sensibel*.

ФЕ данной группы относятся к так называемым *ироническим эвфемизмам*. Иронические эвфемизмы характеризуются двойственностью в отношении своей функции. С одной стороны они смягчают обозначение неприятного явления, а с другой – через прием иронии – высмеивают его.

Следствием этого является наличие в их семантической структуре оценки и, соответственно, оценочной функции, что не свойственно эвфемизмам (в основе своей нейтральным единицам с точки зрения оценочности). В силу свойственной иронии иносказательности оценка эта имеет косвенный способ выражения, скрытый характер. Однако, она всегда узнаваемая, т. к. иронические высказывания всегда создаются с целью быть понятыми.

Выполнение ФЕ данной группы оценочной функции обуславливает вхождение их в систему оценочных языковых единиц и их статус как знаков аксиологического кода культуры. В силу того, что топокомпонент в составе ФЕ никак не связан с реализацией топонимического значения и представление о географическом объекте не присутствует в семантике ФЕ, то говорить о связи фразеологизмов этого типа с пространственной картиной мира едва ли возможно. Скорее всего, можно говорить о потере топонимами в составе этих единиц статуса знаков пространственного кода культуры. Переосмысленная в рамках ФЕ семантика топонимов рождает совершенно иной образ – комичный, в котором за формой («старый дом», «красивый дом», «дарящая деревня» и т.п.) скрывается истинное значение.

Резюмируя анализ, представленный в данном параграфе, можно сделать вывод о функциональном своеобразии топонимических фразеологических выражений. Это своеобразие заключается в наличии определенного рода спектра, который представлен тремя областями: функциональной областью характеристики объекта топонимации (1 группа), функциональной областью оценки при сохранении топонимической специфики в семантике ФЕ и характеристики через нее объекта топонимации (2 группа) и функциональной областью оценки при нерелевантности образа топонимации.

Вторая и третья группа ФЕ отличаются наличием в их семантике эмотивного элемента, который обеспечивает возможность выражения эмоциональной оценки. Эта особенность определяется спецификой образа

ситуации, описываемой выражением, в основе которой лежит представление об объекте топонимации.

Таким образом, функциональная направленность фразеологизмов определяет отнесенность ее к знакам пространственного и /или аксиологического кода культуры.

Выводы по главе 3

Семантические особенности топонимических фразеологизмов определяют необходимость использования лингвокультурологического подхода к пониманию языка и его единиц. Эта необходимость обусловлена сутью исследуемых единиц: функционируя на двух уровнях коммуникативного пространства языковой личности – на уровне языка и уровне культуры, топонимы самим фактом своего существования подтверждают главное положение лингвокультурологии о взаимодействии языковых и культурологических факторов и, соответственно, взаимообусловленности языковой семантики и культурологических смыслов.

Идиоматический потенциал топонимов в составе фразеологизмов исследовался в двух аспектах. Во-первых, с точки зрения роли топокомпонента в формировании фразеологического значения и участия в этом процессе национально-культурной семантики (фоновой семантики) топонима. Во-вторых, с точки зрения функции топонимических фразеологизмов быть знаками культурных кодов.

Исследование семантики топокомпонентов на предмет их трансформации и влияния на процесс идиоматизации выявило три группы единиц: 1) устойчивые выражения идиоматического и неидиоматического характера, в которых топокомпонент не был подвергнут семантической трансформации, а сохранил свое прямое значение; 2) устойчивые словокомплексы с переосмысленным (идиоматическим) значением (ФЕ), в которых топокомпонент претерпел семантическую трансформацию

вследствие инкорпорирования своей семантики в семантику ФЕ; 3) ФЕ – идиомы, в которых топокомпонент реализует значение, мотивируемое его внутренней формой.

Отсутствие семантической трансформации у топокомпонента характерно прежде всего для устойчивых словокомплексов неидиоматического характера. Идентификация географического объекта сопровождается в контексте выражения актуализацией лишь некоторого объема фоновой семантики, в результате чего представление об объекте номинации редуцируется до его отдельных характеристик.

ФЕ с топокомпонентом, вошедшие во вторую группу, характеризуются полной или частичной идиоматизацией, которая затрагивает и семантику топокомпонента, в чем и заключается процесс перехода топонима из самостоятельной единицы в топокомпонент ФЕ. Особенность перехода состоит в том, что топокомпонент подспудно реализует представление об объекте топонимации в том свойстве или качестве, которое актуализируется контекстом выражения. Это связано, с одной стороны, с «ядерной» позицией топокомпонента в семантике ФЕ, а с другой, – с особенностью топонимов являться монореферентными именами собственными и проявлять референциальную прозрачность.

Проявленность семантики топонима в структуре фразеологического значения для единиц второй группы не является одинаковой. Ее интенсивность определяется фактором актуальности / неактуальности топонима в топонимической системе. Малоизвестность географического объекта и связанная с этим низкая употребительность топонима в языке, во-первых, и отсутствие культурологической (исторической, мифологической, литературной и т. п.) информации, объясняющей связь фразеологического значения с объектом топонимации, во-вторых, становятся главными факторами потери мотивированности фразеологического значения и деонимизации топонима. Сохраняя ономастические признаки, топокомпонент в такого рода ФЕ постепенно становится апеллятивом.

Топонимы (и квази-топонимы) могут использоваться в составе языковых выражений в значении, которое мотивируется отношениями составляющих их корневых морфем, т. е. их внутренней формой. Эти выражения, ФЕ, являются результатом каламбура как вида языковой игры, которая основана на реализации одновременно двух значений: топонимического (известного или предполагаемого) и буквального, равного сумме значений входящих в топоним морфем.

Топонимические фразеологизмы рассматриваются в работе как знаки культурного кода.

Анализ функционирования топонимов в качестве топокомпонентов в составе немецких фразеологизмов показал, что и в структуре фразеологического значения топонимы склонны сохранять статус знака символа (географической реалии), в результате чего всё фразеологическое выражение становится знаком определенного культурного кода.

Среди разновидностей культурных кодов, выделяемых в научной литературе, актуальными для настоящего исследования стали пространственный и аксиологический коды культуры.

Пространственный код культуры понимается как способ структурирования мира с позиции месторасположения его объектов и их представленности в этом пространстве. В системе знаков этого кода в первом ранге находятся топонимы.

Аксиологический код культуры выделяется как способ оценочной категоризации окружающего мира на основе имеющихся ценностей.

Анализ топонимических фразеологизмов на предмет принадлежности их к знакам пространственного или аксиологического кода культуры позволил установить зависимость этой принадлежности от семантики топокомпонента.

Реализация топокомпонентом под воздействием контекста выражения некоторой части своей фоновой (топонимической) семантики, ведет к «высвечиванию» в объекте топонимации некоторых качеств и свойств таким образом, что данный объект получает определенную характеристику.

Закрепление этого знания с помощью ФЕ и устойчивых словосочетаний с топокомпонентом способствует структурной оформленности как семантики концепта, соответствующего объекту топонимации, так и пространственной картины мира в целом. Все это позволяет утверждать принадлежность единиц данной группы к знакам пространственного кода культуры.

Идиоматизация выражения сопровождается появлением в структуре значения ФЕ с топокомпонентом оценочных и эмотивных сем. В итоге процесс переосмысления значения выражения ведет к переходу его в статус оценочных и экспрессивных языковых единиц, с помощью которых осуществляется оценочная категоризация мира в терминах добра и зла («хорошо» – «плохо»). Этот факт позволяет утверждать принадлежность идиоматических выражений с топокомпонентом к знакам аксиологического кода культуры.

Среди ФЕ с топокомпонентом, подвергшимся процессу идиоматизации и способных служить знаками аксиологического кода культуры выделяются два типа.

Первый определяется сохранением мотивированности идиоматического значения и связанной с ней актуализацией ряда семантических признаков топонимического значения (большой частью, культурологического плана). Актуализация этих признаков при широкой известности объекта топонимации обеспечивает значимость ФЕ данного типа и для пространственной категоризации мира. Таким образом, данные ФЕ являются как знаками аксиологического, так и знаками пространственного кода культуры.

Потеря связи между объектом топонимации и идиоматическим значением ведет к десемантизации топокомпонента (в случае неизвестности объекта топонимации) или к восприятию его исключительно в обобщенно-денотативном значении. Эти процессы стирают существующую когда-то связь топонимической ФЕ с пространственным смыслом, оставляя за ней

исключительно функцию оценки и, соответственно, статус лишь знака аксиологического кода культуры.

К этому же типу относятся и ФЕ с топокомпонентом, используемом в его буквальном прочтении. Они ориентированы исключительно на выражение оценочного и эмоционального отношения говорящего и не связаны с пространственными культурными смыслами.

Заключение

Настоящее исследование выполнено в русле лингвокогнитивного и лингвокультурологического подходов к пониманию языка как атрибута сознания и результата познавательной и речевой деятельности человека и языковой семантики как знания об объекте (в широком смысле) обозначения, формирующегося под влиянием системно-языковых и концептуальных факторов. Концептуальная семантика во многом определяется особенностями национальной культуры в широком смысле слова. Культурная принадлежность – фактор, влияющий на всю деятельность человека, направленную на постижение мира в его первичном познании и вторичном – интерпретативном осмыслении. Культурные смыслы, получившие свою значимость в ходе жизнедеятельности народа, с необходимостью находят свое отражение в языковой семантике: все, что значимо для человека, находит фиксацию в языке. В то же время языковые единицы, используемые в речевой деятельности человека и хранящие информацию об объекте номинации, фактом своего функционирования в языке предопределяют изменения в соответствующих подсистемах языка. В частности, речь идет о процессах семантической деривации, фразеологизации, идиоматизации, символизации.

Изучение семантики фразеологизмов с топокомпонентом в аспекте влияния последних на формирование фразеологического значения и процессы идиоматизации, предпринятое в рамках настоящего диссертационного исследования, всецело подтверждает сказанное выше.

Обращение к топониму как имени собственному, не только самостоятельно функционирующему в языке, но и участвующему в процессах вторичной номинации, вызвано интересом к механизмам семантической трансформации и формирования языковой, в данном случае фразеологической, семантики, а также к процессам взаимодействия языка и культуры на уровне фразеологической системы, инкорпорирующей в себе языковую специфику и культурологические смыслы.

Исследование заключалось, во-первых, в выявлении идиоматического потенциала топонимов, а именно степени влияния семантики топонима на процессы идиоматизации. И, во-вторых, в определении статуса фразеологического выражения с топокомпонентом как знака лингвокультурного кода.

Проведение исследования предполагало выработку основных теоретических положений, определяющих общий научный подход и методику исследования. К таковым в кратком изложении относятся следующие:

- топонимы, активно функционирующие в системе языка, представляют собой семантически насыщенные знаки языка и культуры, семантическая структура которых представлена ядром – денотативным значением, соответствующим обобщенному представлению объекта номинации, и фоновой семантикой – совокупностью семантических элементов, фиксирующих знания носителей языка о географическом объекте;

- значимость фоновой семантики проявляется в использовании топонимов не только в адресной функции (указание на географический объект), но и в активном их функционировании как языковых единиц, актуализирующих те или иные характеристики объекта номинации, т.е. в функции характеристики, а также в процессах вторичной номинации и фразеологизации;

- семантическая насыщенность топонимов обусловлена, как правило, вхождением обозначаемого ими объекта – географической реалии – в сферу

культурных смыслов и, как следствие, приобретением символического значения в культуре народа, что предопределяет статус топонима быть знаком символа;

- являясь знаком символа, топоним неизбежно включается в систему кодовых знаков культуры и в своем прямом значении – в систему знаков пространственного кода культуры;

- все это подтверждает необходимость использования лингвокультурологического подхода к исследованию ФЕ с топокомпонентом, предусматривающего обращение к этнографической, исторической, мифологической и иного рода информации для описания семантики исследуемых единиц и механизмов их трансформации;

- непротиворечивое описание семантики топонимов возможно только на основе центральных положений когнитивного подхода, постулирующих сопряжение языкового и концептуального уровней познания, объясняющее корреляцию между языковой и концептуальной семантикой.

Наиболее значимые результаты исследования заключаются в разработке классификации ФЕ и устойчивых словосочетаний с топокомпонентом на основе критерия влияния семантики топокомпонента на значение выражения и процессы идиоматизации. Анализ эмпирического материала позволяет утверждать неоднородность исследуемых единиц, обусловленную различной интенсивностью проявления названного критерия. В итоге выделены три группы, влияние семантики топокомпонента в которых распределяется на шкале от полюса «сохранение топонимического значения и реализация его в части объема, определенной контекстом» до полюса «десемантизация топонима». Между этими полюсами располагается самая многочисленная группа ФЕ, топокомпонент которых является источником процесса идиоматизации, но в силу актуальности топонима в топонимической системе языка и соответствующего концепта в ЯКМ немцев, также реализует (подспудно) часть своего топонимического значения. Две другие группы значительно малочисленнее и описываются в терминах «устойчивые

словокомплексы неидиоматического характера» и «ФЕ с десемантизированным топокомпонентом», соответственно.

Результаты изучения особенностей функционирования топонимических фразеологизмов как знаков лингвокультурных кодов позволяют утверждать корреляцию между описанными выше группами и особенностями реализации фразеологическими выражениями с топокомпонентом функции знака культурного кода.

Описание семантики исследуемых ФЕ и устойчивых словосочетаний привело к выявлению двух основных функций, выполняемых ими. Это функции характеристики географического объекта, именуемого топонимом, и функция оценки объектов внешнего мира.

Первая характерна для устойчивых словосочетаний неидиоматического характера, в которых топокомпонент называет географический объект и под воздействием контекста реализует определенную часть семантики, идентифицируя (характеризуя) данный объект через его признаки.

Вторая функция состоит в использовании ФЕ с топокомпонентом исключительно с целью выражения эмоционально-оценочного отношения говорящего к предмету речи. Ограниченность исключительно оценкой без актуализации некоторого объема топонимической семантики характерна для ФЕ с десемантизированным топокомпонентом, поскольку в этом случае невозможно определить, о каком географическом объекте идет речь и почему.

Между этими двумя полюсами функционирует большое количество топонимических ФЕ, процесс идиоматизации в которых перевел выражение из группы описательных в группу оценочных. Переосмысление семантики выражения поменяло функциональную специфику ФЕ. Тем не менее, мотивируемость фразеологического значения, обусловленная наличием связи между ним и семантикой топонима, предопределяет актуализацию ряда семантических признаков топонима, составляющих основу идиоматического значения.

Понимание топонимических фразеологизмов как кодовых знаков культуры позволило соответственно дифференцировать все подвергнутые анализу единицы по признаку принадлежности их к знакам пространственного и /или аксиологического кода культуры. В результате исследуемые единицы были распределены на три группы: топонимические фразеологизмы как знаки пространственного кода культуры, ФЕ с топокомпонентом как знаки аксиологического и пространственного кода культуры и ФЕ с топокомпонентом как знаки только аксиологического кода культуры.

Осмысляя полученные результаты, можно утверждать выполнение всех поставленных в исследовании задач и достижение искомой цели.

Вектор дальнейшей работы по продолжению исследования может быть связан с такими сферами, как функционирование топонимов в несвойственных им изначально дискурсивных сферах: в языке компьютерных игр, в постфольклорных текстах (например, анекдотах), в художественном кинодискурсе и т. п., а также с изучением идиоматического потенциала топонимов в составе ФЕ на материале других языков и лингвокультур.

Список использованной литературы

1. Аванесова, Г. А. Коды культуры: понимание сущности, функциональная роль в культурной практике / Г. А. Аванесова, И. А. Купцова. – Текст : непосредственный // В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии: сборник статей по материалам XLVII Международной научно-практической конференции. – № 4 (47). – Новосибирск : СибАК, 2015. – С. 28–37.
2. Алефиренко, Н. Ф. Лингвокультурология : ценностно-смысловое пространство языка : учебное пособие / Н. Ф. Алефиренко. – Москва : Флинта : Наука, 2010. – 224 с. – Текст : непосредственный.
3. Алефиренко, Н. Ф. Спорные проблемы семантики / Н. Ф. Алефиренко. – Москва : Гнозис, 2005. – 326 с. – Текст : непосредственный.
4. Алещенко, Е. И. Этноязыковая картина мира в текстах русского фольклора: на материале народной сказки : специальность 10.02.01 «Русский язык» : диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук / Алещенко Елена Ивановна ; Волгоградский государственный педагогический университет. – Волгоград, 2008. – 432 с. – Текст : непосредственный.
5. Арсентьева, Е. Ф. Фразеология и фразеография в сопоставительном аспекте : на материале русского и английского языков / Е. Ф. Арсентьева. – Казань : Казанский государственный университет, 2006. – 172 с. – Текст : непосредственный.
6. Артемова, А. Ф. Страноведение через идиоматику : учебное пособие по английскому языку / А. Ф. Артемова, О. А. Леонович. – 2014. – 128 с. – Текст : непосредственный.
7. Арутюнова, Н. Д. К проблеме функциональных типов лексического значения / Н. Д. Арутюнова. – Текст : непосредственный // Аспекты семантических исследований. – Москва : Наука, 1980. – С. 156–249.

8. Арутюнова, Н. Д. Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. – 2-е изд., испр. – Москва : Языки русской культуры, 1999. – 896 с. – Текст : непосредственный.
9. Ахманова, О. С. К вопросу о слове в языке и речи / О. С. Ахманова. – Текст : непосредственный // Доклады и сообщения филологического факультета МГУ. – 1948. – Вып. 5. – С. 5–18.
10. Ахманова, О. С. Топонимика как социолингвистическая проблема: на материале новых наименований / О. С. Ахманова, В. Д. Беленькая. – Текст : непосредственный // Научные доклады высшей школы: Филологические науки. – 1967. – №6. – С. 79–89.
11. Бабушкин, А. П. Концепты разных типов в лексике и фразеологии и методика их выявления / А. П. Бабушкин. – Текст : непосредственный // Методологические проблемы когнитивной лингвистики : научное издание / научный редактор И. А. Стернин. – Воронеж : МИОН : Воронежский государственный университет, 2001. – С. 52–58.
12. Багаутдинова, Г. А. Человек во фразеологии: антропоцентрический и аксиологический аспекты : специальность 10.02.20 «Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание» : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук / Багаутдинова Гузель Анваровна ; Казанский государственный университет им. В. И. Ульянова-Ленина. – Казань, 2007. – 35 с. – Текст : непосредственный.
13. Бакшеева, М. Г. Топонимическая конверсия географических апеллятивов : специальность 10.02.01 «Русский язык» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Бакшеева Марина Геннадьевна ; Тюменский государственный университет. – Тюмень, 2001. – 18 с. – Текст : непосредственный.
14. Баранов, А. Н. Аспекты теории фразеологии / А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский ; Российская академия наук, Институт русского языка

- им. В. В. Виноградова. – Москва : Знак, 2008. – 656 с. – Текст : непосредственный.
15. Баранов, А. Н. Внутренняя форма идиом и проблема толкования / А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский. – Текст : непосредственный // Известия Академии наук. Серия литературы и языка. – 1998. – Т. 57, №1. – С. 36–44.
16. Баранов, А. Н. Концептуальная модель значения идиомы / А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский. – Текст : непосредственный // Когнитивные аспекты лексики. Немецкий язык. Сборник научных трудов. – Тверь : Тверской государственный университет, 1991. – С. 3–13.
17. Баранов, А. Н. Основы фразеологии (краткий курс): учебное пособие / А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский ; Российский государственный гуманитарный университет, Институт лингвистики, Российская академия наук, Институт русского языка им. В. В. Виноградова. – 2-е изд., стер. – Москва : ФЛИНТА, 2014. – 310 с. – Текст : непосредственный.
18. Безукладова, И. Ю. Пространство человека и его языковая категоризация / И. Ю. Безукладова ; Министерство образования и науки Российской Федерации, Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина. – Тамбов : Издательский дом ТГУ, 2013. – 217 с. – Текст : непосредственный.
19. Беленькая, В. Д. Очерки англоязычной топонимики : учебное пособие / В. Д. Беленькая. – Москва : Высшая школа, 1977. – 277 с. – Текст : непосредственный.
20. Беленькая, В. Д. Топонимы в составе лексической системы языка: учебное пособие / В. Д. Беленькая. – Москва : Издательство МГУ, 1969. – 166 с. – Текст : непосредственный.
21. Белова, Ю. С. Фразеологические единицы английского и немецкого языка как источник культуроведческой информации / Ю. С. Белова –

- Текст : непосредственный // Основное высшее и дополнительное образование : проблемы дидактики и лингвистики : сборник научных трудов. – Волгоград, 2000. – Вып. 1. – С. 81–85.
22. Беляев, А. Н. Топонимы как источник историко-лингвистической и культурологической информации / А. Н. Беляев ; научный редактор Н. З. Мурясов. – Москва ; Берлин : Директ-Медиа, 2018. – 395 с. – Текст : непосредственный.
23. Беляев, А. Н. Формирование и развитие топонимической системы немецкого языка : специальность 10.02.04 «Германские языки» : диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук / Беляев Андрей Николаевич ; Башкирский государственный университет. – Уфа, 2016. – 426 с. – Текст : непосредственный.
24. Березович, Е. Л. Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте: мифопоэтический образ пространства : [монография] / Е. Л. Березович ; под редакцией А. К. Матвеева. – Изд. 2-е, испр. и доп. – Москва : URSS : КомКнига, 2010. – 235 с. – Текст : непосредственный.
25. Березович, Е. Л. Язык и традиционная культура: этнолингвистические исследования / Е. Л. Березович. – Москва : Индрик, 2007. – 599 с. – Текст : непосредственный.
26. Бессонова, О. Л. Отражение культурных кодов во фразеологической картине мира / О. Л. Бессонова. – Текст : непосредственный // Multilingual education: theories and practices: International Forum Proceedings. – Arkalyk : Arkalyk State Pedagogical Institute after Y. Altynsarin, 2017. – P. 13–23.
27. Бижева, З. Х. Адыгская языковая картина мира / З. Х. Бижева. – Нальчик : Эльбрус, 2000. – 128 с. – Текст : непосредственный.
28. Бижева, З. Х. Языковая картина мира : лингвокультурологический аспект : учебное пособие / З. Х. Бижева ; Министерство образования и науки Российской Федерации, Кабардино-Балкарский государственный

- университет им. Х. С. Бербекова. – Нальчик, 2018. – 59 с. – Текст : непосредственный.
29. Богатырева, С. Т. Национально-культурная семантика фразеологии современного английского и немецкого языков // С. Т. Богатырева. – текст : непосредственный / Единицы и категории современной лингвистики : сборник статей, посвященных юбилею В. Д. Калиущенко. – Донецк : Юго-Восток, 2007. – С. 29–39.
30. Болдырев, Н. Н. Когнитивная семантика : курс лекций по английской филологии : учебное пособие / Н. Н. Болдырев. – Тамбов: Издательство ТГУ, 2000. – 123 с. – Текст : непосредственный.
31. Болдырев, Н. Н. Концепт и значение слова / Н. Н. Болдырев. – Текст : непосредственный // Методологические проблемы когнитивной лингвистики : научное издание / научный редактор И. А. Стернин. – Воронеж : МИОН : Воронежский государственный университет, 2001. – С. 25–36.
32. Болдырев, Н. Н. Функционально-семиологический принцип исследования языковых единиц / Н. Н. Болдырев. – Текст : непосредственный // Язык и культура. Факты и ценности. К 70-летию Ю. С. Степанова / ответственный редактор Е. С. Кубрякова, Т. Е. Янко – Москва : Языки славянской культуры, 2001. – С. 383–393.
33. Болотов, В. И. К вопросу о значении имен собственных / В. И. Болотов. – Текст : непосредственный // Восточнославянская ономастика : сборник статей / ответственный редактор А. В. Суперанская ; Академия наук СССР, Институт языкознания, Институт русского языка, Польская академия наук, Комитет славистов. – Москва : Наука, 1972. – С. 333–345.
34. Бондалетов, В. Д. Русская ономастика : учебное пособие / В. Д. Бондалетов. – Москва : Просвещение, 1983. – 224 с. – Текст : непосредственный.
35. Бондарева, Л. М. К проблеме интерпретации концепта «пространство» в отечественной и зарубежной лингвистике / Л. М. Бондарева. – Текст :

- непосредственный // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: филология, педагогика, психология. – 2015. – Вып. 2. – С. 23–30.
36. Бороздина, И. С. «Пространственное» и «непространственное» в семантической структуре слова / И. С. Бороздина. – Текст : непосредственный // Теория языка и межкультурная коммуникация. – 2014. – № 2 (16). – С. 15–20.
37. Бояркин, В. Д. Фразеологические единицы с ономастическим компонентом в современном русском литературном языке : специальность 10.02.01 «Русский язык» : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Бояркин Владимир Дмитриевич ; Ленинградский государственный университет им. А. А. Жданова. – Ленинград, 1987. – 361 с. – Текст : непосредственный.
38. Братчикова, Н. С. Цветовая картина мира в финском и русском языковом сознании : специальность 10.02.20 «Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание» : диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук / Братчикова Надежда Станиславовна ; Московский государственный лингвистический институт. – Москва, 2006. – 349 с. – Текст : непосредственный.
39. Бронник, Л. В. Природа концепта: «ментализм – дуализм – физикализм» или новый взгляд на проблему? / Л. В. Бронник. – Текст : непосредственный // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2009. – № 1. – С. 13–20.
40. Булаховский, Л. А. Введение в языкознание : учебное пособие. Ч. 2 / Л. А. Булаховский. – Москва : Учпедгиз, 1953. – 178 с. – Текст : непосредственный.
41. Буркова, Т. А. Языковая картина мира и топонимические номинации / Т. А. Буркова, Т. В. Передреева. – Текст : непосредственный // Вестник

- Тверского государственного университета. Серия: Филология. – 2016. – № 2. – С.172–179.
42. Бутенко, Е. Ю. Основы лингвокультурологии : учебное пособие / Е. Ю. Бутенко ; Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации. – Москва : Финансовый университет, 2015. – 172 с. – Текст : непосредственный.
43. Васильева, Т. Ю. Коды культуры – ойконимы: проблемы взаимосвязи / Т. Ю. Васильева. – Текст : непосредственный // Смоленск и Смоленщина в именах и названиях: история и современность (к 150-летию со дня основания города): сборник статей по материалам докладов и сообщений конференции (Смоленск, 4-5 октября 2012 года). – Смоленск : Маджента, 2012. – С. 65–69.
44. Введение в лингвокультурологию : учебное пособие / И. В. Палашевская, Л. Н. Ребрина, А. С. Бухонкина [и др.] ; научные редакторы И. В. Палашевская, Н. Л. Шамне. – Волгоград : Волгоградский государственный университет, 2020. – 148 с. – Текст : непосредственный.
45. Вежбицкая, А. Язык. Культура. Познание / А. Вежбицкая ; ответственный редактор и составитель М. А. Кронгауз. – Москва : Русское слово, 1996. – 411 с. – Текст : непосредственный.
46. Верещагин, Е. М. Национально-культурная семантика русских фразеологизмов / Е. М. Верещагин. – Текст : непосредственный // Словари и лингвострановедение : сборник статей. – Москва : Русский язык, 1982. – С. 89–98.
47. Верещагин, Е. М. Язык и культура : Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного : Методическое руководство / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. – 3-е изд., перераб. и доп. – Москва : Русский язык, 1983. – 299 с. – Текст : непосредственный.

48. Виноградов, В. В. Лексикология и лексикография : Избранные труды / В. В. Виноградов ; ответственный редактор В. Г. Костомаров ; АН СССР. – Москва : Наука, 1977. – 312 с. – Текст : непосредственный.
49. Виноградов, В. В. Об основных типах фразеологических сочетаний в русском языке / В. В. Виноградов. – Текст : непосредственный // Лексикология и лексикография : Избранные труды / В. В. Виноградов. – Москва : Наука, 1977. – С. 140–161.
50. Воркачев, С. Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании / С. Г. Воркачев. – Текст : непосредственный // Филологические науки. – 2001. – № 5. – С.64–71.
51. Воркачев, С. Г. Постулаты лингвоконцептологии / С. Г. Воркачев. – Текст : непосредственный // Антология концептов : словарь / научный редактор В. И. Карасик, И. А. Стернин. – Иваново : Гнозис, 2007. – С. 10–11.
52. Воркачев, С. Г. Счастье как лингвокультурный концепт : монография / С. Г. Воркачев. – Москва : Гнозис, 2004. – 237 с. – Текст : непосредственный.
53. Воробьев, В. В. Лингвокультурология : монография / В. В. Воробьев. – Москва : РУДН, 2008. – 336 с. – Текст : непосредственный.
54. Габдрахманова, К. В. Топонимы в современном немецком языке : специальность 10.02.04 «Германские языки» : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Габдрахманова Ксения Владиславовна ; Башкирский государственный университет. – Уфа, 2016. – 172 с. – Текст : непосредственный.
55. Газизов, Р. А. Лингвокультурология и современная лексикография / Р. А. Газизов, Р. З. Мурясов. – Текст : непосредственный // Вестник Башкирского университета. – 2016. – Т. 21, №2. – С. 413–421.
56. Гак, В. Г. Языковые преобразования / В. Г. Гак. – Москва : Школа «Языки русской культуры», 1998. – 763 с. – Текст : непосредственный.

57. Герд, А. С. О некоторых проблемах этнолингвистики / А. С. Герд. – Текст : непосредственный // Этнографическое обозрение. – 1994. – № 6. – С. 122–123.
58. Гладченкова, Е. А. О классификации онимов в составе жаргонных фразеологизмов по характеру референтной отнесенности / Е. А. Гладченкова. – Текст : непосредственный // Научная мысль Кавказа. – 2012. – № 2 (70). – С.167–172.
59. Голев, Н. Д., Дмитриева Л.М. Единство онтологического и ментального бытия топонимической системы (к проблеме когнитивной топонимики) / Н. Д. Голев, Л. М. Дмитриева. – Текст : непосредственный // Вопросы ономастики. – 2008. – № 5. – С. 5–18.
60. Горбаневский, М. В. Лингвокультурология и топонимика: новый взгляд на природу географических названий / М. В. Горбаневский. – Текст : непосредственный // Функциональная семантика языка, семиотика знаковых систем и методы их изучения : тезисы докладов международной конференции. Ч. II. – Москва : РУДН, 1997. – С. 339–342.
61. Гудков, Д. Б. Теория и практика межкультурной коммуникации / Д. Ю. Гудков. – Москва : Гнозис, 2003. – 288 с. – Текст : непосредственный.
62. Добровольский, Д. О. Беседы о немецком слове / Д. О. Добровольский ; Российская академия наук, Институт русского языка им. В. В. Виноградова, Институт языкознания. – Москва : Языки славянской культуры, 2013. – 752 с. – (Studia Philologica). – Текст : непосредственный.
63. Добровольский, Д. О. Изучение фразеологии в высшей школе (на материале немецкого языка) / Д. О. Добровольский. – Текст : непосредственный // Филологические науки. – 1983. – №3. – С. 81–83.
64. Добровольский, Д. О. Национально-культурная специфика во фразеологии / Д. О. Добровольский. – Текст : непосредственный // Вопросы языкознания. – 1997. – №6. – С. 37–48.

65. Доржиева, Г. С. Ономазиология vs ономастика: проблемы номаниции: учебное пособие / Г. С. Доржиева, А. А. Щербакова. – Улан-Удэ : Издательство Бурятского госуниверситета, 2019. – 196 с.
66. Евсюкова, Т. В. Аксиологический код словесных товарных знаков в создающей и принимающей лингвокультурах / Т. В. Евсюкова, О. В. Глухова. – Текст : непосредственный // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. – 2019. – № 1 (232). – С. 35–40.
67. Евсюкова, Т. В. Лингвокультурология : учебник / Т. В. Евсюкова, Е. Ю. Бутенко. – 5-е изд., стер. – Москва: ФЛИНТА, 2022. – 480 с. – Текст : непосредственный.
68. Ефимова, А. Д. Типы лингвокультурных концептов и их ценностные характеристики (на примере лингвокультурных типажей «щеголи» в английской и русской лингвокультурах) / А. Д. Ефимова. – Текст : непосредственный // Преподаватель XXI век. – 2023. – № 1, Ч.2. – С.390–403.
69. Жучкевич, В. А. Общая топонимика : учебное пособие / В. А. Жучкевич. – Минск : Вышэйшая школа, 1980. – 288 с. – Текст : непосредственный.
70. Залевская, А. А. Проблема «тело-разум» в трактовке А. Дамазио / А. А. Залевская. – Текст : непосредственный // Язык и познание : методологические проблемы и перспективы / главный редактор А. В. Кравченко. – Москва : Гнозис, 2006. – С. 82–104. – (Studia Linguistica Cognitiva).
71. Залевская, А. А. Психолингвистические исследования. Слово. Текст : избранные труды / А. А. Залевская. – Москва: Гнозис, 2005. – 543 с. – Текст : непосредственный.
72. Зализняк, А. А. Константы и переменные русской языковой картины мира / А. А. Зализняк, И. Б. Левонтина, А. Д. Шмелев. – Москва : Языки славянских культур, 2012. – 696 с. – Текст : непосредственный.

73. Зализняк, А. А. Проблема внутренней формы слова в типологическом аспекте / А. А. Зализняк. – Текст : непосредственный // Язык. Личность. Текст : сборник статей к 70-летию Т. М. Николаевой / Институт славяноведения РАН ; ответственный редактор В. Н. Топоров. – Москва : Языки славянских культур, 2005. – С. 87–106.
74. Замалетдинов, Р. Р. Национально-языковая картина татарского мира : специальность 10.02.02. «Языки народов Российской Федерации (татарский язык)» : диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук / Замалетдинов Радиф Рифкатович ; Казанский государственный педагогический университет. – Казань, 2004. – 499 с. – Текст : непосредственный.
75. Иванов, Е. Е. Фоновая семантика антропонимов / Е. Е. Иванов. – Текст : непосредственный // Региональная ономастика : Проблемы и перспективы исследования : сборник научных статей / под научной редакцией А.М. Мезенко. – Витебск : ВГУ им. П. М. Машерова, 2022. – С. 23–28.
76. Ивлева, Г. Г. Семантические особенности слов в немецком языке : учебное пособие / Г. Г. Ивлева. – Москва : Высшая школа, 1978. – 104 с. – Текст : непосредственный.
77. Имя нарицательное и собственное : сборник статей / ответственный редактор А. В. Суперанская ; АН СССР, Институт языкознания. – Москва : Наука, 1978. – 207 с. – Текст : непосредственный.
78. Ирисханова, К. М. Функционирование топонимов в художественной литературе : специальность 10.02.04 «Германские языки» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Ирисханова Кира Максимовна ; Московский государственный педагогический институт иностранных языков им. Мориса Тореза. – Москва, 1978. – 20 с. – Текст : непосредственный.
79. Кадачиева, Х. М. Ценностная картина мира и ее отражение в английском языке (на материале современных британских рассказов) /

- Х. М. Кадачиева, Н. З. Магомедова. – Текст : непосредственный // Вестник Челябинского государственного университета. Серия Филология. Искусствоведение. – 2010. – № 34. – С. 48–50.
80. Калинина, Е. Л. Особенности адаптации субстратных топонимов в концептосфере языка-приемника : на материале ойконимов Амурской области : специальность 10.02.19 «Теория языка» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Калинина Елена Леонидовна ; Алтайский государственный университет. – Барнаул, 2009. – 14 с. – Текст : непосредственный.
81. Карасик, В. И. Лингвокультурный концепт как единица исследования / В. И. Карасик, Г. Г. Слышкин. – Текст : непосредственный // Методологические проблемы когнитивной лингвистики : научное издание / научный редактор И. А. Стернин. – Воронеж : МИОН : Воронежский государственный университет, 2001. – С. 75–79.
82. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик ; научно-исследовательская лаборатория «Аксиологическая лингвистика». – Москва : Гнозис, 1999. – 390 с. – Текст : непосредственный.
83. Керт, Г. М. Топонимное видение народа (на материале саамской топонимии) / Г. М. Керт. – Текст : непосредственный // Этническое и языковое самосознание : Материалы конференции (Москва, 13-15 декабря 1995 г.) / ответственный редактор В. П. Нерознак. – Москва : ТОО «ФИАНфонд», 1995. – С. 70–71.
84. Климкова, Л. А. Нижегородская микротопонимия в языковой картине мира : специальность 10.02.01 «Русский язык» : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук / Климкова Людмила Алексеевна ; Московский педагогический государственный университет. – Москва, 2008. – 65 с. – Текст : непосредственный.

85. Ковалевич, Е. П. Опыт метонимического моделирования фрагментов англоязычной картины мира (на примере концепта FLOWER) / Е. П. Ковалевич, О. И. Реунова. – Текст : непосредственный // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. – 2010. – № 1. – С. 64–72.
86. Ковлакас, Е. Ф. Особенности формирования топонимической картины мира: лексико-прагматический и этнокультурный аспекты : специальность 10.02.19 «Теория языка» : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук / Ковлакас Елена Федоровна ; Кубанский государственный университет. – Краснодар. – 2009. – 39 с. – Текст : непосредственный.
87. Ковшова, М. Л. Анализ фразеологизмов и коды культуры / М. Л. Ковшова. – Текст : непосредственный // Известия РАН. Серия литературы и языка. – 2008. – Т. 67, №2. – С.60–65.
88. Ковшова, М. Л. Лингвокультурологический метод во фразеологии : коды культуры / М. Л. Ковшова ; Российская академия наук, Институт языкознания. – Изд. 3-е. – Москва : URSS, 2016. – 456 с. – Текст : непосредственный.
89. Колесов, И. Ю. Интерпретирующая функция языка: перцептивно-пространственная акцентуация в картине мира / И. Ю. Колесов. – Текст : непосредственный // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. – 2020. – № 1. – С. 67–81.
90. Копчук, Л. Б. Фразеология немецкого языка Австрии в национально-культурном контексте / Л. Ю. Копчук. – Текст : непосредственный // Вопросы филологии. – 2004. – №1. – С. 21–24.
91. Корнева, В. В. Основные направления изучения топонимов / В. В. Корнева. – Текст : непосредственный // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2012. – № 2. – С. 21–26.

92. Корнилов, О. А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов / О. А. Корнилов. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва : ЧеРо, 2003. – 349 с. – Текст : непосредственный.
93. Котельникова, К. В. Некоторые аспекты изучения топонимов в немецком языке / К. В. Котельникова. – Текст : непосредственный // Вестник Башкирского университета. – 2013. – Т.18, №4. – С. 1179–1183.
94. Котляров, И. В. Культурный код: к новой системе ценностей (социально-философские тренды) / И. В. Котляров. – Текст : электронный // Мир науки. Социология, филология, культурология. – 2022. – Т.1, № 3. – URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/48SCSK322.pdf>.
95. Коханая, О. Е. Культурный код россиян как объект воздействия западной культуры / О. Е. Коханая. – Текст : непосредственный // Знание. Понимание. Умение. – 2023. – № 1. – С. 181–197.
96. Кравченко, А. В. Является ли язык репрезентативной системой знания? / А. В. Кравченко. – Текст : непосредственный // Язык и познание : методологические проблемы и перспективы / главный редактор А. В. Кравченко. – Москва : Гнозис, 2006. – С. 135–156. – (Studia Linguistica Cognitiva).
97. Кравченко, С. А. Культурная социология Дж. Александера (генезис, понятия, возможности инструментария) / С. А. Кравченко. – Текст : непосредственный // Социологические исследования. – 2010. – № 5. – С. 13–22.
98. Красных, В. В. Коды и эталоны культуры (приглашение к разговору) / В. В. Красных. – Текст : непосредственный // Язык, сознание, коммуникация: сборник научных статей. Вып. 19 / ответственные редакторы В. В. Красных, А. И. Изотов. – Москва : МАКС Пресс, 2001. – С. 5–19.
99. Красных, В. В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология : Лекционный курс / В. В. Красных. – Москва : Гнозис, 2002. – 284 с. – Текст : непосредственный.

100. Кубрякова, Е. С. Когнитивные аспекты в исследовании семантики слова // Е. С. Кубрякова. – Текст : непосредственный // Семантика языковых единиц. : доклады VI Международной конференции. Т. 1. – Москва : МГОПУ, 1998. – С. 47–50.
101. Кубрякова, Е. С. Об установках когнитивной науки и актуальных проблемах когнитивной лингвистики / Е. С. Кубрякова. – Текст : непосредственный // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2004. – № 1. – С. 5–8.
102. Кубрякова, Е. С. Обеспечение внутренней деятельности и проблемы внутреннего лексикона / Е. С. Кубрякова. – Текст : непосредственный // Человеческий фактор в языке. Язык и порождение речи / Е. С. Кубрякова, А. М. Шахнарович, Л. В. Сахарный ; АН СССР, Институт языкознания. – Москва : Наука, 1991. – С. 4–7.
103. Кубрякова, Е. С. Размышления о судьбах когнитивной лингвистики на рубеже веков / Е. С. Кубрякова. – Текст : непосредственный // Вопросы филологии. – 2004. – № 1. – С. 10–34.
104. Кубрякова, Е. С. Язык и знание : На пути получения знаний о языке : Части речи с когнитивной точки зрения : Роль языка в познании мира / Е. С. Кубрякова. – Москва : Языки славянской культуры, 2004. – 556 с. – Текст : непосредственный.
105. Кунин, А. В. Курс фразеологии современного английского языка / А. В. Кунин. – Дубна : Феникс+, 2005. – 488 с. – Текст : непосредственный.
106. Лиховидова, Т. В. Фразеологические единицы с именами собственными в современном английском языке / Т. В. Лиховидова. – Текст : непосредственный // Иностранные языки в школе. – 1971. – №6. – С. 22–26.
107. Логический анализ языка : Избранное : 1988-1995/ составитель и ответственный редактор Н. Д. Арутюнова ; Российская академия наук,

- Институт языкознания. – Москва : Индрик, 2003. – 696 с. – Текст : непосредственный.
108. Лосев, А. Ф. Диалектика мифа / А. Ф. Лосев. – Текст : непосредственный // Миф. Число. Сущность : сборник / А. Ф. Лосев. – Москва : Мысль, 1994. – С. 8–216.
109. Лотман, Ю. М. Внутри мыслящих миров : человек - текст - семиосфера – история / Ю. М. Лотман. – Москва : Языки русской культуры, 1999. – 447 с. – Текст : непосредственный.
110. Мальцева, Д. Г. Фразеологические единицы немецкого языка в лингвострановедческом аспекте / Д. Г. Мальцева. – Текст : непосредственный // Иностранные языки в школе. – 1984. – № 3. – С. 29–35.
111. Манапова, В. Э. Трансформация культурных кодов: от образа к сигналу / В. Э. Манапова. – Текст : непосредственный // Общество: философия, история, культура. – 2019. – № 8(64). – С. 155–158.
112. Манушкина, Г. П. Фразеологические единицы с компонентом «имя собственное» в современном английском языке : специальность 10.02.04 «Германские языки» : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Манушкина Галина Петровна ; Московской государственной педагогической институт им. В. И. Ленина. – Рязань, 1973. – 255 с. – Текст : непосредственный.
113. Маслова, В. А. Духовный код и его роль на пути единения восточных славян / В. А. Маслова. – Текст : непосредственный // Университетская славистика : традиции, современное состояние, перспективы : международный научный сборник. – Белград : Филологический факультет, 2017. – С. 491–500.
114. Маслова, В. А. Духовный код с позиции лингвокультурологии: единство сакрального и светского / В. А. Маслова. – Текст : непосредственный // Метафизика. – 2016. – № 4 (22). – С. 78–98.

115. Маслова, В. А. Когнитивная лингвистика : учебное пособие. / В. А. Маслова. – 3-е изд-е, перераб. и доп. – Минск : Тетра Системс, 2008. – 272 с. – Текст : непосредственный.
116. Маслова, В. А. Культурно-национальная специфика русской фразеологии / В. А. Маслова. – Текст : непосредственный // Культурные слои во фразеологизмах и дискурсивных практиках : сборник статей / Российская академия наук, Институт языкознания ; ответственный редактор В. Н. Телия. – Москва : Языки славянской культуры, 2004. – С. 69–76.
117. Маслова, В. А. Лингвокультурологический анализ : учебник для вузов / В. А. Маслова, У. М. Бахтикиреева. – Москва : Издательство Юрайт, 2023. – 245 с. – Текст : непосредственный.
118. Маслова, В. А. Лингвокультурология : учебное пособие / В. А. Маслова. – Москва : Academia, 2001. – 208 с. – Текст : непосредственный.
119. Маслова, В. А. Лингвокультурология : учебное пособие / В. А. Маслова. – 2-е изд., стер. – Москва : Academia, 2004 – 202 с. – Текст : непосредственный.
120. Мезенко, А. М. Урбанонимия как язык культуры / А. М. Мезенко. – Текст : непосредственный // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия Филология. Социальные коммуникации. – 2011. – Т. 24 (63), № 2- 1. – С. 388–392.
121. Мельникова, Ю. Н. Структурно-семантические особенности топонимов немецкого языка (диахронический аспект) : специальность 10.02.04 «Германские языки» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Мельникова Юлия Николаевна ; Белгородский государственный университет. – Белгород, 2008. – 22 с. – Текст : непосредственный.
122. Мокиенко, В. М. О собственном имени в составе фразеологии / В. М. Мокиенко. – Текст : непосредственный // Перспективы развития

- славянской ономастики : сборник статей / АН СССР, Институт языкознания ; ответственные редакторы А. В. Суперанская, Н. В. Подольская. – Москва : Наука, 1980. – С. 57–67.
123. Мокиенко, В. М. Славянская фразеология : учебное пособие / В. М. Мокиенко. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва : Высшая школа, 1989. – 286 с. – Текст : непосредственный.
124. Мурзаев, Э. М. Очерки топонимики / Э. М. Мурзаев ; АН СССР, Институт географии. – Москва : Мысль, 1979. – 382 с. – Текст : непосредственный.
125. Мурзаев, Э. М. Топонимика и география / Э. М. Мурзаев ; Российская академия наук, Институт географии. – Москва : Наука, 1995. – 304 с. – Текст : непосредственный.
126. Мурысов, Р. З. Имена собственные в системе языка : монография / Р. З. Мурысов. – Уфа : РИЦ БашГУ, 2015. – 128 с. – Текст : непосредственный.
127. Мурысов, Р. З. Имя собственное в современном немецком языке : учебное пособие / Р. З. Мурысов. – Уфа : БГУ, 1983. – 76 с. – Текст : непосредственный.
128. Мурысов, Р. З. Топонимы в системе языка / Р. З. Мурысов. – Текст : непосредственный // Вестник Башкирского государственного университета. – 2013. – Т.18, № 3. – С. 753–763.
129. Никитин, М. В. Основания когнитивной семантики : учебное пособие / М. В. Никитин. – Санкт-Петербург : Издательство РГПУ им. А. И. Герцена, 2003. – 277 с. – Текст : непосредственный.
130. Никонов, В. А. Введение в топонимику / В. А. Никонов. – Изд. 2-е. – Москва : URSS : ЛКИ, 2011. – 184 с. – Текст : непосредственный.
131. Никонов, В. А. Имя и общество / В. А. Никонов ; АН СССР, Институт этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. – Москва : Наука, 1974. – 280 с. – Текст : непосредственный.

132. Никонов, В. А. Краткий топонимический словарь / В. А. Никонов. – Изд. 2-е. – Москва : URSS : ЛИБРОКОМ, 2010. – 512 с. – Текст : непосредственный.
133. Никонов, В. А. Этнография и ономастика (на материале Украины) / В. А. Никонов. – Текст : непосредственный // Советская этнография. – 1971. – № 5. – С. 25–36.
134. Передреева, Т. В. Лингвокультурологический потенциал немецких топонимов : специальность 10.02.04 «Германские языки» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Передреева Татьяна Владимировна ; Башкирский государственный университет. – Уфа, 2018. – 19 с. – Текст : непосредственный.
135. Пименова, М. В. Концепты внутреннего мира : Русско-английские соответствия : специальность 10.02.01 «Русский язык» : диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук / Пименова Марина Владимировна ; Владимирский государственный педагогический университет. – Санкт-Петербург, 2001. – 497 с. – Текст : непосредственный.
136. Подольская, Н. В. Какую информацию несет топоним? / Н. В. Подольская. – Текст : непосредственный // Принципы топонимики : [материалы совещания] / АН СССР, Отделение литературы и языка, Топонимическая комиссия Московского филиала Географического общества. – Москва : Наука, 1964. – С. 87–99.
137. Подольская, Н. В. Ономастическое словообразование : сопоставительный анализ на материале восточнославянской ономии : специальность 10.02.19 «Общее языкознание, социолингвистика, психолингвистика» : диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук / Подольская Наталия Владимировна. – Москва, 1990. – 311 с. – Текст : непосредственный.

138. Подольская, Н. В. Словарь русской ономастической терминологии / Н. В. Подольская. – Москва : Наука, 1978. – 198 с. – Текст : непосредственный.
139. Подольская, Н. В. Типовые восточнославянские топоосновы : Словообразовательный анализ / Н. В. Подольская. – Москва : Наука, 1983. – 160 с. – Текст : непосредственный.
140. Пономаренко, А. В. Дискурсивные характеристики топонимов в публицистическом тексте (на материале американской прессы) : специальность 10.02.04 «Германские языки» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Пономаренко Алена Викторовна ; Московский государственный лингвистический университет. – Москва. – 2003. – 28 с. – Текст : непосредственный.
141. Попова, З. Д. Когнитивная лингвистика / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – Москва : АСТ : Восток-Запад, 2007. – 314 с. – Текст : непосредственный.
142. Попова, З. Д. Очерки по когнитивной лингвистике / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – Воронеж : Истоки, 2003. – 191 с. – Текст : непосредственный.
143. Попова, З. Д. Семантико-когнитивный анализ языка / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – Воронеж : Истоки, 2006. – 226 с. – Текст : непосредственный.
144. Постовалова, В. И. Картина мира в жизнедеятельности человека / В. И. Постовалова. – Текст : непосредственный // Роль человеческого фактора в языке : Язык и картина мира / Б. А. Серебренников, Е. С. Кубрякова, В. И. Постовалова и др. ; АН СССР, Институт языкознания. – Москва : Наука, 1988. – С. 8–69.
145. Постовалова, В. И. Лингвокультурология в свете антропологической парадигмы (к проблеме оснований и границ современной фразеологии) / В. И. Постовалова. – Текст :

- непосредственный // Фразеология в контексте культуры / Российская академия наук, Институт языкознания ; ответственный редактор В. Н. Телия. – Москва : Языки русской культуры, 1999. – С. 25–33.
146. Прохоров, Ю. Е. В поисках концепта / Ю. Е. Прохоров. – Москва: Флинта : Наука, 2008. – 176 с. – Текст : непосредственный.
147. Пугач, С. А. Оживление внутренней формы слова / С. А. Пугач. – Текст : непосредственный // Русская речь. – 1978. – № 2. – С. 52–57.
148. Пулатова, Р. Р. Фразеологические единицы как вербализаторы структур знаний исторического характера / Р. Р. Пулатова. – Текст : электронный // Бюллетень науки и практики. – 2022. – Т. 8, № 4. – С. 585–589. – URL:
<https://bulletennauki.ru/gallery/%D0%9F%D1%83%D0%BB%D0%B0%D1%82%D0%BE%D0%B2%D0%B0%20%D0%A0.%20%D0%A0.%20.pdf>
 (дата обращения: 01.10.2022).
149. Пучкова, Е. В. Культурный код «дерево» в научном дискурсе / Е. В. Пучкова. – Текст : непосредственный // Амурский научный вестник. – 2019. – № 2. – С. 58–62.
150. Радбиль, Т. Язык и мир : парадоксы взаимоотражения / Т. Б. Радбиль ; Институт языкознания Российской академии наук, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского. – Москва : ЯСК, 2017. – 592 с. – Текст : непосредственный.
151. Реформатский, А. А. Введение в языкознание : учебник / А. А. Реформатский. – Москва : Аспект Пресс, 1996. – 536 с. – Текст : непосредственный.
152. Рипецкая, О. Ф. Славянская топонимика между Одером и Вислой в немецком языке (XII-XVIII вв.) : специальность 10.00.00 «Филология» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Рипецкая Ольга Феодосьевна ;

- Львовский государственный университет им. Ивана Франко. – Львов, 1954. – 15 с. – Текст : непосредственный.
153. Розен, Е. В. Немецкая лексика: история и современность / Е. В. Розен. – Москва : Высшая школа, 1991. – 96 с. – Текст : непосредственный.
154. Рязановский, Л. М. Идеографические аспекты немецкой фразеологии / Л. М. Рязановский. – Санкт-Петербург : Издательство СПбГУ, 1997. – 199 с. – Текст : непосредственный.
155. Сабитова, З. К. Лингвокультурология : учебник / З. К. Сабитова. – 3-е изд., стер. – Москва : ФЛИНТА, 2019. – 523 с. – URL: <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=375743> (дата обращения: 01.10.2022). – Режим доступа: по подписке. – Текст : электронный.
156. Сазонова, Т. Ю. Содержание пространственных концептов как отражение культурного знания / Т. Ю. Сазонова, И. С. Бороздина. – Текст : непосредственный // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2010. – № 2 (23). – С. 27–33.
157. Самигуллина, А. С. Метафора в когнитивно-семиотическом освещении : монография / А. С. Самигуллина. – Уфа : РИО БашГУ, 2008. – 316 с. – Текст : непосредственный.
158. Самигуллина, А. С. Пространственный код культуры и его смысловые проекции / А. С. Самигуллина. – Текст : непосредственный // Вестник ЧелГУ. – 2007. – № 1. – С. 82–87.
159. Самигуллина, А. С. Семиотика концептов: к проблеме интерпретации субъективных смыслов : монография / А. С. Самигуллина ; Федеральное агентство по образованию, Башкирский государственный университет. – Уфа : РИО БашГУ, 2006. – 120 с. – Текст : непосредственный.
160. Сафронова, Е. В. Структура и семантика фразеологических единиц с ономастическим компонентом библейского происхождения в современном английском языке : специальность 10.02.04 «Германские

- языки» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Сафронова Елена Вячеславовна ; Киевский государственный лингвистический университет. – Киев, 1997. – 21 с. – Текст : непосредственный.
161. Свод топонимов Заонежья / И. И. Муллонен, И. В. Азарова, А. С. Герд ; под редакцией А. С. Герда ; Российская академия наук, Карельский научный центр, Институт языка, литературы и истории, Санкт-Петербургский государственный университет. – Петрозаводск : Карельский научный центр РАН, 2013. – 250 с. – Текст : непосредственный.
162. Селиванова, Е. А. Когнитивная ономазиология : монография / Е. А. Селиванова ; Черкасский государственный университет им. Богдана Хмельницкого. – Киев : Фитосоциоцентр, 2000. – 248 с. – Текст : непосредственный.
163. Серебренников, Б. А. О методах изучения топонимических названий / Б. А. Серебренников. – Текст : непосредственный // Вопросы языкознания. – 1959. – № 6. – С. 36–50.
164. Серебренников, Б. А. Почему трудно разрешить проблему происхождения верхних слоев севернорусской гидронимии? / Б. А. Серебренников. – Текст : непосредственный // Вопросы языкознания. – 1970. – № 1. – С. 44–59.
165. Серебренников, Б. А. Роль человеческого фактора в языке. Язык и мышление / Б. А. Серебренников ; ответственный редактор В. М. Солнцев ; АН СССР, Институт языкознания. – Москва : Наука, 1988. – 247 с. – Текст : непосредственный.
166. Скорнякова, Р. М. Лингвокультурологическая концепция моделирования языковой картины мира : специальность 10.02.19 «Теория языка» : диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук / Скорнякова Раиса Михайловна ; Московский

- городской педагогический университет. – Москва, 2010. – 530 с. – Текст : непосредственный.
167. Слышкин, Г. Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты : специальность 10.02.19 «Теория языка» : диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук / Слышкин Геннадий Геннадьевич ; Волгоградский государственный педагогический университет. – Волгоград, 2004. – 287 с. – Текст : непосредственный.
168. Слышкин, Г. Г. Лингвокультурный концепт как системное образование / Г. Г. Слышкин. – Текст : непосредственный // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2004. – №1. – С. 29–34.
169. Слышкин, Г. Г. Прецедентный текст: структура концепта и способы апелляции к нему / Г. Г. Слышкин. – Текст : непосредственный // Проблемы речевой коммуникации: межвузовский сборник научных трудов. – Саратов : Издательство Саратовского университета, 2000. – С. 62–68.
170. Солодилова, И. А. Концепт оценка: проблемы моделирования / И. А. Солодилова. – Текст : непосредственный // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2013. – № 4. – С.33–44.
171. Степанов, Ю. С. В трехмерном пространстве языка : семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства / Ю. С. Степанов ; ответственный редактор В. П. Нерознак : АН СССР, Институт языкознания. – Москва : Наука, 1985. – 335 с. – Текст : непосредственный.
172. Степанов, Ю. С. Константы : словарь русской культуры / Ю. С. Степанов. – Изд. 3-е, испр. и доп. – Москва : Академический проект, 2004. – 992 с. – Текст : непосредственный.
173. Степанов, Ю. С. Основы общего языкознания : учебное пособие / Ю. С. Степанов. – Изд. 2-е, перераб. – Москва : Просвещение, 1975. – 271 с. – Текст : непосредственный.

174. Стернин, И. А. Значение и концепт / И. А. Стернин. – Текст : непосредственный // Семантические, грамматические и когнитивные категории языка : юбилейный сборник в честь Л. М. Васильева / Академия наук Республики Башкортостан : ответственный редактор В. Л. Ибрагимова. – Уфа : Гилем, 2007. – С. 47–52.
175. Стернин, И. А. Когнитивная интерпретация в лингвокогнитивных исследованиях / И. А. Стернин. – Текст : непосредственный // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2004. – № 1. – С. 65–69.
176. Суперанская, А. В. Апеллятив – онома / А. В. Суперанская. – Текст : непосредственный // Имя нарицательное и собственное : сборник статей / АН СССР, Институт языкознания ; ответственный редактор А. В. Суперанская. – Москва : Наука, 1978. – С. 5–32.
177. Суперанская, А. В. Общая теория имени собственного / А. В. Суперанская. – Изд. 2-е, испр. – Москва : URSS, 2007. – 366 с. – Текст : непосредственный.
178. Суперанская, А. В. Типы и структура географических названий / А. В. Суперанская. – Текст : непосредственный // Лингвистическая терминология и прикладная топонимика : сборник статей / ответственный редактор А. А. Реформатский ; АН СССР, Институт языкознания. – Москва : Наука, 1964. – С. 59–118.
179. Суперанская, А. В. Что такое топонимика / А. В. Суперанская ; ответственный редактор Г. В. Степанов. – Москва : Наука, 1985. – 177 с. – Текст : непосредственный.
180. Тагильцева, Ю. Р. Смысловые компоненты, выражающие культурные коды, в конфликтогенных поликодовых текстах / Ю. Р. Тагильцева. – Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. – 2023. – № 1 (97). – С. 77–88.
181. Тарасевич, М. П. Американская фразеологическая топонимика : специальность 10.02.04 «Германские языки» : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Тарасевич Мария

- Петровна ; Московский государственный педагогический институт иностранных языков им. Мориса Тореза. – Москва, 1985. – 213 с. – Текст : непосредственный.
182. Тащук, Ю. А. Ценностная картина мира молодых женщин (на материале англоязычных интернет-журналов для молодых женщин «Gurl», «Seventeen», «Teen Vogue» / Ю. А. Тащук. – Текст : непосредственный // МНО «Наука без границ». – 2015. – № 7. – С. 28–33.
183. Телия, В. Н. Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры / В. Н. Телия. – Текст : непосредственный // Фразеология в контексте культуры / Российская академия наук, Институт языкознания ; ответственный редактор В. Н. Телия. – Москва : Языки русской культуры, 1999. – С. 13–24.
184. Телия, В. Н. Русская фразеология : семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. Москва : Школа «Языки русской культуры», 1996. – 288 с. – Текст : непосредственный.
185. Телия, В. Н. Фразеологизм / В. Н. Телия. – Текст : непосредственный // Языкознание : Большой энциклопедический словарь / главный редактор В. Н. Ярцева. – 2-е изд. – Москва : Большая Российская энциклопедия, 2000. – С. 559–560.
186. Тер-Минасова, С. Г. Язык и межкультурная коммуникация : учебное пособие / С. Г. Тер-Минасова. – Москва : Слово/Slovo, 2000. – 262 с. – Текст : непосредственный.
187. Ткаченко, С. Г. Градуальность в английской фразеологии: лингвокультурологический аспект : монография / С. Г. Ткаченко ; главный редактор О. Л. Бессонова. – Донецк : НПП «Фолиант», 2019. – 195 с. – Текст : непосредственный

188. Толстой, Н. И. Еще раз о семантике имени собственного / Н. И. Толстой. – Текст : непосредственный // Актуальные проблемы лексикологии : Тезисы докладов и сообщений Всесоюзной научной конференции (17-20 июня 1970 г.) / ответственный редактор А. Е. Супрун . – Минск : Издательство БГУ, 1970. – С. 200–201.
189. Толстой, Н. И. К проблеме изучения славянских местных географических терминов / Н. И. Толстой. – Текст : непосредственный // Местные географические термины : сборник статей / ответственные редакторы Е. М. Пospelов, Н. И. Толстой. – Москва : Мысль, 1970. – С. 46–59.
190. Толстой, Н. И. Этюды по семантике славянских географических терминов (дрезга, рудина, раменье) / Н. И. Толстой. – Текст : непосредственный // Славянское и балканское языкознание : Сборник статей. Вып. 8 / АН СССР, Институт славяноведения и балканистики ; ответственный редактор Л. Н. Смирнов. – Москва : Наука, 1983. – С. 112–133.
191. Толстой, Н. И. О словаре «Славянские древности» / Н. И. Толстой, С. М. Толстая. – Текст : непосредственный // Славянские древности : В 5 т. : Т. 1. А-Г / Российская академия наук, Институт славяноведения и балканистики ; [Т. А. Агапкина и др.] ; под редакцией Н. И. Толстого. – Москва : Международные отношения, 1995. – С. 5–14.
192. Толстой, Н.И. Славянская лексикология и семасиология / Н. И. Толстой. – Текст : непосредственный // Избранные труды. Т. 1. Славянская лексикология и семасиология / Н. И. Толстой. – Москва : Языки русской культуры, 1991. – С. 21–400.
193. Томахин, Г. Д. Топонимы как реалии языка и культуры (на материале географических названий США) / Г. Д. Томахин. – Текст : непосредственный // Вопросы языкознания. – 1984. – №4. – С. 84–89.
194. Трофимова, С. М. Пространственная концептуализация соматизмов: типологический взгляд / С. М. Трофимова. – Текст :

- непосредственный // Вестник Бурятского государственного университета. – 2014. – № 10 (4). – С. 74–78.
195. Трубецкой, Н. С. История. Культура. Язык / Н. С. Трубецкой ; составление, подготовка текста и комментарии В. М. Живова. – Москва : Прогресс : Универс, 1995. – 798 с. – Текст : непосредственный
196. Туманова, В. В. Структурные и синтагматические особенности производящих основ в топонимах : На материале памятников русской деловой письменности XIV-XVII веков : специальность 10.02.01 «Русский язык» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Туманова Валентина Васильевна ; Днепропетровский государственный университет. – Днепропетровск, 1989. – 16 с. – Текст : непосредственный
197. Тханг, Т. Л. Пространственная модель мира : (Когниция, культура, этнопсихология, на материале вьетнамского и русского языков) : специальность 10.02.19 «Теория языка» : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук / Тханг Ли Тоан ; Российская академия наук, Институт языкознания. – Москва, 1993. – 66 с. – Текст : непосредственный.
198. Уразметова, А. В. Лингвокультурологический аспект изучения топонимов в составе фразеологических единиц : на материале английского и французского языков : специальность 10.02.20 «Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Уразметова Александра Владимировна ; Башкирский государственный университет. – Уфа, 2006. – 23 с. – Текст : непосредственный.
199. Уфимцева, А. А. Типы словесных знаков / А. А. Уфимцева ; АН СССР, Институт языкознания. – Москва : Наука, 1974. – 205 с. – Текст : непосредственный.

200. Фархутдинова, Ф. Ф. Взглянуть на мир сквозь призму слова... : Опыт лингвокультурологического анализа русскости / Ф. Ф. Фархутдинова ; Министерство образования Российской Федерации, Ивановский государственный университет. – Иваново : Издательство Ивановского государственного университета, 2000. – 203 с. – Текст : непосредственный.
201. Федосеева, Л. Восприятие пространства и его отражение в языке / Л. Федосеева. – Текст : непосредственный // Русская речь. – 2013. – № 2. – С. 66–70.
202. Федотова, Т. В. Русская топонимическая система Восточного Забайкалья : специальность 10.02.01 «Русский язык» : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук / Т. В. Федотова ; Бурятский государственный университет. – Улан-Удэ, 2012. – 42 с. – Текст : непосредственный.
203. Фразеология в контексте культуры / Российская академия наук, Институт языкознания ; ответственный редактор В. Н. Телия. – Москва : Языки русской культуры, 1999. – 336 с. – Текст : непосредственный.
204. Фуко, М. Слова и вещи : Археология гуманитарных наук : перевод с французского / М. Фуко ; вступительная статья Н. С. Автономовой. – Москва : Прогресс, 1977. – 488 с. – Текст : непосредственный.
205. Хроленко, А. Т. Основы лингвокультурологии : учебное пособие / А. Т. Хроленко. – 6-е изд., стер. – Москва : ФЛИНТА, 2016. – 182 с. – URL: https://www.ibooks.ru/products/23343?category_id=13012 (дата обращения: 01.10.2022). – Режим доступа: по подписке. – Текст : электронный.
206. Цюй, Ю. Пространственный образ как носитель геокультурной и лингвокультурной информации (на материале обучающей топонимической базы данных «Московская топонимика») / Ю. Цюй. – Текст : непосредственный // Вопросы психолингвистики. – 2021. – № 1 (47). – С. 148–159.

207. Чернышева, И. И. Фразеология современного немецкого языка / И. И. Чернышева. – Москва : Высшая школа, 1970. – 199 с. – Текст : непосредственный.
208. Чечетка, В. И. Топонимы как средства репрезентации этнокультурного пространства города в мифопоэтике средневековья (на материале древнегерманских героических песен, легенд и сказаний) / В. И. Чечетка. – Текст : непосредственный // Феномен «город» в картине мира человека : сборник научных статей / Министерство образования и науки Российской Федерации, Федеральное агентство по образованию ; под общей редакцией Л. М. Ньюбиной. – Смоленск : СмолГУ, 2006. – С. 56–61.
209. Шмелев, А. Д. Русский язык и внеязыковая действительность / А. Д. Шмелев. – Москва : Языки славянской культуры, 2002. – 496 с. – Текст : непосредственный.
210. Шмелева, Т. С. Пространственная картина мира в различных языках и культурах / Т. С. Шмелева. – Текст : непосредственный // Современные исследования социальных проблем. – 2022. – Т. 14, № 4. – С. 388–398.
211. Эко, У. Отсутствующая структура : Введение в семиологию / У. Эко : перевод с итальянского В. Резник и А. Погоняйло. – Санкт-Петербург : Symposium, 2004. – 543 с. – Текст : непосредственный.
212. Юша, Ж. М. О взаимодействии культурных кодов в обрядовой традиции / Ж. М. Юша. – Текст : непосредственный // Языки и фольклор коренных народов Сибири. – 2019. – № 1 (37). – С. 41–45.
213. Arik, E. A Crosslinguistic Study of the Language of Space: Sign and Spoken Languages / E. Arik. – Newcastle upon Tyne : Cambridge Scholars. – 2010. – 158 S.
214. Bahlow, H. Deutschlands geographische Namenwelt : Etymologisches Lexikon der Fluß- und Ortsnamen alteuropäischer Herkunft / H. Bahlow. – Frankfurt am Main : Suhrkamp, 1985. – 554 S.

215. Bayerisches Flurnamenbuch : Bd. 3. Gemeinde Krün / bearb. von F. Helmer, Mit einem Beitr. von G. Kriner. – Augsburg : Haus der Bayerischen Geschichte, 1995. – 273 S.
216. Berger, D. Duden, Geographische Namen in Deutschland : Herkunft und Bedeutung der Namen von Ländern, Städten, Bergen und Gewässern / D. Berger. – 2., überarb. Aufl. – Mannheim ; Leipzig ; Wien ; Zürich : Dudenverlag, 1999. – 318 S.
217. Bierwisch, M. Dimensionsadjektive als strukturierender Ausschnitt des Sprachverhaltens & Semantik der Graduierung / M. Bierwisch // Grammatische und konzeptuelle Aspekte von Dimensionsadjektiven / M. Bierwisch, E. Lang (Hrsg.). – Berlin : Akademie-Verlag, 1987. – S. 91–286.
218. Bierwisch, M. Semantische und konzeptuelle Repräsentation lexikalischer Einheiten / M. Bierwisch // Untersuchungen zur Semantik / R. Ruzicka, W. Motsch (Hrsg.). – Berlin : Akademie-Verlag, 1979. – S. 611–699.
219. Burger, H. Phraseologie : eine Einführung am Beispiel des Deutschen / H. Burger. – 4., neu bearb. Aufl. – Berlin : Erich Schmidt, 2010. – 239 S.
220. Busse, D. Linguistische Epistemologie : Zur Konvergenz von kognitiver und kulturwissenschaftlicher Semantik am Beispiel von Begriffsgeschichte, Diskursanalyse und Frame-Semantik / D. Busse // Sprache - Kognition - Kultur / H. Kamper, L. M. Eichinger. – Berlin : De Gruyter, 2008. – S. 73–114.
221. Busse, D. Semantisches Wissen und sprachliche Information : Zur Abgrenzung und Typologie von Faktoren des Sprachverstehens / D. Busse // Methodologische Aspekte der Semantikforschung / I. Pohl (Hrsg.). – Frankfurt am Main : Lang, 1997. – S. 13–34.
222. Czachur, W. Einige Überlegungen zur Kategorie des diskursiven Weltbildes / W. Czachur // Muttersprache. – 2011. – № 121. – S. 97–103.
223. Dobrovolskij, D. Kognitive Aspekte der Idiom-Semantik : Studien zum Thesaurus deutscher Idiome / D. Dobrovolskij. – Tübingen : Stauffenburg, 2016. – 399 S.

224. Dobrovolskij, D. Symbole in Sprache und Kultur : Studien zur Phraseologie aus kultursemiotischer Perspektive / D. Dobrovolskij, E. Piirainen. – Bohum : Bohum Brockmeyer, 1997. – 485 S.
225. Dölling, J. Systematische Bedeutungsvariationen : Semantische Form und kontextuelle Interpretation / J. Dölling // Linguistische Arbeitsberichte 78. – Leipzig : Universität Leipzig, 2001. – S. 321–353.
226. Eggers, H. Deutsche Sprachgeschichte : Bd. 2, Das Frühneuhochdeutsche und das Neuhochdeutsche / H. Eggers. – Reinbek near Hamburg : Rowohlt, 1986. – 441 S.
227. Eichler, E. Untersuchungen zur Ortsnamenkunde und Sprach- und Siedlungsgeschichte des Gebietes zwischen Mittlerer Saale und Weisser Elster / E. Eichler, H. Walther. – Berlin : Akademie-Verlag, 1984. – 408 S.
228. Evans, V. Cognitive Linguistic: an introduction / V. Evans, V. Green. – Edinburg : Edinburg University Press, 2006. – 864 p.
229. Feldmann, R. Das Grundwort «-feld» in Siedlungsnamen des Nordost-Sauerlandes : : ein Beitr. z. Frage seines Sachbezuges u. seines Aussagewertes f. d. Siedlungsgeographie / R. Feldmann. – Bad Godesberg : Bundesanst. f. Landeskunde u. Raumforschung, 1964. – 92 S.
230. Fillmore, Ch. J. Frame Semantics / Ch. J. Fillmore // The Linguistic Society of Korea: Linguistics in the morning calm. – Seoul : Hanshin Publishing Company, 1982. – P. 111–137.
231. Fillmore, Ch. J. Frames and the semantics of understanding / Ch. J. Fillmore // Quaderni di Semantica. – 1985 – № 6. – P. 222–254.
232. Fleischer, W. Phraseologie der deutschen Gegenwartssprache. – 2. Aufl. – Berlin ; Boston : De Gruyter, 2015. – 294 S.
233. Förstemann, E. W. Die deutschen Ortsnamen : vornehmlich auf mitteldeutsch-thüringischer und hessischer Grundlage / E. W. Förstemann ; mit Einl. von Ludwig Erich Schmitt, [Nachdr. der Ausg.] Nordhausen, Förstemann, 1863. – 2. Aufl. – Giessen : Schmitz, 1988. – 353 S.

234. Forstreuter, E. Die Präpositionen / E. Forstreuter, K. Egerer-Möslein. – Leipzig : VEB Verlag Enzyklopädie, 1978. – 119 S.
235. Fraas, Cl. Gebrauchswandel und Bedeutungsvarianz in Textnetzen : Die Konzepte «Identität» und «Deutsche» im Diskurs zur deutschen Einheit / Cl. Fraas. – Tübingen : Narr, 1996. – 267 S.
236. Fraas, Cl. Wissen als kognitives und als sozial bestimmtes Phänomen – Zur sprachlichen Manifestation von Bedeutungswissen / Cl. Fraas // Prozesse der Bedeutungskonstruktion / I. Pohl (Hrsg.). – Frankfurt am Main ; Berlin ; Bern ; Bruxelles ; New York ; Oxford ; Wien : Lang, 2002. – S. 39–58.
237. Golluch, N. Endlich nicht mehr nur Bahnhof verstehen, sondern wissen, wo der Hase im Pfeffer liegt. Das Redewendungen-Erklärungsbuch / N. Golluch. – 4.Aufl. – München : Riva, 2019. – 206 S.
238. Greule, A. Die Flußnamen Würtembergs : Ergebnisse und Probleme ihrer Erforschung / A. Greule // Etymologische Studien zu geographischen Namen in Europa: ausgewählte Beiträge 1998-2006 / A. Greule. – Regensburg : Ed. Vulpes, 2007. – S. 53–62.
239. Greule, A. Gewässernamen in Bayern und Österreich : Kolloquium des Arbeitskreises für bayerisch-österreichische Namenforschung / A. Greule. – Regensburg : Ed. Vulpes, 2004. – 257 S.
240. Hammel, H. Namen deutscher Gebirge / H. Hammel. – Gießen : von Münchowsche Universitäts-Druckerei Otto Kindt G.m.b.H., 1933. – 39 S.
241. Koß, G. Namenforschung : Eine Einführung in die Onomastik / G. Koß. – 3., aktualisierte Aufl. – Tübingen : Niemeyer, 2002. – 248 S.
242. Krähe, H. Unsere ältesten Flußnamen / H. Krähe. – Wiesbaden : Harrassowitz, 1964. – 123 S.
243. Kube, S. Wie kommt die Katze in den Sack und was weiß der Kuckuck davon? : Tierische Redewendungen und ihre Bedeutung / S. Kube. – München : Heyne, 2011. – 239 S.

244. Lakoff, G. *Leben in Metaphern : Konstruktion und Gebrauch von Sprachbildern* / G. Lakoff, M. Jonson. – Heidelberg : Carl Auer Verlag, 2006. – 272 S.
245. Lakoff, G. *Metaphors We Live by* / G. Lakoff, M. Jonson. – Chicago ; London : The University of Chicago Press, 1980. – 242 p.
246. Lakoff, G. *Women, Fire and Dangerous Things: What Categories Reveal About the Mind* / G. Lakoff. – Chicago : The University of Chicago Press, 1987. – 613 p.
247. Lang, E. *Semantische vs. konzeptuelle Struktur: Unterscheidung und Überschneidung* / E. Lang // *Kognitive Semantik: Ergebnisse, Probleme, Perspektiven* / M. Schwarz (Hrsg.). – Tübingen : Narr, 1994 (Tübingen Beiträge zur Linguistik; Bd. 395). – S. 25–40.
248. Langacker, R. W. *Grammar and Conceptualization* / R.W. Langacker. – Berlin ; New York : Mouton de Gruyter, 1999. – 433 p.
249. Langacker, R.W. *Concept, Image and Symbol : Cognitive Basis of Grammar* / R.W. Langacker. – Berlin ; New York : Mouton de Gruyter, 1991. – 395 p.
250. Langacker, R.W. *Construction Grammars : Cognitive, Radical, and Less so* / R.W. Langacker // *Cognitive Linguistic : Internal Dynamics and Interdisciplinary Interaction* / edited by F. J. Ruiz de Mendoza Ibáñez, M. Sandra Peña Cervel. – Berlin ; New York : Mouton de Gruyter. – P. 101–159.
251. Levinson, S. C. *Space in Language and Cognition : Explorations in Cognitive Diversity* / S. C. Levinson. – Cambridge ; New York : Cambridge University Press. – 2003. – 415 p.
252. Pruys, K. H. *Bis in die Puppen : Die 100 populärsten Redensarten* / K. H. Pruys. – Berlin ; Brandenburg : BeBra Verlag, 2008. – 144 S.
253. Pruys, K. H. *Perlen vor die Säue : Noch mehr populäre Redensarten* / K. H. Pruys. – Berlin ; Brandenburg : BeBra Verlag, 2009. – 143 S.

254. Schmid, W. P. *Alteuropäisch und Indogermanisch* / W. P. Schmid. – Mainz : Verl. der Akademie d. Wissenschaften u.d. Literatur ; Wiesbaden : F. Steiner in Komm., 1968. – 18 S.
255. Schmid, W.P. *Die alteuropäische Hydronymie : Stand und Aufgaben ihrer Erforschung* / W. P. Schmid // *Reader zur Namenkunde*. 3, 1. *Toponymie*. – Hildesheim ; Zürich ; New York : Olms, 1996. – S. 694–704.
256. Schmidt, S. J. *Kognitive Autonomie und soziale Orientierung : Konstruktivistische Bemerkungen zum Zusammenhang von Kognition, Kommunikation, Medien und Kultur* / S. J. Schmidt. – Frankfurt am Main : Suhrkamp, 1996. – 362 S.
257. Schmitz, A. *Die Ortsnamen des Kreises Herzogtum Lauenburg und der Stadt Lübeck* / A. Schmitz. – Neumünster : Wachholtz, 1990. – 564 S.
258. Schmitz, A. *Die Siedlungsnamen und Gewässernamen des Kreises Lüchow-Dannenberg* / A. Schmitz. – Neumünster : Wachholtz, 1999. – 299 S.
259. Schwanitz, D. *Bildung : Alles was man wissen muss* / D. Schwanitz. – Frankfurt am Main : Eichborn, 1999. – 540 S.
260. Schwarz, M. *Kognitive Semantiktheorie und neuropsychologische Realität : repräsentationale und prozedurale Aspekte der semantischen Kompetenz* / M. Schwarz. – Tübingen : Niemeyer, 1992. – 163 S.
261. Seidel, W. *Es geht um die Wurst : was hinter unseren Wörtern steckt* / W. Seidel. – München : Deutscher Taschenbuch Verlag, 2009. – 238 S.
262. Seidel, W. *Wie kam der Sturm ins Wasserglas? : Zitate, die zu Redewendungen wurden* / W. Seidel. – München : Deutscher Taschenbuch Verlag, 2011. – 302 S.
263. Spang, R. *Die Gewässernamen des Saarlandes aus geographischer Sicht* / R. Spang. – Saarbrücken : Saarbrücker Druckerei u. Verl., 1982. – 279 S.
264. Stepanova, M. D. *Lexikologie der deutschen Sprache* / M. D. Stepanova, I. I. Černyscheva. – Moskau : Vysšaja Škola, 1986. – 252 S.

265. Talmy, L. How Language Structures Space / L. Talmy // Spatial Orientation: Theory, Research and Application / H. L. Pick, L. P. Acredolo. – New York : Springer, 1983. – P. 225–282.
266. Udolph, J. Namenkundliche Studien zum Germanenproblem / J. Udolph. – Berlin ; New York : de Gruyter, 1994. – 1036 S.
267. Urmes, D. Handbuch der geographischen Namen / D. Urmes. – Wiesbaden : Marix-Verlag, 2004. – 618 S.
268. Vennemann, T. Volksetymologie und Ortsnamenforschung: Begriffsbestimmung und Anwendung auf ausgewählte, überwiegend bayerische Toponyme / T. Vennemann // Beiträge zur Namenforschung. – 1999. – № 34. – S. 269–322.
269. Werner, G. Das Saalfelder Flurnamenbuch : die Flur-, Gewässer- und Siedlungsnamen der Stadt Saalfeld und ihrer eingemeindeten Ortsteile ; mit einem Übersichtsplan / G. Werner. – Saalfeld : Stadtverwaltung - Saalfeld : Stadtmuseum, 2008. – 223 S.
270. Witkowski, T. Die Ortsnamen des Kreises Greifswald / T. Witkowski. Mit Beitr. von H. Berlekamp u. J. Wächter. – Weimar : Böhlau, 1978. – 272 S.
271. Ziem, A. Frames und sprachliches Wissen : Kognitive Aspekte der semantischen Kompetenz / A. Ziem // Sprache und Wissen / E. Felder (Hrsg.). – Berlin ; New York : de Gruyter, 2008. – S. 485.
272. Zimmermann, M. Die Berliner Schnauze : Die besten Sprüche, Schimpfwörter und Redensarten / M. Zimmermann. – Berlin ; Brandenburg : BeBra Verlag, 2014. – 141 S.

Лексикографические и справочные источники

273. Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов : [около 7000 терминов] / О. С. Ахманова. – 2-е изд., стер. – Москва : Советская энциклопедия, 1969. – 608 с. – Текст : непосредственный.
274. Бинович, Л. Э. Немецко-русский фразеологический словарь / составители Л. Э. Бинович, Н. Н. Гришин ; под редакцией Малиге-Клаппенбах, К. Агрикола. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва : Русский язык, 1975. – 656 с. – Текст : непосредственный.
275. Золотова, Г. А. Синтаксический словарь : репертуар элементарных единиц русского синтаксиса / Г. А. Золотова. – Изд. 3-е, стер. – Москва : УРСС : Эдиториал УРСС, 2006. – 439 с. – Текст : непосредственный.
276. Ковшова, М. Л. Словарь лингвокультурологических терминов / М. Ковшова, Д. Гудков. – Москва : Гнозис, 2017. – 192 с. – Текст : непосредственный.
277. Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина ; под общей редакцией Е. С. Кубряковой. – Москва : Филологический факультет МГУ, 1996. – 245 с. – Текст : непосредственный.
278. Лингвистический энциклопедический словарь / главный редактор В. Н. Ярцева. – 2-е изд., доп. – Москва : Большая Российская энциклопедия, 2002. – 709 с. – Текст : непосредственный.
279. Мальцева, Д. Г. Германия : страна и язык : лингвострановедческий словарь / Д. Г. Мальцева. – Изд. 2-е, испр. и доп. – Москва : Русские словари : Астрель : АСТ, 2001. – 415 с. – Текст : непосредственный.
280. Мальцева, Д. Г. Германия: страна и язык : Лингвострановедческий словарь / Д. Г. Мальцева. – Изд. 2-е, испр. и доп. – Москва : Русские словари : Астрель : АСТ, 2001. – 416 с. – Текст : непосредственный.

281. Мальцева, Д. Г. Немецко-русский словарь современных фразеологизмов / Д. Г. Мальцева. – Изд. 2-е, стер. – Москва : Русский язык Медиа, 2005. – 506 с. – Текст : непосредственный.
282. Мальцева, Д. Г. Немецко-русский фразеологический словарь с лингвострановедческим комментарием / Д. Г. Мальцева. – Москва : Азбуковник : Русские словари, 2002. – 350 с. – Текст : непосредственный.
283. Мальцева, Д. Г. Страноведение через фразеологизмы : пособие по немецкому языку / Д. Г. Мальцева. – Москва : Высшая школа, 1991. – 173 с. – Текст : непосредственный.
284. Маркина, Л. Г. Культура Германии : лингвострановедческий словарь / Л. Г. Маркина, Е. Н. Муравлева, Н. В. Муравлева ; под общей редакцией Н. В. Муравлевой. – Москва : АСТ : Астрель : Хранитель, 2006. – 1182 с. – Текст : непосредственный.
285. Никонов, В. А. Краткий топонимический словарь / В. А. Никонов. – Москва : Мысль, 1996. – 509 с. – Текст : непосредственный.
286. Подольская, Н. В. Словарь ономастической терминологии / Н. В. Подольская ; ответственный редактор А. В. Суперанская ; АН СССР, Институт языкознания. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : Наука, 1988. – 189 с. – Текст : непосредственный.
287. Пospelов, Е. М. Топонимический словарь / Е. М. Пospelов. – Москва : Астрель : АСТ, 2002. – 332 с. – Текст : непосредственный.
288. Советский энциклопедический словарь / главный редактор А. М. Прохоров. – 4-е изд., испр. и доп. – Москва : Советская энциклопедия, 1989. – 1638 с. – Текст : непосредственный.
289. Современный энциклопедический словарь. – Москва : Большая Российская Энциклопедия, 1997. – 5110 с. – Текст : непосредственный.
290. Суперанская, А. В. Имя - через века и страны / А. В. Суперанская ; ответственный редактор Э. М. Мурзаев ; АН СССР. – Москва : Наука, 1990. – 190 с. – Текст : непосредственный.

291. Энциклопедический словарь географических терминов / главный редактор С. В. Калесник. – Москва : Советская энциклопедия, 1968. – 437 с. – Текст : непосредственный.
292. Agricola, E. Wörter und Wendungen : Wörterbuch zum deutschen Sprachgebrauch / E. Agricola unter Mitw. H. Görner, R. Kufner. – Überarb. Neufassung der 14. Aufl. – Mannheim ; Leipzig ; Wien ; Zürich : Dudenverl., 1992. – 818 S.
293. Beran, M. 2000 Redewendungen Deutsch – Englisch / M. Beran. – 1. Aufl. – Ismaning : Hueber, 2005. – 258 S.
294. Der Große Brockhaus : Bd. 2 : Archi bis Belgien. – Wiesbaden : Brockhaus, 1984. – 399 S.
295. Duden : Band 10 : Das Bedeutungswörterbuch / Hrsg. vom Wiss. Rat. d. Dudenred, G. Drosdowski, Bearb. von P. Grebe. – Mannheim ; Wien ; Zürich : Bibliograph. Inst., 1970. – 815 S.
296. Duden : Band 11 : Redewendungen und sprichwörtliche Redensarten : Wörterbuch der deutschen Idiomatik / bearb. von G. Drosdowski und W. Scholze-Stubenrecht. – 1. Aufl. – Mannheim ; Leipzig ; Wien ; Zürich : Dudenverl., 1998. – 864 S.
297. Duden : Band 11 : Redewendungen. Wörterbuch der deutschen Idiomatik / hrsg. von der Dudenred, [Red. Bearb. W. Scholze-Stubenrecht ; W. Worsch]. – 3., überarb. und aktualisierte Aufl. – Mannheim ; Leipzig ; Wien ; Zürich : Dudenverl., 2008. – 959 S.
298. Duden : Band 2 : Das Stilwörterbuch / herausgegeben von der Dudenredaktion. – 10., überarbeitete und erweiterte Aufl. – Berlin : Dudenverlag, 2017. – 1104 S.
299. Duden : Band 3 : Das Bildwörterbuch / herausgegeben von der Dudenredaktion. – 7., neu bearbeitete Aufl. – Berlin : Dudenverlag, 2018. – 992 S.

300. Duden : Band 7 : Das Herkunftswörterbuch : Etymologie der deutschen Sprache / hrsg. von der Dudenredaktion. – 5., neu bearb. Aufl. – Berlin ; Mannheim ; Zürich : Dudenverl., 2014. – 954 S.
301. Duden : Berühmte Zitate und Redewendungen : die muss man kennen / [red. L. J. Hotz]. – Berlin ; Mannheim ; Zürich : Dudenverl., 2013. – 224 S.
302. Duden : Das große Wörterbuch der deutschen Sprache in 10 Bänden. – 3. vollst, überarb. u. aktualisierte Aufl. – Mannheim ; Leipzig ; Wien ; Zürich : Dudenverlag, 1999. – 480 S.
303. Duden : Deutsches Universalwörterbuch / Hrsg. von der Dudenredaktion. – 7., überarb. und erw. Aufl. – Mannheim ; Zürich : Dudenverl., 2011. – 2112 S.
304. Essig, R-B. Ich kenn doch meine Pappenheimer : wunderbare Geschichten hinter sprichwörtlichen Orten / R.-B. Essig ; mit Illustrationen von T. Göbel. – Berlin : Dudenverlag, 2018. – 148 S.
305. Fischer, R. Namen deutscher Städte / R. Fischer. – Berlin : Akademie Verlag, 1963. – 139 S.
306. Friederich, W. Moderne deutsche Idiomatik : Alphabetisches Wörterbuch mit Definitionen und Beispielen / W. Friederich. – München : Max Hueber Verlag, 1976. – 265 S.
307. Kluge, F. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache / F. Kluge. – 22., Völlig neu bearb., Aufl. – Berlin ; New York : de Gruyter, 1989. – 822 S.
308. Krüger-Lorenzen, K. Deutsche Redensarten und was dahinter steckt / K. Krüger-Lorenzen, Mit Zeichn. von F. Bilek. – 12. Aufl., 1. Aufl. dieser Ausg., Taschenbuchausg. – München : Heyne, 2001. – 859 S.
309. Kunze, K. DTV-Atlas Namenkunde : Vor- und Familiennamen im deutschen Sprachgebiet / K. Junze, graph. H.-J. Paul. – München : Dt. Taschenbuch-Verl., 1998. – 229 S.

310. Küpper, H. Pons Wörterbuch der deutschen Umgangssprache / H. Küpper. – 1. Aufl., 5. Nachdr. – Stuttgart ; Dresden : Klett-Verl. für Wissen und Bildung, 1993. – 959 S.
311. Meyers Neues Lexikon : Bd. 1., A-Badig. – Leipzig : Bibliographisches Institut, 1972. – 704 S.
312. Schemann, H. Deutsche Idiomatik : Wörterbuch der deutschen Redewendungen im Kontext / H. Schemann. – 2. Aufl., mit vollst. Überarb. Einf. – Berlin ; Boston, Mass. : De Gruyter, 2011. – 1038 S.
313. Universal-Großwörterbuch deutsche Rechtschreibung / I. Martins, Chefred. A. Sendlinger. – München : Compact-Verlag, 2007. – 1344 S.
314. Wahrig-Burfeind, G. Deutsches Wörterbuch / R. Wahrig-Burfeind, S. Krome. – 9., vollst. neu bearb. und aktualisierte Aufl. – Gütersloh ; München : Wissenmedia in der Inmedia-ONE-GmbH, 2011. – 1728 S.

Текстовые источники и электронные ресурсы

315. Код / Текст : электронный // Большая советская энциклопедия. Т. 12 : [сайт]. – URL: <http://bse.uaio.ru/BSE/1202.htm> (дата обращения: 30.07.2024).
316. Корпус немецко-русских параллельных текстов Национального корпуса русского языка : [сайт]. – URL: <https://ruscorpora.ru/search?search=CgkyBwgFEgNkZXU=> (дата обращения 02.10.2022).
317. Deutsches Sprichwörterbuch von Karl Friedrich Wilhelm Wander : [сайт]. – URL: <http://woerterbuchnetz.de/Wander> (дата обращения: 23.11.2021). – Текст : электронный.
318. Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache : [сайт]. – URL: <http://www.dwds.de> (дата обращения: 30.07.2024). – Текст : электронный.
319. Mund-Mische : [сайт]. – URL: <https://www.mundmische.de/> (дата обращения: 16.09.2022).
320. Redensarten.net : [сайт]. – URL: <https://www.redensarten.net/> (дата обращения: 23.11.2021).
321. Redensarten-Index : [сайт]. – URL: <https://www.redensarten-index.de/register/index.php> (дата обращения: 23.11.2021). – Текст : электронный.
322. Wortbedeutung.info : [сайт]. – URL: <https://www.wortbedeutung.info> (дата обращения: 23.11.2021). – Текст : электронный.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

ФЕ с топокомпонентом в прямом значении при актуализации фоновой семантики

1. **Aachen** ist des deutschen Reiches Haupt.
2. Das Beste an **Augsburg** ist der Zug nach **München**.
3. Du bist verrückt, mein Kind, du musst nach **Berlin**.
4. Der echte **Berliner** kommt aus Breslau.
5. **Berlin** ist doch kein Dorf.
6. einen Koffer in **Berlin** haben
7. Das macht die **Berliner** Luft.
8. eine (echte) **Berliner** Pflanze
9. jmd. hat eine **Berliner** Schnauze
10. Das schönste an **Bremen** ist die Autobahn nach **Hamburg**.
11. **Frankfurter** Würstchen
12. **Hamburg** ist das Tor zur Welt /zum Himmel, aber **Bremen** hat den Schlüssel dazu.
13. Der **Kölner** kommt mit `ner vier minus in den Himmel.
14. Mein **Leipzig** lob` ich mir! Es ist ein klein Paris und bildet seine Leute.
15. In der großen Seestadt **Leipzig**
16. Vater **Rhein**

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

ФЕ с топокомпонентом, сореализующим идиоматическое значение при актуализации части номинативного значения /фоновой семантики

1. **Aachen** und **Köln** sind nicht an einem Tag gebaut (und werden nicht an einem Tag zerschell`n).
2. Der **Kölner** Dom wurde auch nicht an einem Tag gebaut.
3. Er läuft von **Aachen** nach **Köln**.
4. Käse ins **Allgäu** rollen /bringen
5. Bier nach **München** /**Dortmund** bringen
6. Wer bringt schon Bier nach **Dortmund** mit?
7. Krawatten nach **Krefeld** tragen
8. Adler nach **Berlin** tragen
9. Wasser in den **Rhein** / in den **Main** /in die **Elbe** /in die **Spree** /in die **Pegnitz** tragen /schütten
10. Wasser zur **Donau** bringen
11. viel Wasser dem **Rhein** /**Main** /**Donau** /**Isar** hinunterfließen
12. Es hieße Wasser in die **Spree** tragen, wollte man...
13. Wenn die **Elbe** brennt und die Gänse Wasser zutragen
14. Mit dem Messer kannst du nach **Altötting** reiten. /Auf dem Messer kannst du bis **Bamberg** /**Buxtehude** /**Hamburg** /**Köln** reiten.
15. Auf diesem Messer kann man bis /nach **Köln** reiten
16. Er war in **Köln** und hat den Dom nicht gesehen.
17. jmd. hat eine **Berliner** Schnauze
18. geschminkt wie die **Berliner** Fastnacht
19. schlau wie ein **Berliner** sein
20. jemanden vollkommen (voll) **berlinern**
21. **Berlin** bleibt doch **Berlin**
22. jemanden auf den **Blocksberg** wünschen
23. Geh (doch) zum **Blocksberg**!
24. Dass du auf dem **Blocksberg** wärest!

- 25.der Reiter überm **Bodensee**
- 26.(Das war) ein Ritt über den **Bodensee**
- 27.sich fühlen wie ein Reiter auf dem **Bodensee**
- 28.**Bodensee**-Kaffee
- 29.ein Rattenfänger von **Hameln** sein
- 30.wie die Kinder hinter dem Rattenfänger von **Hameln**
- 31.(irgendwo) in **Buxtehude**
- 32.aus **Buxtehude**
- 33.j-n nach **Buxtehude** wünschen
- 34.Geh nach **Buxtehude** (wo der Pfeffer wächst)!
- 35.in **Buxtehude**, wo die Hunde mit dem Schwanz bellen
- 36.Wenn die **Donau** eintrocknet
- 37.Wenn die **Elbe** brennt und die Gänse Wasser zutragen
- 38.Das ist schon lange in **Hamburg**
- 39.etwas über /in den **Harz** kicken (können)
- 40.so groß wie das **Heidelberger** Faß sein
- 41.vor dem **Heidelberger** Fasse knien
- 42.Er war in **Köln** und hat den Dom nicht gesehen.
- 43.Das haben die **Kölner** Heinzelmännchen gemacht.
- 44.zu tun haben wie der **Leipziger Rat**
- 45.Das dauert keine **Leipziger** Messe.
- 46.Die **Oder** ist nicht weit.
- 47.Das ist zum **Oder** zuschütten.
- 48.Schütt`s in die alte **Oder**!
- 49.der Geist von **Potsdam**
- 50.**Rhein** saufen
- 51.Das wäscht ihm der **Rhein** nicht ab.
- 52.Da /Bis dahin fließt noch viel Wasser **den Rhein /den Main /die Elbe /die Spree/den Neckar** herunter /hinunter /hinab.
- 53.Es muss /wird noch viel Wasser den **Rhein /Main** hinabfließen, bis...

54. wie ein kleines **Ruhrgebiet** rauchen

55. Oh **Schilda**, mein Vaterland!

56. **Schildaer** Streiche

57. ein **Schildbürger** sein

58. Es ist ein **Schildbürgerstreich**

59. Ansichtskarte aus **Solingen**

60. Liebesgrüsse aus **Solingen**

61. Gruss aus **Solingen**

ПРИЛОЖЕНИЕ 3

ФЕ с топокомпонентом, сореализующим идиоматическое значение при отсутствии актуализации топонимической (в том числе фоновой) семантики (связь между идиоматическим и топонимическим значением нарушена или утеряна полностью)

1. In **Aachen** gekrönt, in Rom verhöhnt.
2. aussehen wie der Tod von **Altötting /Lübeck /Dresden**
3. Ab nach **Bautzen /Kassel!**
4. über den **Deister** gehen
5. jemanden über den **Deister** schicken
6. Der sieht aus wie der **Dresdner** Totentanz.
7. **Gelsenkirchener** Barock
8. **Hamburger** Rechnung
9. ausgehen wie das **Hornberger** Schießen
10. **Kölner** Barock
11. wie der Junge von **Meißen** aussehen
12. Daran erkenn ich meine **Pappenheimer!**
13. Wacht am **Rhein**
14. wie der Schneider von **Ulm** sein
15. über die **Wupper** gehen
16. weg**wuppern**
17. aussehen wie die Hexe von **Binzen**

ПРИЛОЖЕНИЕ 4

ФЕ с топокомпонентом, реализующим значение, мотивированное внутренней формой слова

1. von **Altenhausen** sein
2. Die Suppe ist in **Brandenburg** gewesen.
3. aus **Dummbach** sein
4. aus **Knipphausen** sein
5. Hier ist nicht **Kostnitz /Kostnix**.
6. aus **Laufenburg** sein
7. aus **Magdeburg** sein
8. Wer zu **Magdeburg** will Bürger sein, muss der Frau gehorsam sein
9. Er liegt lieber in **Magdeburg** als in **Fünfkirchen**.
10. Von **München** nach **Frauenhofen** gehen /Er ist von **München** nach **Frauenhofen** gegangen
11. aus **Reichenbach /Reichartshausen** sein
12. aus **Ruhstetten** sein
13. Er ist nicht aus **Schenkendorf**, sondern aus **Greifswald**.
14. (nicht) aus /von **Schönhausen** sein
15. Sie ist einmal in **Schönhausen** gewesen, aber es ist schon lange her.
16. aus **Schwarzburg** sein
17. auf der **Wartburg** sein /sitzen

ПРИЛОЖЕНИЕ 5

ФЕ с топокомпонентом, являющиеся знаками пространственного кода культуры

1. **Aachen** ist des deutschen Reiches Haupt.
2. Das Beste an **Augsburg** ist der Zug nach **München**.
3. Du bist verrückt, mein Kind, du musst nach **Berlin**.
4. Der echte **Berliner** kommt aus Breslau.
5. **Berlin** ist doch kein Dorf.
6. einen Koffer in **Berlin** haben
7. Das macht die **Berliner** Luft.
8. eine (echte) **Berliner** Pflanze
9. jmd. hat eine **Berliner** Schnauze
10. Das schönste an **Bremen** ist die Autobahn nach **Hamburg**.
11. **Hamburg** ist das Tor zur Welt /zum Himmel, aber **Bremen** hat den Schlüssel dazu.
12. Der **Kölner** kommt mit `ner vier minus in den Himmel.
13. Mein **Leipzig** lob` ich mir! Es ist ein klein Paris und bildet seine Leute.
14. In der großen Seestadt **Leipzig**
15. Vater **Rhein**

ПРИЛОЖЕНИЕ 6

ФЕ с топокомпонентом, являющиеся знаками аксиологического и пространственного кода культуры

1. **Aachen** und **Köln** sind nicht an einem Tag gebaut (und werden nicht an einem Tag zerschell`n).
2. Der **Kölner** Dom wurde auch nicht an einem Tag gebaut.
3. Käse ins **Allgäu** rollen /bringen
4. Bier nach **München** /**Dortmund** bringen
5. Wer bringt schon Bier nach **Dortmund** mit?
6. Krawatten nach **Krefeld** tragen
7. Adler nach **Berlin** tragen
8. Wasser in den **Rhein** / in den **Main** /in die **Elbe** /in die **Spree** /in die **Pegnitz** tragen /schütten
9. Wasser zur **Donau** bringen
- 10.viel Wasser dem **Rhein** /**Main** /**Donau** /**Isar** hinunterfließen
- 11.Es hieße Wasser in die **Spree** tragen, wollte man...
- 12.Wenn die **Elbe** brennt und die Gänse Wasser zutragen
- 13.Mit dem Messer kannst du nach **Altötting** reiten. /Auf dem Messer kannst du bis **Bamberg** /**Buxtehude** /**Hamburg** /**Köln** reiten.
- 14.Auf diesem Messer kann man bis /nach **Köln** reiten
- 15.Er war in **Köln** und hat den Dom nicht gesehen.
- 16.jmd. hat eine **Berliner** Schnauze
- 17.geschminkt wie die **Berliner** Fastnacht
- 18.schlau wie ein **Berliner** sein
- 19.jemanden vollkommen (voll) **berlinern**
- 20.**Berlin** bleibt doch **Berlin**
- 21.jemanden auf den **Blocksberg** wünschen
- 22.Geh (doch) zum **Blocksberg**!
- 23.Dass du auf dem **Blocksberg** wärest!
- 24.der Reiter überm **Bodensee**

- 25.(Das war) ein Ritt über den **Bodensee**
- 26.sich fühlen wie ein Reiter auf dem **Bodensee**
- 27.**Bodensee**-Kaffee
- 28.ein Rattenfänger von **Hameln** sein
- 29.wie die Kinder hinter dem Rattenfänger von **Hameln**
- 30.wenn die **Donau** eintrocknet
- 31.Wenn die **Elbe** brennt und die Gänse Wasser zutragen
- 32.Das ist schon lange in **Hamburg**
- 33.etwas über /in den **Harz** kicken (können)
- 34.so groß wie das **Heidelberger** Faß sein
- 35.vor dem **Heidelberger** Fasse knien
- 36.Er war in **Köln** und hat den Dom nicht gesehen.
- 37.Das haben die **Kölner** Heinzelmännchen gemacht.
- 38.zu tun haben wie der **Leipziger Rat**
- 39.Das dauert keine **Leipziger** Messe.
- 40.Die **Oder** ist nicht weit.
- 41.Das ist zum **Oder** zuschütten.
- 42.Schütt`s in die alte **Oder**!
- 43.**Rhein** saufen
- 44.Das wäscht ihm der **Rhein** nicht ab.
- 45.Da /Bis dahin fließt noch viel Wasser **den Rhein /den Main /die Elbe /die Spree/den Neckar** herunter /hinunter /hinab
- 46.Es muss /wird noch viel Wasser den **Rhein /Main** hinabfließen, bis...
- 47.wie ein kleines **Ruhrgebiet** rauchen
- 48.Oh **Schilda**, mein Vaterland!
- 49.**Schildaer** Streiche
- 50.ein **Schildbürger** sein
- 51.Es ist ein **Schildbürgerstreich**
- 52.Ansichtskarte aus **Solingen**
- 53.Liebesgrüsse aus **Solingen**

54. Gruss aus **Solingen**
55. jemanden über den **Deister** schicken
56. Der sieht aus wie der **Dresdner** Totentanz.
57. **Gelsenkirchener** Barock
58. ausgehen wie das **Hornberger** Schießen
59. **Kölner** Barock
60. wie der Junge von **Meißen** aussehen
61. Daran erkenn ich meine **Pappenheimer!**
62. Wacht am **Rhein**
63. wie der Schneider von **Ulm** sein
64. **Frankfurter** Würstchen

ПРИЛОЖЕНИЕ 7

ФЕ с топокомпонентом, являющиеся знаками аксиологического кода культуры (связь с пространственной /топологической семантикой отсутствует)

А. в результате утраты информации об объекте топонимации
топокомпонент употребляется в обобщенно-номинативном значении

1. (irgendwo) in **Buxtehude**
2. aus **Buxtehude**
3. j-n nach **Buxtehude** wünschen
4. Geh nach **Buxtehude** (wo der Pfeffer wächst)!
5. in **Buxtehude**, wo die Hunde mit dem Schwanz bellen
6. der Geist von **Potsdam**
7. Er läuft von **Aachen** nach **Köln**.
8. über die **Wupper** gehen
9. aussehen wie die Hexe von **Binzen**
10. **Hamburger** Rechnung
11. In **Aachen** gekrönt, in Rom verhöhnt.
12. aussehen wie der Tod von **Altötting /Lübeck /Dresden**
13. Ab nach **Bautzen /Kassel!**
14. über den **Deister** gehen

Б. в результате реализации топокомпонентом значения, мотивируемого
внутренней формой и не связанного с объектом топонимации

15. von **Altenhausen** sein
16. Die Suppe ist in **Brandenburg** gewesen.
17. aus **Dummbach** sein
18. aus **Knipphausen** sein
19. Hier ist nicht **Kostnitz /Kostnix**.
20. aus **Laufenburg** sein
21. aus **Magdeburg** sein

22. Wer zu **Magdeburg** will Bürger sein, muss der Frau gehorsam sein
23. Er liegt lieber in **Magdeburg** als in **Fünfkirchen**.
24. Von **München** nach **Frauenhofen** gehen /Er ist von **München** nach **Frauenhofen** gegangen
25. aus **Reichenbach /Reichartshausen** sein
26. aus **Ruhestetten** sein
27. Er ist nicht aus **Schenkendorf**, sondern aus **Greifswald**.
28. (nicht) aus /von **Schönhausen** sein
29. Sie ist einmal in **Schönhausen** gewesen, aber es ist schon lange her.
30. aus **Schwarzburg** sein
31. auf der **Wartburg** sein /sitzen